

В. Ф. Власов

Дух оперы

В поисках 4-го измерения

12+

Владимир Власов

Дух оперы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Власов В. Ф.

Дух оперы / В. Ф. Власов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Путешествие в страну математики, музыки и пространственно-временной реальности открывает перед человеком новые возможности в управлении своим сознанием. Если «человек на площади» видит явственно физический мир с его внешней стороной, такой, какая она есть на самом деле, пребывая в "здесь-и-сейчас" действительности, то «человек в театре» погружается уже в свою действительность, как бы создавая из физического мира свой воображаемый театр, где происходят все события, связанные с ним. Когда же он ощущает себя "человеком в храме", то ему открываются небесные тайны и перед ним распахивается Небо.

© Власов В. Ф., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть первая. «Человек на площади»	6
1. Знакомство. Физики и математики	6
2. Прогулка по площади	25
3. Продолжение знакомства с реальностью	43
4. Встреча с живой богиней	61
5. Раздвоение	83
6. Дружба с двойниками	101
7. Вхождение в новый мир	121
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Обращение автора к читателю

Уважаемый читатель! Эту книгу лучше всего читать медленно, потому что каждое слово в ней имеет своё дно и своё особое значение, и если не читать её вдумчиво, то, вообще, не стоит браться за чтение, так как можно упустить то, ради чего она была написана, а именно, сокровенную суть понимания того, что спрятано глубоко внутри нас, и что призвано делать нас умными и творческими личностями, это – своего рода механика нашего интеллектуального становления. Эту книгу я, ни в коем разе, не отношу к разряду «развлекательного чтения».

Если что-то будет непонятно, то лучше всего, отложите эту книгу на какое-то время и подумайте о своей жизни, но уверю Вас, Вы к ней потом вернётесь, так как она может научить Вас тому, как стать более интеллектуально сильными и творчески успешными.

Эта книга предназначена для людей нового сознания, которые могут творчески работать, осознавая то, что они делают.

«Бог не знает больше, чем я». Гёте

«Наши деяния и учёность уйдут вместе с нами, а дух целую вечность юн». Хун Цзы-чэн

Часть первая. «Человек на площади»

1. Знакомство. Физики и математики

Этой зимой в нашем городе произошло нечто необыкновенное, что можно бы назвать чудом, но, как говорят, чудес на свете не бывает, если к тому же знать, почему случается то или иное явление, ведь всё в конце концов можно как-то объяснить. Но для основательного объяснения нужны всегда необходимые доводы, чем, в общем-то, и занимаются учёные, такие как физики и математики. Но физики и математики объясняют самые простые вещи в мире, можно сказать, самые примитивные. Ну, а если случается нечто мистическое, где нужны объяснения более высокого порядка, то, что тогда? Смогут ли физики и математики со своими конкретными установками проникнуть в сферы, находящиеся за границами их компетенции? Ведь никто ещё не отменял огромный пласт науки, называемой Метафизика. И метафизик – это совсем не то, что физик или математик.

Вот и мне предстояло выйти за рамки моей компетенции и углубиться в сферу, о которой я раньше даже и помыслить не мог, ни то, чтобы в неё проникнуть, потому что метафизику все называли ложной наукой. Но, очутившись в объятиях новых знаний, я понял, как я ошибался раньше, и не обращал никакого внимания на явные вещи, которые всегда находятся на поверхности – перед нашим взором, но на которые мы часто не обращаем внимания. Оказывается, что физика и математика – не такие уж примитивные предметы, если на них взглянуть со стороны метафизики. И на этом я бы хотел остановиться и рассмотреть все эти непонятные вещи отстранённым взглядом, иными словами, рассказать о своём опыте поподробнее.

К нам, в политехнический институт, прибыл молодой преподаватель математики из Италии, чтобы вести новый предмет, который вводился в нашу программу для студентов второго курса со странным названием «Квантовая архитектоника». Никто не знал такую науку, и поэтому к нему на лекцию хлынуло множество народа.

Студентов всегда привлекает что-то новенькое, ещё мало познанное и изученное. Но не только студенты ходили к нему на лекции, но и даже мы, преподаватели, оказались в их числе. Так как я возглавлял кафедру квантовой математики, то его лекции вызвали у меня живой интерес не только как у специалиста, но и как у заинтересованного лица.

Этого итальянского математика звали Луиджи Попогальо, и он был, как говорили, чистокровным итальянцем из Навоны. С самого начала в институте распространился слух, что он – красавчик и большой бабник, отлично играет на всех инструментах, поёт и даже сам сочиняет оперы. Одним словом, вокруг него поднялся ажиотаж не только в нашем институте, но и во всём городе. Два раза он уже выступал в нашем музыкальном театре, и в качестве певца блестяще исполнил партию Каварадосси из оперы «Тоска» композитора Пучинни.

Сразу же после начала его лекций меня вызвал к себе в кабинет ректор института и сказал:

– Милейший, я пригласил вас по очень щекотливому делу. И надеюсь, что наш разговор останется между нами. Как вы знаете, я ездил на международный симпозиум по образованию в Болонью, и там познакомился с этим итальянским учёным Попогальо, которого и позвал в наш институт прочитать лекции по его предмету. Мне его рекомендовали, как научное светило, которое готовится сделать революцию в математике и квантовой механике. Меня это зацепило, потому что принцип нашего учебного заведения – идти в авангарде науки, и я затащил его в наш институт на очень выгодных для него условиях. Но сейчас я немного одумался и считаю, что поторопился с его приглашением.

– Почему? – спросил я, удивившись.

– Потому что, начал замечать за ним некоторые странности. Вначале я подумал, что это всё – простые совпадения, и отмахнулся от них, но сейчас я всё больше и больше склоняюсь к мысли, что я допустил ошибку, привезя его в наш город.

– Я слышал, что он – бабник, – заметил я, – вы это имеет в виду?

– Нет, – ответил ректор, – с этим бы я смирился, мы все – не без греха. Но я говорю о странностях в его психике. Я бы не хотел распространяться на эту тему, потому что я могу ошибаться. Давайте сделаем так, я дам вам денег на представительские расходы. Поводите его по ресторанам, постарайтесь поближе познакомиться с ним, расспросите его о себе, постарайтесь проникнуть в его голову, понять, где он шутит, а где говорит серьёзные вещи. Не люблю эту привычку у нынешней молодёжи все серьёзные вещи превращать в шутку. Я, конечно, понимаю, что это удобная позиция – за шуткой скрывать не только свои мысли, но и истинное положение дел, но в деловых отношениях не может быть шуток. Одним словом, меня интересует его психологический портрет. Надеюсь, вы меня поняли. А после вашего близкого знакомства с ним мы встретимся и обменяемся нашими общими впечатлениями. Вы согласны?

Я кинул головой, после чего ректор дал мне некоторую сумму денег, и я покинул его кабинет. Но как только я вышел от него на морозный воздух, тут же испытал неловкость и даже угрызение совести. Получалось, что ректор нанял меня, как какую-то ищейку, шпионить за незнакомым мне человеком. Я хотел уже вернуться и отказаться от этой порученной мне миссии, но тут же подумал, что нужно было отказаться сразу и не брать деньги. Бог знает, что сейчас мог подумать обо мне ректор. Подумает ещё, что я набиваю себе цену. «Вот так всегда, – ругнулся я про себя, – мы все сильны задним умом». Поэтому я не стал возвращаться в кабинет ректора, а направился в преподавательское общежитие, где рядом с моей комнатой поселился Луиджи. До этого мы уже с ним познакомились и даже несколько раз перекинулись парой слов.

Время уже клонилось к вечеру, дневные занятия в университете закончились. Я постучал в его комнату и услышал его голос, в котором всегда звучали музыкальные нотки:

– Входите. Я никогда не запираю свои двери, потому что рад любому посетителю. Даже ночью, когда ложусь спать, двери мои открыты для всех, на тот случай, что, может быть, когда-нибудь ко мне забредёт случайно незнакомка.

Я вошёл к нему и осмотрел его скромное жильё. Кроме кровати, стола и нескольких стульев к комнате ничего не было. В маленькой кухоньке стояли два стула, стол и холодильник. Почти всё то же самое было и у меня. Окна в его как и в моей комнате, выходили на северо-восток, где текла широкая чистая река, не замерзающая даже зимой из-за сброса воды на плотине гидроэлектростанции. Густой пар поднимался от неё в небо почти отвесно из-за отсутствия ветра. Деревья по обоим берегам стояли покрытые толстыми шапками инея, которые жители города называли куржакками. За рекой живописно располагался город, сверкающий золотыми куполами церквей в лучах вечернего солнца, а снег отливал каким-то красноватым оттенком свечения.

– Может быть, мы поужинаем вместе где-нибудь в городе? – предложил я. – Я угощаю вас, и знаю одно местечко, где неплохо готовят.

– С удовольствием, – согласился Луиджи, – я ещё не очень хорошо знаю город, заодно вы покажете мне его. Пару раз я пел в вашем музыкальном театре, но, к сожалению, в вашем городе нет оперного театра, а я так скучаю по оперным представлениям. Знаете, что мы, итальянцы, не можем жить без нашей оперной культуры? Если бы я знал, что в вашем городе нет оперного театра, то вряд ли согласился приехать сюда.

– Что поделаешь, – вздохнул я, – но у нас есть превосходный драматический театр, мы можем как-нибудь сходить на какой-нибудь спектакль.

– Это совсем не то, – сказал, улыбаясь, Луиджи, – драма не может заменить оперу. Оперное искусство – это божественная благодать небесных потоков, нисходящих на землю. Через оперу с нами говорят небеса.

Мы вышли из общежития на морозный воздух и, взяв такси, направились в город.

В машине я спросил Луиджи:

– Где вы научились так хорошо говорить по-русски?

Луиджи рассмеялся и сказал:

– Мне совсем не сложно научиться говорить на любом языке мира, тем более, что итальянский язык похож на русский по своему благозвучию. Я же – говорящая птица, ведь и моя фамилия переводится на русский язык как «попугай», так что я обладаю способностью подражать любым звукам.

Я принял это за шутку и рассмеялся, спросив его:

– Я слышал, что вы из Навоны, но я попытался найти такой город на карте Италии и не нашёл. А где он расположен?

– Такого города нет в Италии, – заявил мне Луиджи, – Навона – это площадь в Риме. Я родился на этой площади.

– Значит, вы – римлянин? – спросил я, смеясь.

– Можно и так сказать, – согласился со мной мой спутник, – площадь Навона расположена недалеко от Ватикана. Если от неё пойти на север и через триста метров пересечь Тибр по мосту короля Умберто Первого, то вы окажетесь возле Дворца Правосудия, повернув на запад вы быстро дойдёте до площади Святого Петра, где и расположен Ватикан. Но когда летаешь над Римом, то в полёте не ощущаешь больших расстояний. Когда я ещё был птицей, самые любимые места посещения у меня были: Ватикан и ещё Оперный театр, который находится в восточном направлении от площади Навоны вдвое дальше, чем Ватикан. В Ватикане я слушал мессы, а в Оперном театре наслаждался божественными операми наших великих композиторов. Я родился в золотой клетке на балконе одного учёного, который и раскрыл мне все тайны математической науки. Он был моим учителем и его звали Луиджи. А когда он умер, а я стал человеком, то взял его имя.

– Вы шутите, – сказал я, рассмеявшись.

– Нисколько не шучу, – ответил он, улыбнувшись, – это же самое я рассказал вашему ректору, но, кажется, он не поверил ни одному моему слову.

Я не знал, что ему сказать, а Луиджи тем временем говорил:

– Я считаю, что площадь Навона – самая красивая в Риме. Мы называем её пьядца Навона. Она возникла полтора столетия назад на месте стадиона Домициана, где с пятнадцатого века находился городской рынок. Это – большая и вытянутая с юга на север прямоугольная площадь, где расположены сразу три фонтана.

Мы приехали в центральную часть города и вышли из машины недалеко от памятника Ленину и перекрёстка двух центральных улиц. Как раз напротив памятника в глаза нам бросилась вывеска, написанная на итальянском: «RESTORANTE ETERNO» «Ресторан Вечность», а чуть пониже более мелким шрифтом шло уточнение: “Scoperto del gusto” – «Открытие вкуса». Луиджи, увидев эту надпись, рассмеялся и сказал:

– Совсем так же, как у меня на родине.

– Тогда, может быть, мы зайдём туда и поужинаем? – предложил я.

– Согласен, – сказала он, – посмотрим, чем ваша кухня отличается от нашей.

Мы зашли в ресторан «Этерно» – «Вечность», который оказался очень небольшим и довольно уютным. Я зашёл в туалет, чтобы помыть руки, и туалет мне тоже понравился. Он был чистеньким и уютным, освещённым волшебным фонарём с вращающимся разноцветным экраном, отчего свет в туалете постоянно менялся, окрашивая стены и всё пространство в разные цвета. Когда я вышел из туалета, мы разместились за столиком и осмотрелись. Луиджи похвалил интерьер этого заведения, сказав:

– Неплохо всё устроено! Есть в этой атмосфере некая иллюзия пребывания в Вечном Городе. Чувствуется в интерьере этого заведения что-то такое от барокко, а эти забавные анге-

лочки с блюдами, наполненными виноградом, и это мягкое окружение интерьера удачно гармонируют с обстановкой мебели, шторами и занавесками на окнах. Такое пребывание в подобных местах и позволяет нам задумываться над сложными проблемами нашего бытия во времени и пространстве. Этот ресторанчик вполне мог бы вписаться в окружение моей родной пьящцы Навона, где-нибудь возле палатцо Памфили. Ведь всё может происходить в нашем мире в независимости от времени и бытия. Как рассуждал один философ о том, что бытие как «присутствие» определяется временем, но время текуче, а пространство постоянно, поэтому бытие может находиться и присутствовать одновременно и во времени, и в пространстве, и в нашем бытии сейчас и тут. Ну, почему бы нам не представить, что в данную минуту мы находимся не в вашем городе, а в Риме на моей родной площади Навона, по которой я очень скучаю. Ведь это же можно представить?

– Вероятно, можно представить всё, – согласился я с ним и тут же возразил, – но что от этого изменится? Ведь мы всё равно не сможем перенестись в Рим.

– Это – как сказать, – заметил Луиджи, рассмеявшись, – ведь бытие не всегда определяется через время. Забудьте на минутку о времени, как говорил тот же философ: «Всякая попытка удовлетворительно осмыслить соотношения бытия и времени с помощью общезначимых и приблизительных представлений о времени и бытии вскоре увязает в не распутываемом клубке едва продуманных связей». А я скажу больше, что ни одна вещь не имеет своего времени, потому что, когда мы есть, когда мы ощущаем себя, время исчезает. Может быть, у сущего и есть время, но у ощущающего себя субъекта времени не бывает, оно как бы улетучивается и становится, некой иллюзорной подвижностью, миражом. Вот, когда мы говорим с вами, разве мы ощущаем время? Или, когда мы слушаем кого-то, кто овладевает нашим вниманием, мы тоже не ощущаем времени, в этот момент мы сами становимся мыслью, а мысль существует вне времени и вне пространства. Как говорят на Востоке: «Одна мысль – десять тысяч лет». Ведь бытие – это не вещь, а состояние души и некое наличие в вечности, это – само время, определяющее своё время. Если уж говорить честно, то бытия вообще не существует ни во времени, ни в пространстве, а есть только наше временное присутствие, и это присутствие – даже не нас самих, а всего лишь нашего сознания в нашем сознании. Вот здесь в этом ресторане, вы видите расписные стены, картины итальянских художников, ажурные плафоны, белые скатерти на столах, серебряные вилки и хрустальные бокалы. Но стоит подойти к вам официанту с бутылкой вина и ударить ею вас по голове, и моментально всё исчезнет. Вы уже не будете видеть ни осколков разбитой бутылки, ни струящегося мягкого света этих великолепных люстр. Весь ваш мир мгновенно погрузится во тьму. Так скажите мне: где же здесь бытие? Нигде среди всех этих вещей вы бытия не найдёте. И бытие – не в вещах и не во времени, оно – в нас. Где мы хотим себя ощущать, там мы и пребываем, там мы и присутствуем. А сейчас представьте, что мы с вами присутствуем в Риме, в ресторане с этим самым названием «Этерно» – «Вечность». Мы все живём в своём времени, и это мы, так сказать, определяем для себя это время, но это даже не важно для нас, течёт время или нет, оно может просто стоять на месте, а мы будем жить. Представьте, что вокруг нас ничего не крутится и не вертится. Всё остановилось и застыло. Время остановилось, его просто нет в наличии, ничто не тикает и не указывает на то, что что-то меняется. Это и есть наше внутреннее состояние, его ещё можно назвать «состоянием сна», ведь во сне вы времени не наблюдаете.

В это время подошёл к нам официант и спросил, выбрали мы что-нибудь в меню или нет. Мы сделали заказ и продолжили беседу. Я сказал Луиджи:

– Всё – это так, как вы говорите, но всё в мире относительно чего-то, и если думать так, как вы только что изложили, что бытие – это всего лишь наше присутствие, где бы то ни было, то тогда мы даже не сможем представить, что же представляет собой этот мир.

– Совершенно верно! – хлопнув в ладоши, радостно провозгласил Луиджи. – Мы и в самом деле не знаем, что собой представляет этот мир. И тот, кто считает, что он знает этот

мир, очень ошибается. Всё это – мираж, и все это – временно. А лучше сказать, что мир – это игра нашего воображения. Ведь то, что вы видите, может и не происходить в мире. Мир ваш внутренний может отличаться от мира внешнего.

Он взмахнул рукой, указывая на зал и нескольких посетителей, сидящих за столиками.

– К тому же, – продолжал он говорить, – всё, что вы видите вокруг себя, не принадлежит вам и не имеет к вам никакого отношения. Вы пришли в этот мир и ушли. Ничего из него не взяли, и ничего ему не оставили. Всё это, якобы, сущее не имеет для вас никакого значения и никого отношения к вам. Оно – само по себе, а вы – сами по себе. Всё это – преходящее, а мы – вечные, потому что ничем сущим не обладаем, потому что мы, как «сами по себе», не находимся ни во времени, ни в пространстве, мы как бы стоим за бортом всей этой сущности. Мы можем исчезнуть здесь, а появиться там.

И он указал жестом на какую-то неопределённость.

– Мы сами определяем своё время и место там, где мы появляемся. Обладаем ли мы бытием? Несомненно, мы не только им обладаем, но мы и являемся им, потому что мы сами и есть время и пространство. Бытие – это не вещь, и не время, это – наше сознание.

Луиджи замолчал и о чём-то задумался. В это время официант принёс нам блюда и стал расставлять на столе. Затем он распечатал бутылку итальянского вина, и, пожелав нам «приятного аппетита», тихо удалился.

Только сейчас мы заметили, что в зале негромко звучит какая-то музыка. Я вслушался в её звуки и узнал мелодию «Волшебной флейты». Прекрасный голос исполнял на немецком языке арию из этой оперы. Я обратил на неё внимание Луиджи и спросил, любит ли он Моцарта.

– Я обожаю его, – сказал он, – из-за этой оперы я выучил даже немецкий язык. Моцарт – это бог. Моцарт – это символ, печать качества идеальности, знак гения. Каждый из нас представляет собой определённый знак. На этом и стоит математика. Все мы являемся людьми, но все мы не однозначны, потому что проявляемся в разных мирах как феномены. Только знаками можно определить и выделить феномен среди множества феноменов. Для этого и служит математика. Но математика тесно связана с музыкой, потому что само звучание музыки – это уже сам по себе математический ряд набора определённых размеров, выраженных в символах, означающих проникание времени, и этот явленный поток времени является своего рода волшебством, где каждый звук, каждая пауза стоит на своём месте и создаёт общую гармонию звучания. Это как бы одна некая действительность налагается на другую действительность и создаёт воодушевление, иными словами, меняет какую-то данную реальность на совсем другую новую действительность. В этом и состоит всё очарование квантовой архитектоники. При помощи её любой физик и математик способен создавать не только новую реальность, меняя время и пространство, но и порождать новые вещи, новые обстоятельства и открывать совсем иной мир в пространстве, творить своё собственное время.

Слушая его, я всё более и более очаровывался его словами. Отпивая из бокала вино маленькими глотками, я наполнялся некой живительной силой, которая как бы раздвигала мои мыслительные горизонты. Я сам начал говорить легко и непринуждённо, чему, несомненно, способствовала речь моего спутника и единомышленника.

Я говорил:

– Как мне повезло, что я встретил вас, и могу говорить о том, что меня всегда волновало. Я же стал математиком случайно. Прежде всего, скажу несколько слов о себе и о том, как меня угораздило попасть на физико-математический факультет института. Само сочетание этих слов «физика» и «математика» уже отдаёт чем-то мистическим, и поясню, почему. Ещё в юности я полагал, что через математические символы и формулы можно вершить нечто такое, что становится вещественным и осязаемым в физическом мире. Это – как магия или волшебство, которое из ничего, из воображаемых символов, делает нечто такое, что превращается в

вещи или осязаемый плотные тела и предметы. От таких мыслей «срывает крышу», как говорят студенты. Но ведь это так и есть. Древние греки под понятием физика понимали совокупность представлений о природе, о внешнем мире и о всём, что не создано человеком. А вот всё, что создаётся человеком, можно отнести к области математики. Поэтому существует теснейшая связь между физикой и математикой. Скажу большее, я согласен с вами и полагаю, что сама музыка и есть небесный язык цифр, рождающийся на небесах; он посылает нам некое откровение небесных сущностей, которые через музыку не только общаются с нами, но и делятся некими тайными истинами, которые потом, проникая в наше сознание, делают нас похожими на них, на эти самые небесные создания.

Луиджи, услышав эти слова, рассмеялся, но тут же поддержал меня, сказав:

– Несомненно, так оно и есть. Я думаю, что Лао-цзы, Конфуций и даже Будда слышали музыку, но вот только музыка в их ушах звучала разная. Лао-цзы слышал звучание Космоса, Конфуций – земные мелодии, а Будда – музыку пустоты. Военные, учителя, учёные, священники – никто не может обойтись без музыки. Даже начало отсчёта мира начиналось с ритма, мелодии и музыки. Я полагаю, что сам Бог, творивший мир, начал создавать его с сотворения гармонии, которая и вылилась в музыку жизни. Ведь музыка нас сопровождает от рождения до смерти, и даже перерождение – это просто смена одной жизненной мелодии на другую. И всё наше грядущее зашифровано в этой музыке. Только пребывая в спокойствии, можно услышать музыку жизни. Поэтому между небом и землей есть пространство, заполненное музыкой, которая возникает там из самой механики мироздания. Она настолько сложна, что её нам сложно понять, а иногда даже невозможно услышать, и, хотя нам кажется, что в тишине нет музыки, но как раз тишина и наполнена музыкой. Весь эфир музыкален, нужно только вслушаться в него, и мы услышим, как в нём проносятся небесные тела, проплывают облака, гонимые ветром, как на землю падают капли дождя и снежинки. С неба на землю также опускаются мелодии, содержащие в себе эту тайну мироздания, о которой говорите вы, и излагаете те определённые идеи, которые мы потом претворяем в жизнь. Поэтому музыка, звучащая в мире, разноярусная, и звуки рождаются в ней от столкновения разных вещей друг с другом и даже разных миров. Об этом я говорю студентам в своих лекциях. Я им говорю, что нижний ярус эфира заселён людьми и разными живыми существами. На верхнем ярусе обитают боги, ангелы и разные тонкие сущности. Этот эфир, по сути своей, является сценой, подмостками музыкального театра – Театра Идей, где время от времени появляются люди, на которых и опускаются эти идеи, и они сочиняют прекрасную музыку. Здесь же разыгрываются представления, которые не всегда попадают в анналы человеческой истории. Только идеальные моменты из пьесы Театра Идей способны обрести жизнь, и в них устанавливается некая гармония между землёй и небом. И только при этих условиях может возникнуть некая идеальная действительность, которая время от времени накрывает то или иное место на земле, где начинают происходить чудеса и рождается мир, совсем не похожий на мир нашей обыденной действительности. О нём мы сейчас и говорим с вами. Не так ли? Но для наступления такой действительности нужны некоторые предпосылки, которые способен организовать только сам человек в своём внутреннем мире.

В этот момент я почувствовал, что опьянел. Но мой мозг начинал работать ясно и просветлённо, давая оценку кружащемуся вокруг меня миру.

– Что это? – спросил я Луиджи, указывая на бутылку с вином.

– Это – наша итальянская граппа, – смеясь, сказал он, – она кажется лёгким вином, но от неё можно очень захмелеть, поэтому мы её обычно разбавляем водой. Я очень удивился, когда увидел, что вы пьёте её не разведённой, но подумал, что вы, русские, все такие крепкие в употреблении алкоголя и не пьянеете. Я всегда разбавляю граппу водой.

И я тут увидел, что перед ним стоит графин с чистой водой, которую он на моих глазах подлил в свой бокал. Как-то раньше я этого не заметил. По-видимому, я уже давно захмелел,

и этот момент опьянения совсем выпустил из виду, похоже, опьянение, как и сон, незаметно одолевает человеком.

– Мне бы нужно выйти на воздух, – сказал я, – а то я чувствую головокружение.

– Ну что же, – сказал Луиджи, рассмеявшись, – раз вы хотите выйти на воздух, тогда я вам покажу настоящий Рим.

Я стал вставать из-за стола и почувствовал необыкновенную тяжесть в ногах. «Вот набрался!» – подумал я. С большим усилием, преодолевая себя, я заставил себя стоять, не качаясь. Но меня всё же слегка качнуло, голова кружилась.

К нам подошёл официант, и я расплатился и с удивлением заметил, что большая бутылка граппы, стоящая на нашем столе, была пуста. Если Луиджи пил разбавленное вино, – подумал я, – то, значит, три четверти бутылки выпил я. За нашим столом больше никого не было. Вот почему я так опьянел. Мне стало жарко.

Одевшись, мы с Луиджи направились к выходу. Как только мы вышли из ресторана «Етерно» – «Вечности», то в лицо дыхнул мне не морозный воздух нашего города, а прохладный вечерний бриз весеннего вечера. Я остановился и обомлел. Первое, что привлекло моё внимание, было то, что вместо памятника Ленину стояла на площади посреди фонтана античная фигура бога морей, разящего трезубцем осьминога, в окружении других изящных скульптур: лошади, пытающейся выскочить из бассейна с ребёнком на спине, ещё там были мужчины, женщина и другие дети. Все они, казалось, хотели, как можно быстрее, покинуть этот водоём. Я перевёл взгляд на здания, стоящие вокруг площади, и они все были мне абсолютно незнакомыми.

– Что это?! – воскликнул я в возбуждении.

– Это и есть площадь Навона, – ответил мне Луиджи, – и прямо перед нами находится фонтан Нептуна.

– Но это невозможно! – воскликнул я, отказываясь верить своим глазам.

– Почему же? – с улыбкой спросил меня Луиджи. – Всё в мире возможно, стоит только немного внутренне перестроиться, и всё стаёт таким, каким желаете вы представить.

– Но я же никаким образом не перестраивался, – сказал я, – как же это произошло?

– Это я изменил окружение, – признался Луиджи, рассмеявшись, и переходя со мной на «ты», – надеюсь, ты не возражаешь? Я проявил свои знания квантовой архитектоники, и для этого нужно-то всего найти необходимые инструменты для вхождения в новую реальность, я знаю, как это делается, – на этом и построена моя наука – квантовая архитектоника. Сейчас у тебя в ушах должна звучать некая музыка. Ты слышишь её?

– Да, – сказал я, – но раньше я никогда её не слышал. Странно, но я одновременно слышу музыку Европы, Азии, Америки и Африки, мелодии не чередуются, а звучат как бы вместе – одна налагается на фон другой. Какое странное звучание!

– Вот это именно тот эффект, который должен возникать при перенастройке на иную действительность.

– Как же это делается? – спросил я его.

– Это ты поймёшь немного позже сам, а теперь давай осмотрим это место, куда ты попал.

Перед нами стоит фонтан Нептуна. Хочешь попробовать из него воду?

– А, что, вода из этого фонтана какая-то особенная?

– А ты попробуй, – посоветовал мне Луиджи, подводя меня к фонтану.

Я зачерпнул горстью воду, попробовал на вкус и тут же воскликнул:

– Но она же горькая, как водка! Она чем-то похожа на морскую солёную воду, но от неё можно запьянеть. А я и так уже пьяный, как бы мне не упасть здесь, прямо на площади, как последнему забулдыге. К тому же, эту воду невозможно пить. Это – морская вода?

– Это – вода мёртвая, – улыбнулся Луиджи и кинул головой, – когда-то я пил её очень много, чтобы умереть, как птица, а затем возродиться человеком. В то время мы жили с хозяином в том доме.

И он указал на окна жилого дома рядом с французской школой, которые в торце выходили на виа Агонале напротив ресторана Бернини, из которого мы только что вышли. С этого места открывался удивительный вид на всю площадь Навона, простирающуюся к югу от нас.

– Когда-то здесь был стадион, – сказал Луиджи, махнув рукой, – потом находился городской рынок, а после этого его перестроили в самую большую площадь Рима, где могут разместиться пятнадцать легионов солдат. Справа за улочкой Виа дель Лоренси стоит здание библиотеки фонда Чезаре Фиори, где я провёл много часов, чтобы набраться нужных мне знаний. А там дальше высится Церковь святой Агнессы, выстроенная когда-то на месте публичного дома. В ней есть изображение, на котором эта святая очень похожа на одну вашу студентку со второго курса, которая мне приглянулась, но к которой я никак пока не могу найти подхода, потому что она своим характером напоминает мне эту святую. Ещё в старые времена, когда были гонения на христиан, она стала христианкой. Её отдали в публичный дом, но ни один мужчина не смог овладеть ею, она так и осталась девственницей. Ей отрубили голову, и эта голова хранится в церкви как святыня. Хочешь посмотреть на неё?

– Что? Посмотреть на отрубленную голову? – в ужасе спросил я.

– Нет, – рассмеявшись, ответил он, – я хочу показать тебе изображение святой?

Я не знал, что ему ответить, но сам подумал о девушке-студентке, которую он имел в виду, и в которую я был тоже влюблён.

– В конце площади стоит старинный дворец Пампили, – продолжил он говорить, – а слева, за французской школой, напротив фонтана Четырёх рек, высится здания, где помещается зал искусства Сервантеса и институт политических исследований святого папы Пия Пятого. В конце же площади напротив другого фонтана, олицетворяющего Мавра, есть храм Нашей Богородицы Святого Сердца. А напротив него расположилось здание Бразильского посольства. Как видишь, на этой площади представлено всё многообразие мира. Что бы ты хотел осмотреть?

Я развёл руками, но, подумав, сказал, что мне хотелось бы осмотреть церковь святой Агнессы, которая тоже находилась напротив Фонтана Четырёх рек.

Он согласился показать мне церковь, но вначале мы подошли к фонтану Четырёх рек. Фонтан был настолько живописным, что я залюбовался им. От огромной стелы на четыре стороны в фонтан изливались воды, олицетворявшие четыре континента. Напротив церкви святой Агнессы сидел бог реки Нил, устремляющий свой взор на девственницу Агнесу, которая, по мнению Бернини, могла рухнуть под его страстным взглядом. Бог Дуная держал в руках свиток с высеченными эмблемами папства, бог реки Ла-Плато сидел на горе золотых монет, а индийский бог реки Ганг держал в руках весло.

– Ты можешь попробовать водичку из этого бассейна, – посоветовал мне Луиджи, – это живая вода. При помощи её можно излечиться от всех болезней, к тому же познать мистику, насытить свой ум знаниями и верой в высшие символы, познать тайны и причаститься к перлам мудрости, а также обрести способность совершать странствия на просторах далёких океанов восточной философии.

Я попробовал на вкус воду из фонтана, она оказалась пресной, холодной и очень чистой.

– А какой водой наполнен третий фонтан? – спросил я его.

– Вода в фонтане Мавра необычная, – сказал Луиджи, – там вода своим вкусом очень походит на вино. Человек, попробовавший её, обретает сказочное воображение и способен проникать в запредельные сферы нашей реальности. Он может преобразовываться в любое существо во Вселенной, путешествовать в разных местах и даже остаться там навсегда. Но я не советую тебе пока пробовать эту воду, потому что любое твоё желание может осуществиться,

если ты отопьёшь из того фонтана хотя бы глоточек воды. Прежде, чем это сделать, постарайся понять, что тебе нужно, потому что, когда это осуществится, то возврата уже не будет. Многие люди, пившие из того фонтана, бесследно исчезали.

Я оглядел площадь и опять зачерпнул пригоршней немного воды из бассейна Четырёх рек, смочив свои губы. И тут на какое-то мгновение я полностью потерял ощущение реальности. Мне казалось, что я стою ни на площади Навона, а нахожусь уже где-то в космосе, зависая в пространстве, и до меня долетал голос Луиджи, превратившегося в небожителя, который говорил мне:

– В этом фонтане не просто пресная вода, а удивительно чистая, она как бы проясняет наше сознание и позволяет нам видеть мир таким, каким он есть на самом деле. Она снимает с наших глаз покровы заблуждения и наделяет нас особой мудростью видеть вещи в их скрытом существе, вернее, она даёт нам сразу четыре способа видеть мир очищенным взглядом. Ведь сами вещи и представления о них в нашем сознании всегда разнятся. Видя вещи, мы не всегда способны узреть истинный дух их сущности, поэтому воспринимаемая нашим сознанием объективность только кажется нам объективностью, а на самом деле она таковой не является. В нашем поле зрения возникает перед глазами некая заставка, через которую мы смотрим на объект, и поэтому видим то, что хотим видеть. Вы, учёные и философы, привыкли говорить об объективности познания, на которое вы ориентируетесь, но в своём мире, глядя на объект, вы думаете, что имеете свои законы и формулы, по которым, как вам кажется, вы способны предсказывать будущее течение времени и изменение вещей, а также восстанавливать прошедшее. Вы всегда хотите определённой ясности в вашей жизни, поэтому и пытаетесь при помощи своего сознания всё в этом мире привести к простоте, понять, что такое вещи, события, законы природы. Для этого вы и создали так называемую науку, которую насытили разными своими теориями; а эти теории строите из своих же измышлений, думая, что они помогут вам решать какие-то ваши проблемы. Но в чём, позволь спросить тебя, состоит сущность ваших теорий?

Я не успел ему ответить, как он продолжил говорить:

– Создавая свои теории, вы тут же из ученого превращаетесь в философа, и считаете, что при помощи философских исследований своих научных работ обретаете чистое и подлинное теоретическое понимание этого мира.

– Уже нет! – воскликнул я, перебивая его. – Ещё этим вечером я считал, что знаю этот мир, то теперь, очутившись здесь, я совсем его не понимаю.

Услышав эти слова, Луиджи рассмеялся и сказал:

– Наконец-то, ты проснулся. Ты увидел феномен, и увидел его совсем не там, где сам ожидал его увидеть. Ты понял, что всё в этом мире субъективно и относительно. Только что мы были в твоём городе зимой, и вдруг оказались здесь, в центре этого Вечного города. И тебе бы хотелось, наверное, узнать, как мы здесь очутились?

– Вот именно, – сказал я.

– Скажи мне, – произнёс Луиджи, – а сейчас в твоих ушах звучит ли какая-нибудь музыка?

– Да, – ответил я, – я слышу звуки какой-то симфонии, но, мне кажется, что раньше я никогда её не слышал.

– И откуда же льётся эта симфония? – спросил меня лукаво Луиджи.

– Не знаю, – ответил я, – она просто звучит в моей голову, создаётся такое чувство, что она льётся откуда-то с неба.

– Вот именно! – воскликнул Луиджи. – Мы все слышим эту небесную музыку, но вот только не всегда обращаем внимание на её звуки. Раз ты слышишь музыку, то мне будет легче с тобой говорить о том, во что я хочу посвятить тебя, потому что, когда ты начнёшь понимать некие мистические вещи и откроешь новые знания, в которые я хочу тебя погрузить, ты начнёшь понимать и меня. И тогда мы сможем установить между нами интер-субъективную вза-

имную связь, какую, впрочем, мы с тобой уже имеем, как два познающих субъекта. Если тебе удастся понять меня, то, и ты сможешь, надеюсь, обрести новое миропознание.

– Что же это за миропознание такое, – спросил я его скептически, – которое возникает лишь с музыкой и содержит в себе мистические тайны?

– Это и есть то самое совершенное миропознание, – стал уверять меня Луиджи, – через которое перед тобой откроются одновременно три действительности. Если ты верующий христианин, то ты сможешь смотреть на мир и происходящую действительность одновременно тремя взглядами: взглядом Бога-отца, божьего Сына и Святого духа. Но если ты атеист, то эта действительность разделится в тебе совсем по-другому: ты начнёшь воспринимать реальность одновременно как «человек на площади», как «человек в театре» и как «человек в храме».

– Но если я атеист, то зачем мне идти в храм? – с иронией спросил я его.

– Храм – это не то, что ты думаешь, – ответил Луиджи почти серьёзно, – храм – это космос, а также и всё мироздание, где мы носимся как маленькие частички единого целого. Когда-то я усвоил эту философию при перерождении из птицы в человека. Я как бы посмотрел на мир не только взглядом птицы или человека, но и смог посмотреть на мир отстранённым взглядом – взглядом самого Творца. И это произошло здесь, где я родился, на этой площади Навона в моей золотой клетке. Здесь я впервые выбрался из клетки и облетел эту площадь. И здесь я решил трансформироваться, перестать быть птицей, трансформироваться вначале в человека, а потом уже и в самого бога. Так мне удалось стать «человеком на площади», то есть, попасть в ту реальность, которая окружает вас, как людей, потому что птиц окружает реальность совсем другого порядка. Ведь человек живёт, как ползающее существо в двухмерном пространстве и передвигается только по плоскости, в то время как птица парит в трёхмерном пространстве. Она способна летать, передвигаясь в объёмных протяжённостях. Конечно же, став человеком, я потерял способность физического полёта, но зато обрёл нечто такое, что делает меня сильнее, чем обычную птицу. О своём птичьем ощущении мировосприятия сейчас я не буду говорить, а скажу только о тех состояниях, в которых постоянно пребывает человек. Итак, человек существует одновременно в трёх состояниях: он, как «человек на площади», прежде всего, обзревает своё окружение – здания, деревья, людей, собак, птиц; смотрит на них как на вещи, отделённые от него самого своими границами и формами. Это и есть его настоящий физический мир, где наличествуют какие-то единичности и множественности. В этом физическом материальном мире человек способен видеть только формы, но не содержание этих вещей. Это – так называемый его внешний мир, мир одновременно красивый или безобразный, хаотичный или структурированно-совершенный. Этот мир может ему нравиться или не нравиться, но от него ему никуда не деться, если ему не изменить своё сознание. Этот объективный мир цепко держит человека в своих объятиях. Ты можешь увидеть на этой площади красивую девушку, которая понравится тебе, но физически она ничем не будет отличаться от других прохожих, разве только своей своеобразной внешностью. Этот физический мир также есть и мир математики. Ты можешь ещё видеть на этой площади сотню других красивых девушек, в которые ты тоже можешь влюбиться, потому что за красивой внешностью девушки трудно разглядеть её сущностное содержание. Этот внешний, голый, ничем неприкрытый мир виден тебе как на ладони в самых мельчайших деталях, потому что он прост и примитивен. Его ещё можно назвать материальным миром. Такой взгляд на мир имеют как птицы, так и животные. В этом мире рождаются определённые чувства – как употребить этот мир для себя? Что можно от него взять? «Человек на площади» примитивен и понятен. В этом мире существует своя собственная логика. Если человека обидеть, то он тут же полезет в драку с кулаками, если считает себя сильным, или постарается убежать и забиться в какую-нибудь подворотню, если он слаб. «Человек на площади» эгоистичен и самолюбив, потому что он чувствует себя такой же вещью, как и другие вещи-люди, среди множества таких же, как и он, вещей-людей этой толпы. Со стороны этого мира он постоянно чувствует агрессию и опасность. Так было и со мной, когда я

впервые стал человеком. Ведь до этого я летал над этой площадью, только наблюдая за людьми, собаками и другими птицами: голубями и воронами. Я уносился в сторону Оперного театра, где звучала божественная музыка, а потом летел в сторону Ватикана – «Святого Места» – Santo Sede – престола папы на площадь Святого Петра, где звучали молитвы, и говорил всего один человек, которого слушали тысячи других людей с замиранием сердца. Там звучала уже совсем другая музыка. И я понял, что у людей есть такое состояние души, которое я называл «человеком в театре» и ещё «человеком в храме». «Человек в театре», это когда человек находится не на площади, а в закрытом помещении. Когда его со всех сторон закрывают стены, сверху – потолок, а с низу – пол. Тогда-то в нём и рождаются некие интимные таинственные чувства, когда он способен устремить свой взор на свой внутренний мир, почувствовать тонкие нюансы своих чувств, увидеть какие-то свои внутренние тайны и истины. Это «состояние человека в театре» можно сравнить ещё с его нахождением внутри собственной головы. Когда он смыкает веки, то как бы гаснут люстры и опускается занавес на сцене, наступает темнота, как это бывает перед началом спектакля или оперы в театре. Это – самый волнительный момент театра перед началом каких-либо действий. Это как будто предчувствие начала какой-то жизни, таинственной и неповторимой. Но вот веки открываются, занавес поднимается, и начинаются удивительные действия, появляются образы и происходит проникновение в эти образы, вхождение в другие миры, как просачивание внутрь вещей, которые до этого были всего лишь мёртвыми движущимися предметами. Проникая в эти вещи, мы как бы попадаем в иные миры, и перед нами открывается всё разнообразие Вселенной. И вот здесь начинается разделение человека на две части, вернее, не самого человека, и на его сознание. Ты никогда не задумывался над тем, почему у человека два глаза, два уха и две ноздри и только один рот?

Я не успел ему ответить, как Луиджи продолжил говорить:

– Ты, наверное, думаешь, что эти органы чувства дублируются у человека для более точной ориентации в пространстве. Может быть, это и так, но главное – ни в этом. В голове человека как бы живёт два существа: два зрителя и два слушателя. Оба они контролируют всё по-своему, и по-своему воспринимают действительность. И даже два полушария головного мозга разные, и каждый из них имеет свою функцию: левое полушарие отвечает за абстрактное восприятие действительности, а правое – за образное и конкретное. В нашей голове одновременно происходит восприятие мира и обработка его данных на двух уровнях, как на двух фронтах: на общем и на конкретном. Образы у нас превращаются в абстракцию, а абстракция переходит в образы. В нас одновременно сидят два мыслителя, которые осмысливают мир в двух плоскостях. И часто эти мыслители вступают в диалог и даже в спор. Ведь и тебе, наверное, часто приходилось слышать эти диалоги в своей голове. Эти два собеседника порождают наши мысли, которые мы преобразуем через идеи в некое своё отношение к действительности. В наших головах мы постоянно находимся в «театре действий», поэтому мы все на этом уровне и относимся к разряду «человека в театре».

На какое-то мгновение Луиджи остановился и посмотрел на меня пристально, а затем продолжил говорить:

– И наконец, «человек в храме», которым мы одновременно являемся наряду с другими своими внутренними сущностями. Когда мы находимся в состоянии «человека в храме», то все наши мысли устремляются из нас во вне, но не в ближайшее наше окружение, а далеко за его пределы – в космос и во Вселенную, потому что мы понимаем, что сами являемся частичкой всего этого общего. И в этом нашем устремлении вверх всегда царит гармония мироздания и понимая этого мира, как общего целого, объединяющего нас в единый уникум, где присутствует всё, и то, что есть в этом мире, и то, что уже было, но по каким-то причинам исчезло, и то, что ещё будет в нашей жизни. Вот такую картину я нарисовал тебе перед тем, как войти в храм Святой Агнессы. Увидев картину этой девственницы, ты лучше поймёшь суть феномена.

Как только я вошёл в церковь и увидел её образ, то у меня тут же бешено забилося сердце, и мысли понеслись в голове в бешеной скачке подобно табунам быстрых лошадей.

Да, это была она, моя милая студентка Агнесса со второго курса, которая слушала мои лекции по математическому анализу, и отвечала мне на мои вопросы на семинарах.

Агния была единственной девушкой среди парней на этом потоке, с внешностью женского ангела и кристально чистым взглядом карих глаз. Как же на этой картине она походила на саму себя! На образе она была запечатлена в полуобнажённом виде с длинными распущенными волосами, полу-обёрнутая небольшим лоскутом ткани, который придерживал ангел, зависший над ней в небесах в левом углу картины. Её девственная фигура практически была почти обнажена в своей незащищённости, но во всём её облике не было никакой пошлости, только чистота и таинство чего-то возвышенного, драгоценного и желанного определяло её позу и выражение лица. Перед ней так и хотелось преклонить колени. Она была чем-то похожа на невинную овечку в образе девственницы, стоящей на коленях, готовой к жертвоприношению. Это была девственница в публичном доме, которой никто из мужчин не мог овладеть.

Девственность всегда сдерживает мужчину, потому что лишение девушки невинности – это важнейший акт связи двух полов на вечные времена. В жизни каждого мужчины не так уж много бывает девственниц. А первым у девушки бывает только один мужчина в её жизни. Потеря девственности – это как расставание с юностью и вступление во взрослую жизнь. И эта Агнесса римская была покровительницей невинных девушек, потому что само имя Агнесса переводилось с греческого как «невинная», и на латыни оно означало «агнус» – агнец, ягнёнок.

С самого начала появления Агнии в институте я наблюдал за ней. Несмотря на то, что она была подвижной и эмоциональной девушкой, открытой и приветливой со всеми, чувствовалось, что она обладала твёрдым характером, и была воспитана в очень строгой семье, умела держать себя в руках. Но иногда с ней случались импульсивные взрывы, когда она считала, что что-то происходит не так, как, по её мнению, должно происходить. Один раз я увидел, как она на лестнице ударила по щеке парня ладонью, резко повернулась и пошла прочь, и я понял, что, контролируя себя в чём-то, она не считала нужным сдерживать свои эмоции. Многие студенты считали её недотрогой. Можно было даже подумать, что у неё завышенное самомнение, но, хоть писаной красавицей, в полном смысле этого слова, она не являлась, парней тянуло к ней какое-то её внутреннее обаяние. Глядя на её внешность, у меня часто сладко ныло сердце, и я думал: «Вот бы иметь такую жену». Она высказывала свои мнения и суждения открыто, ничего не боясь, вполне откровенно, и часто, как я думаю, её слова могли обижать её подружек, которых в институте было не так уж много среди огромной массы парней. Нужно сказать, что многие специальности в нашем учебном заведении считались, в основном, мужскими, и поэтому девушек училось мало, можно сказать, что все девушки были наперечёт.

Само имя Агнии уже говорило о многом. Я всегда считал, что имя человека формирует его характер. Как назовут человека, таким он и будет в жизни. И в этом я постоянно убеждался, наблюдая за людьми. Имя Агнии означало простоту, наивность, чистоту и некую незащищённость. Незащищённость, вероятно, происходила от её искренности, когда она не умея хитрить, говорила всем и о всех то, что думала. Это, естественно, не всем нравилось, и с ней случались разные недоразумения. Я б не сказал, что у неё было много друзей в институте. Поэтому, познакомившись с ней, я взял её как бы под своё крыло, по-отечески, помогая ей советом и защищая её от нападок других преподавателей. Я ей ни раз говорил, что нужно быть осмотрительной, особенно в споре с учителями, потому что ученик своими замечаниями может настроить учителя против себя, подрывая его авторитет, но она часто пренебрегала моими советами, и наживала себя врагов.

В начале учёбы она была весёлой и добродушной девушкой, но последнее время, почему-то, стала замыкаться в себе, вероятно, пребывая в сложном эмоциональном состоянии от столкновения с другими, и накопила в себе много негативных эмоций. Мне хотелось поговорить с

ней, но как-то не хватало времени и смелости вызвать её на откровенную беседу, ведь я сам был в неё влюблён. Я хотел как-то уравновесить её душевное состояние, смягчить её душу разговором о чём-то весёлом, помочь ей. Я знал, что ей нравится юмор и она, наверно, не прочь была бы подшутиться, как это бывает с её сверстницами в этом нежном возрасте. Но пока я ничего не мог придумать для того, чтобы создать с ней такую атмосферу, где она могла бы расслабиться. Как цельная и устремлённая натура, она была прямой и обидчивой, не всегда контролировала свой эмоциональный настрой, который часто зависел от её настроения. Иногда она на моих занятиях была весёлой, и её искромётный юмор вызывал у парней смех, а иногда она погружалась в задумчивость или в такое в мрачное состояние, что мне казалось, что в мыслях она отсутствует на моих лекциях или семинарах. У неё были определённые способности в учёбе, к тому же, она, наверняка, обладала талантами в творческой сфере. Она могла стать идеально верной женой, так как была искренней и чувственной натурой, и я думал, что тот человек, который ей понравится, вполне мог рассчитывать на неземное счастье в браке с ней. Я же долгое время уже серьёзно думал, как её заполучить в качестве возлюбленной и сделать её свое женой.

Когда я разглядывал её икону в церкви, Луиджи прошептал мне на ухо:

– Ну как? Красивая девушка? А какое сходство с твоей студенткой! Как бы я хотел провести с ней хотя бы одну ночь!

Я дернул плечом, повернулся и быстро вышел из церкви. Луиджи молча вышел за мной на площадь. Он не сказал мне ни слова, потому что, вероятно, почувствовал, что допустил в своём замечании какую-то бестактность, и что у меня изменилось настроение. Несколько шагов мы прошли по направлению фонтана Мавра, не разговаривая.

Я подошёл к фонтану и, зачерпнув из него ладонью воду, попробовал её на вкус. Вода, и в самом деле, оказалась сладковатой и похожей на вино.

– Напрасно вы это сделали, – сказал Луиджи за моей спиной, вдруг переходя со мной на «вы», – эту воду можно пить только подготовленным к восприятию другой действительности. У вас не кружится голова?

– Нет, – ответил я.

– Это плохо, – констатировал он, – значит, вода очень быстро усвоилась в вашем организме. У людей, не подготовленных к вхождению в другое измерение, глоток этой воды вызывает отторжение и рвоту, а у других – головокружение. Что вы чувствуете?

– Ничего не чувствую, – ответил я.

– Это очень плохо, – опять сказал Луиджи.

И вдруг я почувствовал какую-то перемену в организме: в глазах потемнело, сердце сильно застучало, и я увидел, что всё вокруг меня меняется, а вместе со всем окружением менялся и я сам. В глазах у меня замелькали белые пятна, похожие на снежинки, а по всему тела прошла дрожь, я почувствовал, что мне холодно, руки и ноги мгновенно остыли.

«Что это? – пронеслось в моей голове. – Что это за превращение? А где Рим и площадь Навона?»

Вдруг повалил такой снег, что в двух шагах от меня я уже ничего не было видно. Итальянская весна неожиданно сменилась русской зимой. Вокруг меня летел густой снег и выла вьюга. Трудно было понять, где небо, а где земля. Слышен был звон колокольчика. Из-за пелены снега прямо на меня вылетела тройка лошадей с санями. В санях сидело двое: ямщик в тулупе и гусар в шинели с поднятым пушистым воротником. С одного плеча у него свисал тулуп, рукав которого волочился по снегу рядом с полозьями саней. Ямщик резко потянул поводья, и сани остановились перед самым моим носом. Ямщик выругался.

– Куда мы заехали? – спросил гусар ямщика.

– Не ведомо, барин, – отвечал тот ему.

– Ты, что же, заблудился, сукин сын? – рассердился гусар.

– Так точно, ваше благородие.

– И что мне прикажешь делать? Замерзать в степи?

– Никак нет, ваше благородие. Всё равно отыщем сейчас какое-нибудь жильё. У нас здесь народ живёт густо.

Как будто они меня и не видели, говоря между собой, а тем временем я стоял перед их санями. Вдруг снег неожиданно перестал падать хлопьями и летел только отдельными снежинками. Видимость улучшилось и неожиданно из снежной мглы выросло недалеко от нас строение, похожее на крестьянскую добротную избу. Они по-прежнему продолжали не замечать меня.

– Я же сказал вам, ваше благородие, вот и постоянный двор. Заночуем здесь. А завтра утром я живо доставлю вас в вашу деревню.

Тройка въехала во двор. На встречу им вышел хозяин постоянного двора.

– Ваше благородие, – сказал он, обращаясь к гусару, – все комнаты заняты.

– Ты, что же, сукин сын, прикажешь мне ночевать на улице? К тому же, я и не собирался ночевать, мне срочно нужно ехать. Как только перестанет падать снег, я тронусь в путь. Мне нужно сменить лошадей и поужинать. Или ты хочешь, чтобы я замёрз на морозе?

– Нет, ваше благородие, ни в коем разе. Но вам придётся тогда разделить комнату со священником и учёным. А ямщик может переночевать с моими дворовыми, если решите остаться до утра.

Гусар вышел из саней и размял затекшие ноги.

– К священнику или к учёному – один чёрт, только живею покорми.

Лишь после того, как гусар отужинал, он поднялся на второй этаж, войдя в большую комнату, где уже располагались священник с учёным. Я тоже проник в эту комнату, как бы обретя вновь своё существование. Я находился в странном состоянии, так как наличествовал в этом мире, и вместе с тем меня в нём не было. Создавалось такое ощущение, какое испытывают зрители, находясь в тёмном зале, когда смотрят фильм на большом экране. Оставаясь пассивными в своих креслах, они одновременно присутствуют в той действительности, которая разворачивается на экране перед их глазами. Они являются участниками всех действий, и, вместе с тем, физически не соприкасаются с тем миром, где это действие происходит. Но в моём случае было несколько иначе, я физически ощущал реальность, которая меня окружала, как бы находясь во сне, когда одновременно являешься участником всех действий и не имеешь возможности выйти из этого мира, в который попал.

– Добрый вечер, – приветливо встретил гусара молодой священник благообразного вида с бородкой клинышком и длинными волосами. – Куда путь держите?

– К себе в деревню, – ответил гусар, разглядывая священника, – ехал к больной матери, да вчера узнал, что она умерла. Не застал её в живых. Еду хоронить.

– Упокой душу её... – священник стал творить молитву.

– А вы куда направляетесь? – спросил гусар учёного.

– Еду в имение отца, – ответил тот.

А я удивился, что своей внешностью учёный напоминал мне моего итальянца-соседа.

– А что вы изучаете? – спросил его гусар.

– Снежинки, – ответил он.

Услышав его ответ, гусар рассмеялся.

– А что их изучать? – вдруг, рассмеявшись, спросил его я.

И тут произошла удивительная метаморфоза. Я как бы материализовался в этой комнате, из субъекта, превратившись в объект, из стороннего зрителя став полноправным участником всех происходящих событий. Когда я рассмеялся, и монах с учёным обратили на меня внимание, я вдруг заметил, что гусар исчез. Он как бы мгновенно растворился в этой комнате, и его место занял я. На мне были его сапоги и униформа.

– Не скажите, – ответил тут учёный итальянец, обращаясь ко мне, – вы знаете, что в мире нет ни одной снежинки, похожей друг на друга, они так же, как и люди, все разные. Я подолгу люблюсь этим кружевным искусством нашего Творца в шестиугольных снежинках, которые рождаются среди звёздного великолепия ночного неба. О них я пишу книгу. Ведь снежинок никто не замечает, вернее, никто никогда не обращал на них внимания, кроме немецкого учёного Кеплера. Спросите любого прохожего о том, когда он рассматривал рисунок снежинки или глядел на ночное небо, когда падает снег. И он может вам признаться, что ни разу в своей жизни не делал ни того, ни другого. Я знаю о снежинках и о каплях всё, что они собой представляют. Одни холодные, другие мокрые. Снежинки тают на руке и превращаются в капли. И я думаю, что это чудо. Весь мир, окружающий нас, это – вселенная чудес. Как жаль, что мало кто желает заглянуть в её тайны и открыть для себя много интересного. Ночь многим людям кажется мраком. Но этот мрак и есть ворота во Вселенную. Только в темноте можно разглядеть звёзды и увидеть другие миры. Дневной свет же всегда нас возвращает на землю, и мы, ослеплённые им, уже ничего не видим дальше своего носа. Снежинка ведёт нас в другой мир, более совершенный, где создаются разные конструкции и происходят чудеса, и этот другой мир, соприкасается с нашим миром, как бы невольно выдавая своё присутствие в нашей общей Вселенной. Мой мир – мир мрака. Говорят, что Вселенная, в общем-то, тоже мир мрака. Но там есть звёзды, как и снежинки, они – посланницы других миров. Изучая мир идеальных форм, я пришёл к выводу, что самые совершенные тела построены из разного материала, и чем богаче их палитра, тем совершеннее получается творение. Однако в нашем распоряжении имеется не так много средств. Это – поэзия, литература, история, философия, теология, искусство и, конечно же, наша специальность, которую я изучал в университете, – физика. Наверное, можно ещё создать какие-то компоненты в теории познания мира, из чего можно получить нашу систему мировоззрения подобно снежинке, как это делает небо, посылая в этой холодной северной стране истинные чувства в награду за обделённое тепло. Смею заметить, что небо создаёт эти творения из очень простого материала – из пара, который сам по себе тоже является чудом, как наша душа. Пар состоит из воды, а в капле воды отражается весь наш многогранный мир. Поэтому наше мировоззрение слагается как бы из снежинок и капель знаний, приобретённых нами в разных областях науки. Иногда мне кажется, что самые истинные и красивые чувства от восприятия действительности слагаются в правильные шестиугольные снежинки, по Кеплеру. Есть ещё и неправильные: это – пяти или семиугольные звёздочки, а также сбившиеся комочки, какие тоже существуют в природе. Иногда мне кажется, что наши самые красивые и логически правильно выстроенные мысли в беседах с Ангелом приобретают форму шестиугольных снежинок. Может быть, это звучит необычно, и напоминает, наверное, кое-кому некую сдвинутую фазу нашего мышления, которая свойственна лицам, пребывающим в некоторых закрытых учреждениях, но то, о чём я говорю, может понять только математик, знакомый с теорией Кеплера. Правильно выстроенная мысль всегда похожа на снежинку. А мысль обычного человека, не учёного, может походить на слившуюся каплю. Так что в мире одни люди мыслят категориями снежинок, искусно выстроенных в уме в форме звёздочек, другие же передают свои мысли в виде капель дождя или хлопьев мокрого снега, которые оседают с неба на землю и создают грязь. Наши мысли, так или иначе, приходят к нам с небес.

Я вдруг почувствовал, что, находясь в этой странной действительности и пребывая в чужом теле, я всё же остаюсь самим собой. Понимая, что я попал в другую эпоху и в другое окружение, я всё же находил какую-то внутреннюю связь с той реальностью, в которой я жил ещё какое-то время назад, общаясь с итальянцем Луиджи, и внутренне понимал, что этот учёный из прошлого является именно им, этим Луиджи, будучи в каком-то странном преображении, но я ничего не мог поделать с собой, чтобы вернуться в своё время. Я как бы пребывал во сне, не имея возможности проснуться, и, обладая более современными знаниями, я вдруг начал нести такую околесицу, от которой у меня самого глаза лезли на лоб. Я сказал учёному:

– Я тоже на досуге занимаюсь натурфилософией, и меня так же, как и вас, интересует физика и математика. Но все эти естественные науки – такая же выдумка человека, как литература и поэзия. Божий мир намного сложнее, чем он нам кажется на первый взгляд.

Сказав это, я кивнул в сторону священника, который одобрительно улыбнулся мне.

– Поэтому, – продолжал я, – вряд ли когда-либо наши физические схемы и математические исчисления мироздания будут соответствовать той настоящей действительности, которая нас окружает. Мы можем только в нашем понимании мира слегка приближаться к тому, что создано нашим Творцом. Все наши научные измышления – это всего лишь нелепости и жалкие потуги объяснить то, чего нам не под силу понять нашим ничтожным разумом. Вы только представьте, о чём говорят физики, создавая свои курсы основ этой науки, такие как Био, Ламе, Гей-Люсак, Дебре, Пулье. Что касается химия, то я не очень сведущ в этой сфере, но считаю, что она как-то ещё справляется со своей задачей в объяснении тех процессов, которые происходят в мире, так как строит свои изыскания на экспериментах и на конкретном материале, поэтому она эмпиричнее. А вот физика стоит только на одной отвлеченной понятийности, так же, как и математика. Недаром, эти две науки учёные объединяют вместе, потому что в них нет никакой конкретики, именно поэтому эти две науки представляют собой такую палитру разнородных теорий, сотканных из предположительных объяснений, которые по своей сути являются ничем иным, как сущим вздором. Поэтому, физика в конце концов, растворяется в математике, в этой фантастической науке, которая в своей основе построена на воображении и свободной игре ума. В физике невозможен эмпирический элемент познания, потому что с самого начала она сталкивается только с одними необъяснимыми неясностями, о которых можно судить весьма предположительно, основываясь лишь на одних общих свойствах. Там вроде бы есть нечто видимое и ощущаемое в наличии, например, материя и сила, но затем идут уже одни домыслы: электричество, магнетизм и прочие мистические проявления, которые никак не соотносятся с нашими вещественными ощущениями и конкретными представлениями. Например, теплота – что это такое? Кто-то из учёных пытался её олицетворить в «теплотворе», опираясь на греческий антропоморфизм природы, которого не может быть по определению. А как объяснить свет? Какие теории только не создавались, чтобы понять это явление! Я знаю, что существуют две противоположные теории света, опровергающие друг друга. Обе эти теории опровергаемые, и обе эти теории признанные, потому что есть явления, связанные со светом, которые объясняются по одной теории, а другие – по другой. Так что же такое свет? И как его понимать? Одни считают его жидкостью, а другие – силой, но силой, невесомой. Что же это такая за невесомая жидкость, как спрашивал Герцен, и почему тогда гранит не считают тяжёлой жидкостью? И что такое невесомость? Свет, к тому же, и не пахнет. Никто не может понять, вообще, что такое сила. И почему бы не сказать, что свет – это действие? А вот звук никто не называет жидкостью или силой, хотя, и так говорят, Гассенди что-то там говорил об атомах звука. Отчего никто не называет очертания тела невесомой формой его? На это возражают, говоря, что форма присуща телу, а звук – сотрясение воздуха. Герцен спрашивает, а разве кто-нибудь видел всё общество невесомых существ вне тел, как бы самих по себе? Говорят, что такими являются духи, которые могут предстать перед людьми наяву. Кто-нибудь, наверное, обязательно когда-нибудь сталкивался с такими явлениями. Так что же такое физика? И есть ли в ней место призракам и разным духам? Герцен как-то спросил кого-то: «Что такое электричество». И ему ответили: «Электричество – это невесомая жидкость». И Герцен тогда сказал: «Неправда ли, что лучше было бы, если бы учёный сказал просто: «Не знаю».

В это время в комнату вошел хозяин постоялого двора и сказал:

– Господа, тройка готова. Кто поедет в западном направлении?

Учёный сказал: «Я».

– И мне нужно туда, – провозгласил я, – ведь у меня неотложное дело, и мне надобно торопиться.

Простившись со священником, мы вместе с учёным вышли во двор и сели в сани. Тройка тронулась, и зазвенели колокольчики. Снег продолжал падать. Учёный, глядя на обшлага своих рукавов, сказал мне:

– Как-то очень давно Иоганн Кеплер, увидев снежинку, сказал: «Клянусь Гераклом, вот – вещь, которая меньше любой капли. Она имеет форму и может служить долгожданным новогодним подарком любителю «Ничего», и достойна математика, обладающего «Ничем» и получающего «Ничто», поскольку падает с неба и таит в себе подобие шестиугольной звезды!»

– Вы хотите сделать сравнение, опираясь на свою латынь, где Nix – снег, Nihil – ничто? – спросил я.

– А что, – заметил он, – ведь и Библия в псалме сто сорок седьмом, в стихе пятом говорится: "Даёт снег, как волну; сыплет иней, как пепел".

– По гипотезе Кеплера снежинки являются творением Бога, как и перлы нашей человеческой мудрости? – молвил я.

– Возможно, – ответил учёный, – математик считает, что самой совершенной фигурой после круга является шестиугольный ромб, так как, только он покрывает наибольшую площадь. Не случайно эту форму для строения выбирают гранатовые зёрна и пчёлы.

– А астрологи говорят, – вспомнил я, – что число шесть отражает в себе всю многогранность мира.

Учёный рассмеялся от моих слов и сказал:

– Мы вместе с вами сказали всего шесть фраз, и мысль наша получалась как бы закольцованной, но в ней был скрыт весь смысл мироздания, на это я и обращаю ваше внимания.

Учёный, продолжая развивать свою гипотезу, заметил, что человеческая мысль имеет шестигранную форму, в то время как природа и сама жизнь постоянно предлагает нам свои исчисления.

– Музыкальные ноты на Востоке несут в себе пятигранную основу, а на Западе – семигранную, – говорил он, – в нотной грамоте – семь нот, в радуге – семь цветов. Всё, что исходит от человека – получается чётным, а то, что исходит от природы и неба, – нечётным. Поэтому шестигранная мысль обретает форму, но в ней есть всегда нечто недосказанное, что граничит с нечётным числом, потому что в мире существует божественная троица: Отец, Сын и Святой дух, иными словами, источник, реципиент и средство передачи. Этим средством передачи и являются Знания – Информация. Слушая музыку, мы тоже получаем какую-то информацию, которая в нас закладывает определённый код нашего развития.

И тут я как будто очнулся и увидел, что мы с Луиджи едем в такси по ночному городу, а на город сыпется снег. Мы выехали на центральную площадь, на которой стояла большая гостиница, расцвеченная огнями, и Дом правительства, погруженный в темноту. Наша машина, обогнув сквер, нырнула в небольшую улочку, ведущую к мосту. Снег перед нами падал белой стеной, и прожектора машины пробивали её толщину не глубже десяти-пятнадцати метров. Водитель вёл машину осторожно. На душе у меня было уютно и радостно, вероятно, эта радость передавалась мне от Луиджи, который говорил:

– Мой небосклон, выстроенный из звёзд, называется Царством Вселенной, любая звёздочка на нём – всплеск моей радости, вдохновения и любви. Я благодарен Богу, за то, что он наградил меня этой обителью. И даже когда на небосклоне исчезают звёзды, их заменяют эти волшебные снежинки. В этом мире всё совершенно, и совершенны мы сами с вами. Я мечтаю создать такое учение, какое может отразить всю истинность этого мира. Но боюсь, что не все люди будут способны понимать это учение.

– Почему? – удивился я.

– Потому что, – сказал он, – для того, чтобы до него дорасти, им следовало бы себя ослепить, а потом прозреть духовно. Я же привык смотреть на мир не рентгеновским взглядом, а своими глазами, и видеть яблоко, таким, каким оно выглядит: с красно-желтоватой кожурой и засохшим черенком, через которые в него когда-то поступал живительный сок. Я не хочу смотреть на яблоко в проекции, и видеть его изнутри со спелыми семечками. Так уж я устроен, что моё восприятие нацелено только на завершённое совершенство, на результат окончательного развития вещи, когда то, что рождается, достигает своего идеала, своего окончательного проявления. Другого я не приемлю.

– Но почему вы не хотите заглянуть внутрь яблока?» – спросил я его.

– Я боюсь обнаружить там червяка, или что-то такое, что уже начинает разрушать это дивное творение. Я не приемлю смерти и разрушения. То, что совершенно, должно оставаться бессмертным.

– Но это невозможно, – возразил я ему, – в мире всё рождается, развивается, достигает своего апогея, а затем начинает разрушаться и умирает.

– Так не должно быть, – ответил он мне вполне убеждённо, – потому что совершенство имеет способность увековечиваться, становится неразрушимым, как золото или алмаз. Ты знаешь, почему я решил поехать в Россию и остаться здесь?

Я покачал головой.

– Так вот, я вижу и чувствую в русской нации скрытое стремление к совершенству, к вечному улучшению, и желание становиться всё лучше и лучше. Может быть, это заключено в самой православной религии? Я не знаю, но хочу это понять, поэтому мне здесь жить легко и интересно. Здесь я постоянно слышу звучание каких-то нот, которые никогда не слышал раньше. Может быть, это скрыто в вашей музыкальной речи. Итальянская речь тоже благозвучна, и в ней звучит такая же мягкость и музыкальность, но в вашей речи есть ещё нечто такое, что делает вас уже по определению совершенными. Когда я ступил на русскую землю, то в моём уме родился, как музыкальный посыл, такой стишок:

Что значит русских дух? Быть может, скрыт в нём Бог?

В душе покоя он не ведал никогда,

И красотой пленён, он преступал порог

Всего возможного, в стремленье в Никуда.

– Этот стих возник сам собой, как будто бы мне кто-то его подарил или пропел из космоса. У вас – мистическая страна, ступая на которую сразу же начинаешь творить, может быть, это происходит из-за грандиозных расстояний вашей земли, похожей на неизведанный космос. Мне кажется, что на вашей земле есть много белых пятен – земель, куда не ступала нога человека. Таких мест почти не осталось в мире, а в вашей стране их очень много. Именно в вашей стране начинаешь понимать мистическую сущность таких слов как «Путь в Никуда», «Ничто», «Нигде» и «Никто». Пустота – это скрытность неизвестного. Такова и есть ваша страна. Я подозреваю, что и вы все обладаете неким первозданным характером и такой душой, где пустота может выявить нечто такое, что потрясёт весь мир до основания. Такое уже было в истории. Вас, русских, бояться, не потому что вы представляете собой угрозу, а потому что вы непохожи на всех других людей, так как имеете в своей душе огромные пространства, ничем не заполненные, а это и есть начало творческой потенции и неиссякаемой силы. Только в вашей стране можно стать совершенным человеком. Мне здесь хорошо. Я чувствую здесь себя, как дома, и рад, что в вашем лице обрёл друга.

– И я нашёл в вас друга! – радостно воскликнул я. – И надеюсь, что вместе мы создадим что-то свершенное и построим новый мир.

Машина подъехала к общежитию. Мы вышли из неё полупьяные и довольные проведённым вечером. Поднимаясь по лестнице в свои комнаты, мы крепко пожали друг другу руки и расстались, условившись продолжить наши встречи после занятий в институте.

Так я впервые познакомился с Человеком-птицей, который собирался изменить наш мир.

2. Прогулка по площади

Утром я встал с больной головой, проснувшись очень рано. Мне нужно было привести себя в порядок и окончательно протрезветь. О вчерашнем дне я помнил смутно. Мне тут же пришли в голову слова Альберта Эйнштейна о том, где он говорил, что время есть ключ к пониманию любой относительности, где движение есть функция времени, но время, само по себе, – понятие относительное, и поэтому абсолютного времени не существует, и что всё, как и время, существует относительно чего-то. В этом я уже давно убедился, потому что моё собственное время текло необычным образом. Его течение то появлялось, то исчезало, как бурная река, уходящая в одном месте под землю, и вновь пробивающаяся на поверхность – в другом. Так и моё время, то скрывалось в моём подсознании, то ярко вырывалось наружу и текло стремительно, как бурный поток или водопад.

Я попытался вспомнить, что вчера происходило со мной, и в моей голове кое-что всплывало, подобно некому миражу, возникающему из тумана. В моих воспоминаниях время отложилось как фрагментарное проявление действительности, но была ли это действительность? Мне нужно было во всём этом разобраться. А разобраться можно было только, оставаясь наедине с самим собой, одним словом, стать «одиноким человеком с площади». Мне захотелось прогуляться по утреннему городу, проветриться. Может быть, подумал я, голова и перестанет болеть.

Было ещё темно и довольно холодно, но трамваи уже ходили. Я привёл себя в порядок, оделся и вышел на улицу. Холод меня быстро отрезвлял, и мои мысли приходили в порядок. Сев в трамвай, я постарался вспомнить все подробности вчерашнего вечера.

Трамвай направлялся в центр города по заснеженным улицам, скрежеща колёсами по рельсам на поворотах и издавая тревожные звонки. Пассажиров в вагоне было совсем немного, многие из них пребывали в полусонном состоянии. Я сидел в свете электрического освещения, который отражался от стекла окна вагона, как бы создавая двухмерность пространства отражённого внутреннего освещения и проникающих в движении лучей уличных фонарей. Эта меняющаяся двухмерность пространства немного смущала меня, как бы напоминая о моём собственном душевном разделении на два мира: на мир внутренний и мир внешний. Из этих миров состояла ни только моя душа, но также, как я полагал, допуская такую вероятность, и души других пассажиров, едущих в трамвае.

Мне нужно было вспомнить всё произошедшее накануне, дать ему оценку и разобраться в некоторых сложностях. Все эти воспоминания лежали спрессованными где-то в глубине моей души. Так что же вчера произошло? Я попытался напрячь память, и вдруг вспомнил эпизод совершенно забытый, который проявился в моём сознании, как некая возникшая перед глазами действительность.

Когда мы уже возвращались на такси в общежитие, между мной и Луиджи возник некий спор, даже не спор, а что-то, наподобие выяснения отношений, складывающихся между нами. Произошёл буквально следующий разговор:

– А мне здесь хорошо, и я рад, что встретил вас, – сказал я ему, – мы оба идём путём совершенствования.

Луиджи, услышав эти слова, рассмеялся и посмотрел на меня как-то странно, сказав:

– Наше совершенство рождается не от природы. Природа – сама по себе уже совершенна. Под совершенством вы, наверное, понимаете возвращение к своим основам.

– Но человек сам по себе уже является совершенным существом, – возразил я ему, – к тому же, все мы находимся в постоянном развитии, и это развитие ещё больше совершенствует нас.

Услышав эти слова, Луиджи опять расхохотался и сказал:

– А вы никогда не думали о том, что человек может не совершенствоваться, а деградировать, развиваясь в негативную сторону, вступая как бы на опасный путь оскудения?

– Но в чём тогда, по-вашему, заложен смысл человеческого совершенства? – спросил я Луиджи. – Я думаю, что из-за своих страстей, недостатков и пороков человеку трудно быть совершенным, но всё же он стремится к совершенству, быть может, механически, так как идёт путём прогресса.

– Всё зависит от человеческого сознания, – подумав, сказал Луиджи, – я понимаю, что человек одновременно может быть мягким и твёрдым: мягким к брату, сестре и ближнему; твёрдым к врагу, обманщику и негодяю; таким является любой человек в мире, независимо от национальности, в сердце которого одновременно уживаются любовь и ненависть. Но вот только, идя механически путём прогресса, сможет ли он стать совершенным? Да и будет ли это совершенство, когда человек станет винтиком прогресса, так сказать, человеком коллективного сознания? Ведь самое главное для человека на пути к так называемому вами совершенству – это контроль над своим сознанием.

– Но что такое сознание? И как вы его понимаете? – сразу же возразил я ему. – Ведь с этим нужно ещё разобраться. Я допускаю, что ваше знание связано с тем, что происходит внутри вас, а не снаружи. Не так ли?

Луиджи кивнул головой и сказал:

– Мы с вами уже говорили о том, что у человека в этом мире возникает как бы три действительности в зависимости от состояния его сознания. То, что в нём происходит внутри, часто случается в то время, когда он среди многих людей как бы остаётся в одиночестве, как «человек на площади», когда что-то вокруг него происходит, кто-то проходит мимо, а он никого не замечает, потому что его взгляд направлен внутрь себя. Но в то же время он может себя чувствовать и как «человек в театре» ведь в одиночестве он не всегда может оставаться, будучи окружённый людьми. В этот момент включается другая действительность. Он уже является зрителем и участником всеобщего спектакля. Его сознание делает его из мыслителя артистом. Но общаясь с людьми и наблюдая за своим окружением, он уже попадает в третью действительность, как бы давая оценку всему тому, что происходит вокруг него, и задумывается над тем, а ради чего всё это происходит; какую роль он играет во всём этом; и какова цель его жизни. И эта третья действительность его характеризует уже как «человека в храме». Не так ли? Но почему это происходит?

Я не знал, что ему ответить, и Луиджи продолжал говорить:

– Конечно же, вы внимательно вслушиваетесь в звуки, исходящие от мира как снаружи, так и внутри себя, думая, что именно внутри себя можно услышать звуки, исходящие из глубин Вселенной. К тому же вы считаете, что необходимо обладать внутренним и внешним зрением, полагая, что на то, что происходит в мире, вы можем смотреть и через внутреннее зрение и видеть истинную картину происходящего.

– А разве это не так? – спросил я его.

– Так-то оно так, – ответил Луиджи, – но если полагаться только на это, то можно впасть в заблуждение и совсем не понимать причин того, почему это происходит. Например, до меня часто доходят некоторые отрывки мелодий, несущие с собой как бы с неба определённые мысли. Я слышу мелодию древних греков: «Гибель они навлекли на себя святотатством, безумцы...». Что это? Не подсказка ли это того, что должно произойти с теми, кто, теряя мудрость, начинает творить безумия. А безумием иногда бывает даже доброта. Ведь недаром говорят, что навязчивая доброта бывает хуже зла. Человек часто впадает в лёгкое безумие, и не понимает, что творит. Поэтому человек, находясь одновременно в трёх видах этой действительности, должен быть всегда прозорливым. Истинная прозорливость – это постоянное прозрение. А прозрение – это как рождение из небытия, как возвращения из забвения, как просыпание после долгого сна, одним словом, это – мгновенный переход из одной действительности

в другую, молниеносное пронизывание одновременно трех действительностей тремя своими осознаниями.

Услышав эти слова, я рассмеялся и сказал:

– Что касается меня, то я постоянно нахожусь в каком-то опьянении жизнью.

И тут я вспомнил, что, сказав эти слова, я вдруг как бы почувствовал, что в тот момент почти полностью протрезвел. Хмель как будто выветрился из моей головы.

Я вспомнил, что в тот момент, когда мы ехали с Луиджи в наше общежитие, будучи пьяными, я вдруг осознал, что окончательно вышел из прежнего изменённого сознания, в котором остались и прогулка по вечернему Риму, и моё пребывание в позапрошлом веке в облиии гусара в занесённом снегом гостином дворе, и разговор с учёным, трансформировавшимся в Луиджи. Я ясно увидел горящие огни моего родного города, проезжая по мосту, услышал звон трамваев на рельсах и чувствовал запах одеколона водителя, который управлял такси. Повидимому, моё сознание в то время пробудилось.

– Странно, – продолжал говорить я после того, – но это опьянение жизнью мне часто нравится. Ведь нельзя жить постоянно только своим разумом. Это скучно! К тому же, жить одним разумом безрадостно, получается, как бы, странная схема такого существования: мрак, безызначность, луч света, мысль, полёт фантазии, шишка на лбу от удара о фонарный столб и снова мрак до следующего озарения. Я думаю, что невозможно сразу отдаваться одновременно трём реальностям, а необходимо их переживать по-отдельности и наслаждаться ими. Иначе, что это за жизнь?! Конечно же, можно отдаваться полётам фантазии, парить над головами многих, ни на кого не обращая внимания, но взлететь в небо и парить над всеми – не безопасно ни для себя, ни для других, потому что можно потом упасть на их головы. Ведь можно же, конечно, жить только своей внутренней жизнью, как бы обособливаясь от других, что я чаще всего и делаю, и не задумываясь, правильно ли это или нет. И самое разумное, что может делать человек, – это ни с кем не спорить. В мире – сколько людей, столько и мнений. Если ни с кем не споришь, то над тобой никто не посмеётся, в душе же можешь смеяться над всеми.

Слушая меня, Луиджи опять рассмеялся, воскликнув тираду Гомера из «Илиады» или какого-то другого произведения, которое я когда-то уже читал:

– Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.

– А что? – сказал я. – Разве я не прав?! Человек способен разобраться только в своём собственном внутреннем мире, да и то иногда ему бывает трудно это сделать. А что касается внешнего мира и, уж тем более, общества, где он вынужден жить, и где никогда не бывает порядка, то это для него всегда затруднительно, потому что в обществе постоянно отсутствует истина и правда. Ведь когда люди лгут друг другу, они порождают новую правду, особенно когда они эту правду превращают в разновидность панибратства. Кто-то из великих сказал, что, фамильярничая, люди становятся братьями. Очень трудно разорвать такие брачные узы, ещё труднее бывает порвать отношения с фамильярным сообществом, которым является любое государство через своё так называемое воспитание «патриотизма». Когда вокруг очень много людей, то трудно жить с ними, оставаясь самим собой. Ведь среди людей есть масса неприязненного народа, и трудно, а может быть, даже и нельзя навязать свою любовь тому, кто тебя ненавидит. Можно, конечно, быть выше всего этого, научиться оправдывать любые проявления вражды и нетерпимости, считая, что лжи и обмана не существует на свете, а есть, всего лишь, иллюзии и самовнушение, которые навязываются другим. Но лучше всего, как я считаю, держатся от всех на расстоянии, и жить самому по себе, занимать, так сказать, нейтральную позицию. Нейтральная позиция – это когда ты не являешься ни учеником, ни учителем. Я считаю, что каждый человек сам по себе гениален, правда, иногда он этого не знает, и поэтому обычно смотрит в рот другим. Ведь не даром же говорят, что миром правят посредственности, культуру создают одарённые, а в изгоях пребывают гении. Гении идут своим путём, создавая для всех прописные истины, по которым одарённые пытаются ткать канву жизни, которую

посредственности потом используют для своих нужд. Когда вы говорили о пробуждении своего сознания, то я эти слова связал с пробуждением в себе гения. И я считаю, что гений – это человек, который живёт своими мыслями. Не нужно прислушиваться к чужим мнениям, нужно иметь своё собственное мнение, потому что у гениев всегда много подражателей, но ещё больше дегенеративных выкидышей. Человек часто задаётся мыслью: прав он или нет, и не может понять, чья истина в нём: его собственная или у кого-то заимствованная? Но это легко проверить: действуешь ты по своим собственным убеждениям или с оглядкой на других. Ведь так? Если ты считаешь себя умнее других, то не поступай, как все. Но если ты мудрее других, то делай так, чтобы все поступали, как ты. Человек стремится к Истине, но для того, чтобы ею овладеть, ему нужно стать совершенным.

– Истины не существует в вашем мире, – спокойно заявил мне Луиджи, посматривая в окно машины на пробегающие столбы, киоски и дома улицы.

– Как это? – возмутился я, не в силах поверить в то, что услышал из его уст.

– Потому что истину вы создаёте сами. Когда я превратился в человека, то начал задумываться над человеческой психикой, чтобы понимать вас, вернее, то, как вы смотрите на мир. И вот что я открыл: вся ваша психика и так называемый духовный строй, как и душевный уют, состоят из набора парадоксальных и болезненных заморочек, которые вы превратили в своего рода категории, такие, как истина и ложь, правда и заблуждение, себялюбие и самопожертвование, грех и вина, любовь и ненависть, и, наконец, свобода, равенство и братство. Но эти заморочки не приносят человеку никакой радости и не делают его счастливым. Возьмём, к примеру, истину, к которой вы стремитесь, полагая, что она помогает вам раскрывать некую тайну, которая сокрыта от вашего сознания, и которая сделает вас умнее и совершеннее. Но как же разглядеть или понять эту истину? И обязательно ли при рассмотрении истины брать во внимание общественное мнение? И вообще, что же такое истина? Рождается ли она от конструирования ваших мыслей или ещё от чего-то? Ведь ваши мысли, если они даже вами выстраданы, не имеют никакой ценности, потому что они, как правило, со временем мимикрируют. К тому же человеку, априори, трудно понять, что истинно, и что ложно, поэтому человеческой истины нет, и не может быть. Я не говорю о Боге, так как божественная истина музыкальна. Музыка, подобно свету, льется из самой сущности Творца. Более того, это и есть его доступный язык при общении с живыми существами, как самое совершенное порождение высшей мудрости, наполняющей всех счастьем. А правда и истина у человека всегда перемешиваются с ложью заблуждениями, от этого и происходят все его беды. И правда у него отличается от лжи тем же, чем смелость отличается от трусости, но бывают исключения, когда ложь есть проявление особой храбрости. Иногда к этому исключению вынуждены прибегать ваши мудрые политики, тогда ложь, в которую вы верите, стаёт у вас правдой. И это всё зависит от степени вашей веры в неё. Очень часто человек произвольно или непроизвольно утаивает правду, уж такова сущность человека, который никогда не обходится без тайн. Меня всегда интересовал вопрос: «Почему человек не может обходиться без тайн? И почему он боится, что его тайны могут быть раскрыты»? Не потому ли, что, раскрывая свою тайну, человек становится уязвимым. Но вот только носить в себе эту тайну порой человеку становится трудно, потому что он открытое и общественное существо. Нося в себе какую-нибудь тайну, он даже может заболеть от этого. Наверное, поэтому священники, чтобы снять с человека какую-то тайну, лежащую на его сердце грузом, придумали так называемую тайну исповеди. В этом, наверное, есть какой-то смысл. Расставаясь с тайной, люди обретают душевное спокойствие. Ведь недавно говорят, что, когда кому-то удаётся открыть вашу тайну, которая вас долго мучила, и о которой вы предпочли никогда не упоминать, вы от неё освобождаетесь, перестаёте мучиться и болеть. Ведь с больной мозолью вы расстаетесь без сожаления? Неприятная для вас тайна – та же болезненная мозоль, от которой вы освобождаетесь, сделав её достоянием гласности. Страдания у вас лечатся покаянием, так как человеческая совесть не может обойтись без дав-

ления на неё груза вины. Человек, почему-то, всегда винит себя во всём. Без ощущения вины он просто не видит своего существования. Хотя, что такое вина? Это – такая же глупость, как и все прочие человеческие привычки и пережитки. Но всё же, провинившиеся исправляются быстрее, когда им постоянно не напоминают об их вине. Впрочем, человек весь состоит из своих глупостей. И почему-то глупостям умных людей верят чаще, нежели глупостям глупых. Может быть, первые находятся под защитой своего авторитета? Из глупостей слагаются человеческие достоверности. А о достоверности у каждого человека существует своё собственное мнение. Все люди тщеславны. Это – ещё один порок человеческого характера. Многие смеются в душе над тщеславием своего друга, и лишь немногие радуются, когда это тщеславие реализуется. К тому же люди завистливы и эгоистичны. Даже в вашей любви к кому-либо проявляется ваш эгоизм. Как-то я слышал такое суждение: «Мы любим нашу возлюбленную за нашу любовь к ней, а не за то, любит она нас или нет. Когда наша любовь к ней остывает, то её любовь к нам начинает нас раздражать». У человеческого себялюбия нет границ, поэтому, вероятно, человек так жаждет славы, которая на поверку является для него всего-то миражом. Я слышал и такое суждение от кого-то из вас: «Чаще всего нам полезна слава мнимая, обладая её чувством, мы не устаём трудиться во имя этой славы, но, когда эта слава приходит к нам по-настоящему, мы забрасываем свой труд, и нежмемся в лучах её сияния». Став человеком, я долгое время общался с людьми и понял, почему вы все такие несчастные. Один мой друг как-то признался мне, сказав следующее: «В душе мы ненавидим всех людей, стоящих выше нас, если считаем их по достоинству равными себе. Это происходит, вероятно, оттого, что природа заложила в вас инстинкт вашего превосходства через равенство, по которому все слабые стремятся стать равными сильным, а сильные стремятся подмять под себя слабых». Из этого следует, что в вашем обществе никогда не будет достигнуто равенство. Я уже не говорю там о каком-то братстве, потому что в вашем мире также не может существовать истинного Братства, ибо вы даже с вашим человеколюбием ко всему человечеству неспособны стать братом человеку, который вам антипатичен. А в силу зависимости от всего в этом мире, вы не можете быть свободными. Поэтому истинной свободы в вашем мире тоже не существует. Так что, этот ваш лозунг «Свобода, равенство, братство», который вы выдумали, для того, чтобы сплотиться, является простой фикцией.

– Но всё же, – прервал я рассуждения Луиджи, попробовав возразить ему, – вы же не будете отрицать того, что все люди стремятся к добру.

Услышав эти слова, Луиджи расхохотался и сказал:

– Всё это – пустые слова. Обычно люди говорят о том, чего не знают, что хотят скрыть, или о чём никогда по-настоящему не задумывались. Вероятно, поэтому, слова, произносимые человеком, ветер всегда уносит в пустоту. У вас почему-то, когда говорят о добром, всегда это выглядит пресно, приторно или скучно, а вот когда речь заходит о злом, ваше внимание всегда обостряется. Отчего так происходит?

Я ему тут же возразил:

– Бывает и так, что люди, стремящиеся показать себя злыми, бывают очень добрыми, и наоборот, которые выставляют себя на показ добряками, оказываются в конечном итоге злодеями.

– Вот-вот, – тут же поддержал меня Луиджи, – это говорит о том, что вся ваша мораль лицемерна. Конечно, злодея или лгуна можно легко обнаружить среди вас, потому что мало кому из вас удаётся скрывать свои чувства. У лгуна самое уязвимое место – его глаза. А злодей всегда выдаёт себя своим дыханием. А что касается вашей общественной морали, то она не только полна противоречий, но и наполнена крайностями, которые её доводит до ханжества. Так, например, когда общественная мораль осуждает прелюбодеяние, не стремится ли она этим прикончить само понятие любви?

Я не знал, что ему ответить, и только развёл руками, но тут же, взяв себя в руки воскликнул:

– И всё же, мы стремимся стать лучше. Каждый из нас желает быть совершенным. И у каждого человека на земле есть путеводная звезда. Иногда найти её не составляет труда, но иногда на её поиски уходит вся жизнь.

– Для того, чтобы стать лучше, чаще слушайте классическую музыку и посещайте оперу.

– Но в нашем городе нет оперного театра, – озабоченно произнёс я.

– Если нет оперного театра, его нужно создать, – сказал Луиджи.

В это время мы подъехали к нашему общежитию, и наш разговор пришлось прервать. Поднимаясь по лестнице в наши комнаты, мы пожелали друг другу спокойной ночи и расстались.

И вот прошла уже ночь, настало утро, но почему этот важный кусок времени, где прозвучали такие значимые слова нашего разговора, выпал абсолютно из моей памяти? Может быть, потому, что он был мне неприятен? Многие неприятные вещи мы стремимся забыть мгновенно. Но потом они внезапно возникают в нашей памяти. Луиджи высказал мне тогда много чего такого, чего бы я не хотел слышать. И, вероятно, я всё это тут же и похоронил в своей памяти. Так уж устроена сущность человека, что она старается жить только теми воспоминаниями и помнить только то, что ей приятно.

Трамвай остановился недалеко от центральной площади, где располагалось здание правительства на месте разрушенного собора иконы казанской Богородицы. Посреди площади был разбит сквер с фонтаном, который был занесён снегом, как и сам сквер, и вся площадь.

Прохожих ещё почти не было видно, и я пошёл к фонтану, находящемуся в центре сквера, оставляя следы на выпавшем снегу. Хоть и горел свет фонарей, но звёзды ярко светились в предрассветной темноте неба. Площадь на востоке соединялась с широкой улицей, где справа был ещё один фонтан поменьше у геронтологического центра, напротив музея искусств, затем улица немного искривлялась и проходила мимо другого сквера, где находился большой фонтан между дворцом спорта и музыкальным театром, и упиралась в квартал старинных домов, увенчанных златоглавой церковью. Но даже при электрическом освещении всё это пространство невозможно было спутать с площадью Навона в Риме.

Как же так? – подумал я. – Почему иногда наша действительность раздаивается, и мы из одной реальности попадаем в другую. Вчера я, неожиданно для себя, из своего города переместился в Рим на площадь Навона, и Луиджи этому свидетель. Затем попал в какое-то неизвестное место, став гусаром, но потом опять вернулся в свой город. Что же это за такое, как не путешествие в пространстве и времени?! Конечно же, вчера я немного перебрал, но всё равно я контролировал своё сознание, я высказывал какие-то умные мысли, даже вёл диспут, но как это всё могло произойти, мне было не понятно. О реальности что-то там говорил Кант в своём «Освещении принципов метафизического познания».

Я попытался вспомнить его слова.

Да, так и есть, – воскликнул я, – он говорил, что реальность должна быть объединена в одном-единственном существе. Таким существом являюсь я. И в моём существе объединены все реальности, составляющие как бы материал для всех возможных понятий, и они распределяются между многими существующими вещами, где каждая вещь обладает существованием, в известном смысле ограниченным, то есть, связанным с некоторыми изъятиями.

Так оно и есть. Когда я находился в одной реальности, то другая реальность как бы изымалась, переставала для меня существовать. Я же не мог одновременно находиться и в моём городе, и в Риме. Кант прав, что этим изъятиям присуща безусловная необходимость, но не в такой степени как реальностям, хотя они и принадлежат к всесторонней определённости вещи, без которой вещь не может существовать, и отсюда следует, по его предположению, что ограниченные таким образом реальности имеют случайное существование, как в моём случае. Таким

образом, для безусловной необходимости требуется, чтобы реальности существовали без всяких ограничений, то есть представляли бы собой бесконечное существо, каким являюсь я. Может быть, под этим пониманием Кант подразумевал Бога? Но кто такой Бог? Может быть, он подразумевал сознание каждого человека, к примеру, моё сознание? Именно в нашем сознании и живёт Бог, и мы являемся его частицей. Так значит, и я могу сравниться с Богом. Ведь кто я? Я тоже являюсь существом, обладающим множественностью. Вчера я был и самим собой и гусаром. А если моё сознание божественно, то оно включает в себя всю Вселенную. А раз так, то я могу мгновенно переноситься из одного места в другое. Хоть я в своём роде и единственен, и существую как моё «я», но являюсь безусловно необходимым началом всякой возможности.

Я окинул взглядом ещё раз площадь и уходящую вдаль широкую улицу и опять подумал о вчерашней метаморфозе: «Нет, это место не похоже на площадь Навона, хотя и имеет три фонтана, да и по географическому расположению наш город больше подходит к Парижу, чем к Риму, во всяком случае, находится на той же широте, что и Париж. Значит, вчера я и в самом деле побывал в Риме.

И тут у меня вдруг в голове зазвучала музыка Жана Батиста Люлли «Королевский дивертисмент». Но почему в моих ушах звучит эта музыка барокко? И тут я всё понял, что барокко – именно тот стиль, который подходит для публичных мест, где человек должен выделиться, чтобы не смешаться с серой массой, раскрыть все свои таланты и духовные богатства, обособиться от всех. Барокко – это не марши, когда все идут в одну ногу, а танцы, когда люди танцуют на площадях в своих маскарадных костюмах. Барокко – это же музыка для представлений на площадях, когда король Людовик Четырнадцатый выходил вместе с Люлли к своему народу. И король и композитор-артист дают представление, яркое и радостное, где король забывает о том, что он король, а артист может вообразить себя королём. И я вдруг тоже почувствовал себя «человеком на площади». Я шёл таким же скачкообразным шагом, как это делают танцоры, высоко поднимая голову, представляя себя одновременно и Жаном Батистом Лилли и Людовиком Четырнадцатым и всем народом, который вышел на площадь, объединённым этим торжественным птичьим танцем. Я был одним из тысячи воображаемых мной людей на площади, и каждый из них старался показать всем свою индивидуальность, свою вычурность.

Я подумал, что этим и отличается барокко от всех других стилей в искусстве, он вбирает в себя всё и перемешивает, чтобы создать свою неповторимость. Какой прекрасный стиль! Это, прежде всего, особый вид душевного состояния, когда человек отделяется от всех, как бы ступая по площади, чтобы придать своей душе определённый импульс, раскрыться, как морская раковина причудливой формы, и показать свою драгоценную жемчужину, глубоко запрятанную в его душе, чтобы всех поразить своей ослепительностью и вычурностью, сложностью, пышностью и динамикой. Вот какой я, смотрите, великолепный и неповторимый! И музыка звучала в моих ушах, и я шёл по площади, подпрыгивая в воображаемом танцевальном шествии королевского дивертисмента.

Да, я – король, и это – моё королевство, такое же, как у Моцарта, где я играю всякие всевозможные роли. Ведь я – существо бесконечное, потенциально скрывающее в себе начало всяких возможностей, как говорил Кант, и моя реальность простирается за гранями любых ограничений, потому что мои духовные силы находятся в постоянном и непрерывном движении к всё большему совершенству, ведь я в своей душе обладаю бесконечностью всей Вселенной, которая содержит в себе все присущие ей мысли и реальности, озаряемые светом моей души. Никакая вещь не может поразить моё воображение, так как я, как математик, могу познать всё, а, как физик, создать любую реальность. Ибо я – король-солнце, как Людовик Четырнадцатый, создавший вокруг себя великолепный двор. Я могу до бесконечности расширять сферу моей реальности, благодаря связи с моей собственной Вселенной. Ведь все реальности – это всего лишь явления, феномены, возникающие и распадающиеся. Я постоянно совершенствую эту реальность, потому что сам, благодаря ей, совершенствуюсь.

И тут я, чувствуя себя «человеком на площади», огляделся вокруг. Рядом никого не было, и я ощутил, что ко мне пришла, наконец-то, эта долгожданная свобода, когда можно побыть одному, оставаясь наедине с самим собой, но не замыкаться в каком-то пространстве, а отдаться открытому космосу, быть под звёздами, мыслить о чём-то своём, внутреннем, и чувствовать себя частичкой огромного мироздания, стать такой же звёздочкой, которые сияли на небе, и создать вокруг себя свой собственный мир.

Я ощутил в себе силы и осознание того, что могу сделать всё, даже самое невообразимое: изменить всё вокруг себя, измениться сам, оставаясь в глубине себя тем самым, каким всегда хотел быть. Ведь, когда меняешься сам, то можно даже менять законы, создавая их для себя и под себя. Ведь даже классик материализма говорил, что человеческое мышление суверенно и неограниченно по своей природе, призванию, возможности и временной конечной цели. Но он тут же добавлял, что оно не суверенно и ограничено только по отдельному осуществлению, по данной в то или иное время действительности. Но если действительность можно менять, как это случилось со мной вчера, то и тогда данного закона тоже не существует, так как я сам могу научиться творить эту действительность. Возле этого фонтана я, находясь в состоянии барокко, чувствую себя Люлли и Людовиком Четырнадцатым, а когда дойду до следующего фонтана, то смогу окунуться с головой в стиль классицизма, и сразу же стану Моцартом, и вся действительность вокруг меня опять поменяется, потому что я буду уже «человеком в театре»; а у третьего фонтана я, превращаясь в «человека в храме», обрету образ бога и буду создавать вокруг себя музыку и свою собственную действительность, как это делает Луиджи. Сейчас он – бог, и при помощи своей философии и магического искусства способен менять окружающий мир. Но и я стану богом и создам свою философию со своими законами. И вот тогда столкнутся две философии: моя и магия Луиджи, и мы посмотрим, кто выиграет эту битву: я или он. И наградой победителю будет Агния. Кто-то один из нас, самый сильный, должен завоевать её сердце.

Танцую, я дошёл до конца сквера и вошёл в суживающуюся горловину улицы. На тротуарах появились уже пешеходы, спешащие на службу, а по дороге проезжали машины и автобусы. Я перешёл через улицу и у геронтологической клиники, свернув в скверик, подошёл к круглому фонтану. Удивительно, но снега в нём не было. По всей видимости, дворник в этом месте работал даже ночью.

Чаша фонтана была небольшая и неглубокая. Я перешагнул через край чаши и встал в середине фонтана. Скверик, отгороженный от пешеходной мостовой ажурной решеткой, густо зарос кустами и деревьями, поэтому свободного пространства вокруг фонтана оставалось мало из-за близко расположенных скамеек, но для меня сам круг чаши мог стать ареной или сценой, как в театре, к тому же, за решёткой ограды толпились люди, ожидая транспорта. В мою сторону они не смотрели, потому что меня защищали ветви деревьев, покрытые снегом, но их присутствие я ощущал, как артист ощущает за занавесом наполненность зала зрителями. В мою душу сразу проникло чувство нахождения в театре, которое возникает в замкнутом пространстве при волнении в преддверии общения с кем-то или с чем-то неизвестным, когда человеку предстоит куда-то выйти: артисту – на сцену, а зрителю ступить в неизведанное пространство. Ведь в театре мы одновременно являемся и зрителями, и актёрами, где можно посмотреть на других и показать себя.

«А что если мне сейчас произнести какую-нибудь зажигательную речь, – подумал я, – обратят на меня люди внимание или нет»? Конечно же, это – глупо: произносить речи из фонтана или бассейна. Люди в театре жизни всегда пытаются обратить внимание на себя, и я не составляю исключения. Но для того, чтобы на тебя обратили внимание, нужно быть привлекательным. А привлекать к себе внимание других людей можно только своим умом или обаянием. Обаяние – это дар природы, и им наделены немногие, то есть, не все, желающие его получить, а вот ум приобретается самим человеком в ходе развития его умственных способно-

стей. И это, прежде всего, труд, который полностью зависит от самого человека. Очень часто за гибкий ум человеку прощают много. К тому же, сам ум может стать средством обаяния. Но как же стать умным? Как развить свой ум до такого уровня или совершенства, чтобы превратиться в гения? Что же такое острый ум, как не постоянное движение мысли? Это – поток мыслительных операций и концентрированного устремления к какой-либо идее. Откуда же берутся мысли? Они берутся из истока, из предела истинного бытия. Слово и мысль прокладывают человеку путь к Истине, из-за которой он находится в вечном странствии, проходя через реальные и нереальные миры; и, конечно же, Истина является его реальной ценностью. Путь духовных исканий! Как это красиво звучит! Этот путь мысли порождает всё его творчество и является конечной целью его бытия. Это и есть его отечество, его родина и его рай блаженства. И мной тоже овладевает чувство стремления к совершенству, потому что я «не есть нечто уже сложившееся, а есть требование духа», как сказал один великий писатель. И я являюсь этим самым духом, который стремится осуществить все мои высшие потенции, суть которых мне ещё не разъяснила природа.

И тут я остановился в своём мысленном движении и воскликнул: «Что же я делаю?! Я стою здесь, в этом фонтане, и несу всякую чушь, занимаюсь глупостью и чудачеством. Что же меня выбило из колеи, привело сюда и сделало жалким позёром»? И тут я вдруг понял, почему я это всё делаю. Я познакомился с Луиджи, который показал мне свое тотальное превосходство надо мной. Он способен делать то, что под силу только магам, волшебникам, святым или богам. И я полностью ощутил всё своё ничтожество. Более того, он не только превзошёл меня, но и покусился на самое святое: решил переспать с моей возлюбленной, с девушкой моей мечты, с Агнией, лишит её девственности. Разве могу я ему это позволить! Нет! Всеми силами я должен противостоять ему, стать таким же, как он, сильным и могущественным, проникнуть в его секреты и победить его. Но для этого мне нужно для начала хотя бы сравниться с ним и овладеть его магией, освоить метафизику и проникнуть в мистику. Но как это сделать? Здесь нужна не йога, а что-то более совершенное. Здесь нужно полное проникновение в себя, в своё я. Ведь мы до сих пор не знаем, что мы собой представляем. И мне необходима помощь математики, музыки и физики и ещё каких-то мистических наук. Я должен поймать этот космический ветер, несущий из Вселенной звуки мироздания, понять его, преображая в свою собственную субстанцию, и с его помощью поменяться сам и изменить всё мое окружение. Но как же раскрыть себя и трансформироваться в своё истинное «я»?

Итак, мне нужно овладеть собой, своим собственным духом, но это – только первый этап моей трансформации. Я должен стать сам королём, императором и богом. Лишь после того, как я сотворю себя, раскрыв свою истинную сущность, то смогу перейти ко второму этапу своего формирования – создать вокруг себя своё королевство, свою империю, свой театр действия, в котором я буду режиссёром и актёром, одним словом, творцом своей судьбы. Да! Именно! Я стану человеком в театре, но не простым человеком, а научусь передвигать фигурки на своей сцене, управлять всеми событиями и всеми людьми в моём собственном театре. Лишь после этого можно будет переходить к третьей стадии своего развития – становиться «человеком в храме», иными словами, устанавливать прямую связь в Высшим Разумом и Высшими Силами Вселенной. И это будут апофизом моего совершенства, когда я сам стану богом, а не рабом Всевышних сил. Я сам начну перемещаться в небесных сферах, познавая пределы истинного бытия, и это станет жизненным путём моей бессмертной души. И благодаря этому странничеству, я смогу перемещаться всюду, где есть пространство, посещать души людей в поисках чистой земли и подлинного рая, насыщая свой дух знаниями и открывающейся Истиной. Я постигну конечную точку своего жизненного пути, где окончательно произойдёт моё самостроительство и закончится моё ученичество в воплощении истинного вочеловечения. Я верю, что страстность моего духа сможет достичь этого, и я стану истинным гением, если даже мои одержимость и тревога доведут меня до безумия. Но ведь это «безумие» и сможет преодолеть все

границы мыслимого и немислимого, и станет определяющим знаком моей подлинной личности.

Но что такое «безумие», как ни истинное просветление. И я уже сам чувствую, что становлюсь безумным. Что же случилось? До появления Луиджи в нашем институте вся наша жизнь текла спокойно и размеренно: часы занятия в институте, наше преподавание, подготовка к лекциям, а в свободное время – встречи в кафе с друзьями и долгие философские беседы на темы миропознания и роли в них математики. Практически, ничего не происходило в нашей обыкновенной жизни. Были, конечно, праздники и пьянки, но все наши разговоры не выходили за границы наших доморощенных размышлений.

На кафедре нас – пятеро парней – преподавателей-математиков, и мы размышляем лишь в рамках нашей узкой профессиональной сферы о только интересующих нас вещах по определённым спектру тем, гордясь своей начитанностью и проникновенностью нашего мышления. И вся наша гордость, возникающая от упоения красотой создаваемых нами теорем и математических схем, вдруг показалась мне некой вычурной забавной игрой ума с претензией на гениальность, и не больше этого. Ведь увидеть истинный мир своим глазами – очень сложная задача.

Мне тут же вспомнился опыт художника-пейзажиста Людвиг Рихтера, жившего в девятнадцатом веке, который предложил своим товарищам нарисовать один и тот же пейзаж с условием «ни на волос ни отклоняться от природы». И хотя пейзаж был одним и тем же, и каждый художник добросовестно придерживался этого правила, но получились четыре совершенно разные картины, и они все отличались друг от друга настолько же, как и отличались сами личности этих художников. Так происходило и с нами, преподавателями математики. И каждый из нас смотрел на мир под своим личностным углом зрения.

Хоть мы и образовали своё «Тёмное братство», но единого мнения у нас ни в чём не было. Мы назвали своё братство «тёмным», потому что ежедневно погружали свои умы в самые тёмные математические дебри, пытаясь высветлить хоть какие-то общие понятия в картине мироздания, но чем больше мы углублялись в наш материал, тем больше погружались в хаос и беспросветную тьму, может быть, потому, что тёмной материи во Вселенной намного больше, чем светлой, и общего движения к светлому будущему у нас не получалось. Хоть и жили мы напряжённой духовной жизнью, но из нашего безумия и «математического чудачества» не только не могли найти выход, но ещё больше погружались в них, может быть, потому, что каждый из нас тянул наше «тёмное братство» в свою сторону. У нас даже музыкальные предпочтения были разными. Олег, обладающий в своих порывах ленивым вдохновением, был без ума от музыки итальянского композитора Луиджи Росси; Сергей, упорно работающий над своей диссертацией, вдохновлялся от произведений Баха; Андрей, всегда склонный к внутренним переживаниям, любил Бетховена; а Юрий, временно угодивший из-за своего неуёмного ума в психушку, предпочитал более поздних композиторов: Берлиоза, Клода Дебюсси, Камилла Сен-Санса, Рихарда Штрауса, Вагнера и прочих. У каждого из нас был свой музыкальный вкус и своё видение реальности. Хоть нас все осуждали и считали безумцами и чудаками, и даже смеялись над нами, считая нас отверженными и непонятными в научной среде, но я всё ещё верил, что мы, несмотря на всё это, были на голову выше всех этих учёных светил. И даже когда мы уже не верили в свой успех, мы всё же не отходили от своих устремлений, продолжая верить в успех своей миссии, и наши истинные идеи и чувства прикрывали скрытой иронией, а на наши занятия смотрели как на игру и забаву, надеясь на то, что когда-нибудь наши деяния, исполненные чистой духовности, и идеи получат воплощение в действительности.

В нашей жизни проходило как бы два потока сознания: один из них был потоком напряжённых и интеллектуальных переживаний, а другой – пустяжных бытовых событий, которые в своей обыкновенности выступали как знаки времени, и эта обыденность порой открывалась нам как сущность и смысл человеческой жизни. Мы признавали, что напряжённость нашей

духовной жизни всегда сопровождалась нашей житейской инертностью. Никто из нас не был женат, и не стремился создавать семью и рожать детей. Мы жили сегодняшним днём и теми идеями, которые приходили нам в головы. Ни у кого из нас не возникали суетные заботы о собственной карьере, так как мы считали эту безсобытийную жизнь воплощением подлинного бытия, в которой всегда звучала высокая мера пройденного пути всех людей, стремящихся к Истине.

Основой нашего общего учения «темного братства» была идея погружения во мрак, иными словами, в такие темные закоулки нашего подсознания, где могла скрываться сама тайна Истины. А самой основой этого мрака является пустота и тьма, где всё спокойно и ничего не происходит. Но там, в этой мрачной пустоте есть всё, что может существовать, и что может соединиться между собой. Это – как середина всего мироздания, как первозданный эфир, где нет ни форм, ни измерений, ни постоянства. И поэтому оно непостижимо и молчаливо.

Когда наше сознание проникало в эту точку, то оно напитывалось тем, что нельзя было выразить словами, как-то осознать или представить, но именно это и давало нам рождение всего, что потом проецировалось на нашу жизнь. Это являлось некой туманностью, в которой как бы зарождались звёзды, где шло разделение на свет, тьму и тени. Эта точка была для нас неисчерпаемой, и если нам удавалось на ней сосредоточиться, закрыв глаза, то мы были способны увидеть прошлое, будущее и настоящее в своём истинном свете. Из этой точки и истекало само наше сознание и мы, пятеро учёных, как бы являлись самим этим сознанием. Из этой точки исходили многие наши реальности и сама наша жизнь.

Мы часто задумывались над тем, что эта точка является тайной, но в ней скрыто Нечто, что представляет собой всё. Потому что всё разливается именно из него, рождая горизонты и многочисленные истоки, создающие творения всех вещей. Оно, это самое Нечто, одиноко, так как в себе само не делится. И мы верили в то, что это и есть наша Душа, Источник осознания всего в мире, Врата всей материи. Ведь что такое наша душа, и почему она бессмертна? Это – именно та Точка, которая может присутствовать везде и в то же время нигде не быть. Это и есть наше Божественное Начало, где мы каждый раз появляемся и исчезаем, свободные от любой логики и приравненные ко всему, что происходит в мире, а не в нас. Ведь в нас самих ничто не может происходить, ибо наше личное творчество рождается под действием этой Точки сиятельного мрака, которая извергается в мир вместе с нами. Поэтому мы не только входим в этот мир, рождаясь, но и несём себя в него, как бы порождая и подтверждая весь этот мир.

Сиятельный Мрак способен был родить нас в любой вселенной. Поэтому мы, побывав в нём хотя бы мгновение, открывали то, что черпали из него, что единило нас с его мрачной пылью, и что рождаясь, превращалось в отточенное остриё или ослепительный блеск некой мыслительной субстанции, способной творить или разрушать все вещи и окружение, что мы потом и называли «возвращением к простым вещам». Такие импульсы омывали наши сердца и выбеливали наш дух, делали открытия, поражая нас своей гениальностью. Всё это было на грани безумия, но безумия просветлённого, рождённого из Сиятельного Мрака. И мы упивались своими открытиями.

Мало кто в институте знал о нашем «Тёмном Братстве», потому что мы поклялись никому о нём не говорить. Когда мы входили в этот мрак, то как бы умирали, ведь есть же в быту такое словосочетание – «отошёл в мир иной». Так было и с нами, когда мы погружались в наш сиятельный мрак.

Мы не знали, что это такое, и не надеялись узнать, эта точка была источником нашей гениальности, и мы постоянно жили между нашим миром и ею. В душе каждый из нас считал себя высшим существом, но мы этим не гордились и не хвастались, потому что боялись потерять возможность вхождения в эту точку. Каждое путешествие туда нас обогащало. Мы и говорили меж собой: «Вхожу туда и выхожу оттуда, хожу туда и сюда, брожу в Царстве Тьмы и напитываюсь сиятельным светом, который помогает мне путешествовать по мирам, нырять в

тёмные глубины и подниматься к ослепительным вершинам, сгибаться и выпрямляться, проходить через различные перерождения, взирать на символы, а потом запечатлевать их в изящных теоремах и формулах».

Но самые приятные чувства мы испытывали в тот момент, когда покидали эти темные точки. Это было как возвращение на родину или посещение своего родного дома, где мы появлялись и проявлялись, и вместе с тем происходило наше истинное перерождение. Каждый раз, выходя из этой точки, вы возвращались обновленными, и это была большая радость для нас. Такое мгновенное погружение в это состояние и выход из него не требовали аскетического удаления от мира, но, вместе с тем, каждый раз это было испытанием чего-то нового, неизведанного нам доселе. Это была как бы другая страна, отдалённая и не похожая на наш мир, где, пребывая, мы как бы отходили от земных звуков и форм, превращаясь в иные астрально-космические существа, и там всё было совсем не так, как на земле, мы путешествовали по космическим далям, следуя своей природе. Там мы могли увеличиваться до размеров луны и даже солнца, стремительно передвигаться меж звёздами, погружаться в туманности и находить в них другие необычные миры, где жили драконы и разные удивительные существа, наблюдать течение времени как бы со стороны, познавая историю всей Вселенной. Мы могли превращаться там в огромных гигантов, подпирая головой небо и стоя одной ногой на земле, другой же отправлять луну, подобно футбольному мячу, на дальнюю орбиту, ожидая вновь её приближения под действием притяжения земли, или становиться маленькими карликами, способными проникать в любые щели. Мы уносились за пределы видимого мира и входили в двери бесконечности. В этой точке мы были способны менять свой лик, обретая своим телом любые формы, а, попадая в сферу высшей чистоты, растворяться в ней, как делают это в воде химические элементы, и полностью очищаться от пыли брэнного мира.

Возвращаясь в своё прежнее состояние, мы внутренне становились совсем другими людьми, отвергая все человеческие «да» и «нет», не зная ни доброго, ни злого, ни верного, ни лживого. Мы полностью очищались от всего, что раньше нам мешало жить, и этот мир становился для нас сразу же просторнее и светлее, наполняя нас тихой радостью. Мы уже не нуждались в человеческих одобрениях, и не чувствовали одиночества среди людей, потому что внутренне уже чем-то от них всех отличались, являясь как бы противоположностями им и своего рода образцами другого мира. Нам не нужно было уже внимание к себе людей, слава была бы для нас убийственной, мы старались опрощаться, становиться незаметными среди людей и даже желали себе внешнего убожества, стремясь занимать среди всех последнее место. Мы добровольно могли стать юродивыми, потому что понимали их безумие, и с точки зрения простых обыкновенных людей, вероятно, сами становились безумцами.

В первые минуты выхода из сиятельного мрака мы походили на туманности или тени, и нас сразу одолевало желание покинуть этот мир, вернуться назад или уйти, куда глаза глядят, уплыть незаметно от всех в дали и блуждать, ничего не ища на земле и ничем не интересуясь. Потом это чувство проходило, мы как бы возвращались к своей обыденной жизни. Не скажу, что что-то мы теряли, но часть чистоты, полученной нами в той запредельной точке мрака, как бы испарялась. В наши поры опять проникала брэнность этого мира, но мы всё же несли в себе образ той первоизданной завершенности совершенства, так как после таких погружений в сиятельный мрак вдруг делали открытия в своих научных направлениях, которые современники даже не понимали, и когда мы излагали им свои взгляды, то они вертели пальцами у своих висков, считая нас глупцами и придурками. Мы же смотрели на них с улыбкой, так как видели то, что не видели они. Возможно, что после таких путешествий мы становились, с их точки зрения, немного странными, потому что превращались в чудаков, которые, по их словам, «желаний имеют немного, дают и не требуют обратно, производят что-то и не копят». Они считали нас юродиво-простыми, первобытно неотёсанными и дико-безумными. Как говорил Алексеев: «Мы действовали шало, но шли великим путём».

Но не все наши возвращения из сиятельного мрака заканчивались благополучно. Юрий, наш самый умный и продвинутый в науке товарищ, слишком долго задержался в этой запретной точке, а когда вернулся, то даже нам стал казаться несколько странным со своим слегка помрачённым сознанием. На одно из занятий со студентами он пришёл в женском одеянии, после этого всё наше начальство института обратило на него внимание, и он временно оказался в психушке. Это произошло совсем недавно, и мы ещё не знали всех подробностей его помрачения. А я собирался на днях сходить к нему и проведать его в клинике.

Тут я как бы очнулся и подумал: «А что скажут люди, увидев меня стоящим в пустом заснеженном фонтане? Что им придёт в голову от этой картины? Подумают ещё, что я залез сюда помочиться или справить другую нужду. Вряд ли они, все такие занятые, примут меня за разумное существо, стоящее в фонтане и думающего о вещах, которые им и прийти в их головы не смогут. Скорее всего посчитают меня придурком».

Я тут же выбрался из чаши фонтана и поспешно вышел из этого маленького скверика. Народу было уже много на улице, все куда-то спешили. Я тоже пошёл по тротуару в направлении востока. Звёзды уже потухли, но солнце ещё не появилось над горизонтом. Однако, просветлевшее небо уже проявилось, как бы закрыв от взора всю перспективу Вселенной и образовав потолок – небесный свод – своего рода замкнутое пространство. Так всегда бывает. Когда начинается день, то наш земной мир сразу же теряет связь с космосом и со всей Вселенной. Он как бы отгораживается от всеобщего мироздания, превращаясь в кокон, в котором происходит своя внутренняя жизнь, где уже обретают своё значение не звёзды, а маленькие пылинки, и огромный театр бескрайней Вселенной с её беспрестанным движением превращается в крохотную сцену с небольшим залом, где разыгрываются местные спектакли, в которые вовлечены тысячи и десятки тысяч актёров, но каждый из них разыгрывает свою собственную пьесу: драму или комедию.

И в этой толпе я ощутил себя вдруг тоже «человеком в театре», потому что в предутреннем свете на фоне архитектурной декорации шли люди, разодетые в разные костюмы: женщины и даже девушки – с накрашенными лицами, мужчины – со сосредоточенным выражением целеустремлённости. Все они как бы входили в свои роли их повседневной жизни, и каждый из них после сна и ночного расслабления в зарождающемся дне сосредотачивался и обретал своё лицо и свой образ поведения. Мне захотелось остановить эту толпу хотя бы на миг, на одно лишь мгновение, и заглянуть каждому в его душу, узнать его историю жизни, его мысли и желания. «Как было бы хорошо, – подумал я, – если бы они никуда не бежали, а остановились и подумали о том, что они делают и почему так суетятся».

Я перешёл оживлённый перекрёсток и, пройдя мимо сквера с памятником вождя революции, через несколько шагов увидел вывеску ресторана «Этерно» – «Вечность», из которого вчера вечером мы вышли с Луиджи и оказались в Риме на площади Навона. Я огляделся. Ничто в этом месте не напоминало мне картину вчерашнего вечера. Несомненно, мы с ним вчера каким-то образом перенеслись в другое место. Но как это смогло произойти? Это было своего рода перемещение небес. Я попал в другую реальность, но долго не задержался там, и, вернувшись, опять оказался в своём мире, но всё это совершилось не по моей воле, и это мне не нравилось. Я никогда не любил, когда кто-то управлял мной и моим сознанием. Человек не должен поддаваться никакому гипнозу, потому что во время гипноза он становится беспомощным рабом чужой воли. Нужно всегда оставаться господином своего сознания, не впадать ни в какое очарование. Нужно научиться быть сильным и противостоять любому влиянию на себя. Человек может подчиняться только своей воле по собственному решению или же следовать воле Всевышнего, веря себя только в его руки. Но лучше всего, если человек остаётся ни от чего и ни от кого независимым, только тогда он обретает истинную свободу, и только тогда он может быть самим собой, потому что даже для того, чтобы познать Всевышнего, нужно стать вначале совершенномудрым и углубить свои познания о мире. И прежде чем войти в храм

божий, нужно познать то, что находится вокруг храма. Иными словами, необходимо приучить свой разум к путешествию и к познанию всего, что нас окружает. Но это путешествие должно быть внутренним и естественным. Потому что, как говорят мудрецы, чем дальше идёшь, тем меньше познаёшь, мудрец не тратит время на ходьбу, но познаёт всё. И свой собственный храм мы строим своими мыслями и устремлениями, своим разумом и сердцем. И чтобы стать «человеком в храме» нужно посмотреть на мир другим взглядом. Ведь «человек в храме» может путешествовать также как простой странник, но всё, что он будет видеть, и к чему будет прикасаться, обретёт новый смысл, получив некую сакральность. Ведь само блуждание и странствие в беспредельном мире своей души является лучшей формой познания мира.

Я нашёл подтверждение этим мыслям, подойдя к большому заснеженному фонтану, который занимал четверть площади перед Спортивным дворцом. В нём не было ни воды, ни льда, только снег покрывал дно его огромного бассейна и форсунки, из которых летом в небо поднимались струйки воды.

Природа спала также, как и моё сердце, оно ещё не проснулось, чтобы испускать из себя потоки красноречия и мыслей. Я как бы находился в сомнамбульное состоянии, и мои мысли совершали движение внутри моей души, не выплёскиваясь наружу. Поэтому меня никто не слышал, и я мог говорить себе всё, что хотел. Это я и называл внутренней свободой, которая так необходима каждому человеку. Ведь человек не может ни секунды оставаться без мыслей. И даже когда он думает, что он не мыслит, то он всё равно мыслит о том, что он не мыслит. Это внутреннее состояние и является его истинным храмом. И если он входит в любой храм, не важно какая там исповедуется религия, он всё равно находится в своём собственном храме, и только в нём общается с Высшими небесными силами или Совершенным Разумом, которых он и называет Богом.

Да, именно так! Мудрецы утверждали, что, не выходя со двора, можно познать мир. Именно поэтому совершенный человек не ходит ни в какие храмы, а познаёт всё в себе, потому что его собственный храм и является этой тихой обителью, долиной чистой и светлой, как и его дух, бродящий среди гор и лесов, где сама природа врачует его душу. Все мы по своей природе вечные странники, но эти странствия, путешествия обычно не осуществляются во внешнем мире, ибо истинные блуждания и странствия в беспредельном мире могут происходить только в нашей душе, которая и создаёт сама лучшую форму познания мира. Может быть, эта форма несколько парадоксальна, так как проделываемый в ней путь немного эфемерный, но именно он создаётся нашей личностью и определяет подлинное состояние нашего духа, как бы утверждает в этом пути само наше становление, а не данность какой-то эфемерной истины. Но для того, чтобы пуститься в эти скитания, необходимо, прежде всего, освободить свою душу от всякого груза, стать беззаботным и по возможности невинным. Только после полного очищения можно пуститься в это странствие, как говорил кто-то из древних «управляя ветром и овладевая смыслом постоянства неба и земли».

Я прошёл несколько шагов от бассейна и увидел на пригорке силуэт мифического животного, держащего в зубах пушистого зверька. Это животное, созданное воображением людей, нашло своё воплощение в бронзе, и стояло на пьедестале, устремив свой взгляд в глубину улицы. За ним далеко на горизонте появился краешек поднимающегося солнца. Тьма полностью исчезла, и зарождался новый день. Моя прогулка по улице приближалась к концу, нужно было возвращаться в институт, где скоро должны были начаться занятия.

Недалеко от этого мифического животного, похожего на тигра, я пересёк улицу, направляясь к остановке трамвая, возле которой на пригорке стояла златоглавая православная церковь. У меня уже не было времени зайти в неё, чтобы полностью почувствовать себя «человеком в храме». На улице быстро всё менялось с началом дня: люди спешили на работу, транспорт заполнил проезжую дорогу; и моя утренняя прогулка казалась мне уже сном. Но тут я подумал, что всё, что происходит в моей жизни, мне кажется всего лишь сном. Но так

ведь всё и есть: всё, что отлетает в прошлое, уже не является явью, а превращается как бы в прожитый сон. И любое странствие превращается в сон, когда небо и земля, весь мир могут уместиться на ладони. Но совершенный человек всегда стремится воссоединить в себе сон и явь, так как он представляет собой как бы триединое начало: «человека на площади», «человека в театре» и «человека в храме». И эти состояния человека постоянно чередуются, отчего он обретает «тройное поведение», которые можно представить, как сон, явь и дрема. Большую часть времени человек живёт в дремотном состоянии, когда он входит в этот промежуток между сном и явью. Это состояние ещё можно называть забытьем, когда человек забывает о себе и той действительности, в которой он находится, и погружает себя в мысленное блуждание, которое и является лучшей формой познания мира. Его мысль как бы преломляется в новой порождённой им реальности подлинного странствия его духа, сменив его вульгарную тягу ко всему обыденному, от которой он не может устраниваться даже при перемене мест и при поиске новых впечатлений, направляя его в абсолютно новую сферу, где нет ни сна, ни яви, ни дремотного состояния, где нет ни правды, ни лжи, и где всё находится в естественном равновесии, где открывается истинная ясность ума и мышления, где само состояние забвения позволяет странствовать в бесконечности, подобной океану, и где открываются истинные знания.

Я стоял на остановке трамвая и смотрел на ожидающих людей, думая о том, способны ли они пуститься в такое странствие. Все они молчали и думали о чём-то своём. Но о чём были их думы, и где витали их мысли? Может быть, в эту самую минуту они все находились в забытье. Ведь дорога туда никому не закрыта.

Подошёл с грохотом трамвай, открылись двери, и все мы втиснулись в забитый людьми вагон. Трамвай тронулся, я стоял в проходе и держался за поручни. Головная боль совсем прошла, и мне мыслилось легко и с ощущением полной свободы. Храм проплыл мимо нас и исчез за поворотом улицы. Я возвращался в институт, туда, откуда распространялось Знание. Да, именно там находилась обитель Знания, как говорили древние мудрецы: Знание устремляется в дорогу, оно путешествует, обращается с вопросами к самым мудрым о том, какой следовать дорогой, чтобы обрести Истину, но нигде не получает ответа. Одни не знают истину, а другие её забыли и только вечный голос, вещающий из вечности, шепчет ему: «Не нужно мыслить, и не нужно думать – это и есть начало познания Истины».

Трамвай проехал мимо ресторана «Этерно» – «Вечность», где вчера мы сидели с Луиджи, и где он впервые открыл мне глаза на знание и истину. И этот вечный голос шептал мне сейчас: «Не нужно мыслить и не нужно думать – это и есть начало подлинного живого познания истины. Не нужно нигде находиться и ни в чём не усердствовать – это и есть безмятежное пребывание в живой Истине. Не нужно ничему следовать и не надо идти никакой дорогой – это есть начало обретения движения к Истине».

И вот, наконец-то, в этой толпе я обрёл возможность разобраться в себе самом. Так кто же я есть на самом деле: физик или математик? Что я хочу познать? К чему желаю прийти? Сейчас в нашем мире все себя считают физиками, потому что все мы живём в физическом мире, а это значит, что все мы являемся материалистами. Но даже у физиков существуют разные интересы. В древности физикой считали знания, слагающиеся из совокупности представлений о природе, так сказать, о внешнем мире, а именно то, что отличалось от всего, что было создано человеком. Само понятие физики означало нечто такое, что относилось только к миру, который существовал вне нашей воли и разума, поэтому и процессы, протекающие в нём, не походили на процессы, протекающие в нашем сознании, они были независимыми и рассматривались как объекты, поэтому естественные процессы внешнего мира Аристотель и называл физикой.

Так что же нужно сделать для того, чтобы понять то, что не зависит от нас и нашего разума, что создано самой природой, а не сделано нашим устройством? Для этого, наверное, нужно очистить наш ум до снежной белизны, разбить все свои знания, ибо ничего в мире невозможно постичь путём логических умозаключений. Ведь само наше появление на свет,

наше рождение – это уже чудо. И это появление жизни не оставляет следов, также как её исчезновение не имеет предела. Для жизни нет ворот, нет жилищ, поэтому она распространяется по всем четырём направлениям.

Наш трамвай выехал на мост, под которым протекла широкая не замёрзшая река, от которой облачком поднимался пар. В утреннем небе, озарённом солнечными лучами, летели на восток вороны, а там, внизу, в холодной воде плавали утки, охотящиеся на рыб. И сверху, и внизу всё было пронизано жизнью. И сама наша человеческая жизнь была похожа на движение через этот мост. Мгновение, и вот уже мы на другом берегу, где находится вокзал железной дороги, с которого можно отправиться в путешествие в любой конец света. Но жизнь проносится так же быстро, как проезд по этому мосту, несколько минут и она уже прошла, промелькнула, исчезла. Поэтому-то человек не в состоянии, утвердись в своём реальном бытии, странствовать в беспредельном. Поэтому всё в этом мире имеет свои сроки. Свои отрезки времени. Сколько же времени я напрасно потерял в своей жизни? Стремясь к знаниям, я не обрёл никаких знаний. И в этом я вчера убедился воочию.

Так что же случилось в моей жизни? Почему я вдруг столкнулся с таким чудом, когда какой-то субъект, даже не человек по рождению, а птица, вдруг, подобно богу, стал вмешиваться в действительность, и менять реальность по своему усмотрению? Что произошло? Почему какая-то часть природы научилась управлять естественными законами всего целого, именуемого самой природой? Почему физика перестала оставаться физикой, а превратилась в рычаг манипуляции? И почему её разрушил какой-то субъект, называющий себя даже не человеком, а попугаем, клоуном животного-растительного мира? Мы все так долго шли к понимание этой природы, и всё это время происходило стремительное проникновение физических понятий во все наши отрасли науки, и вдруг, бац, и всё перевернуто с ног на голову, где я уже ничего не понимаю, когда наше воображение творит саму реальность, когда мы по прихоти своего желания можем изменять мир, творить ту действительность, которая нам удобна? Это же приводит к хаосу, когда субъект с объектом меняется местами. Происходит какая-то мешанина, из-за чего любой объективный взгляд на вещи вдруг превращается в субъективный, и полностью разрушает всякий критерий истины. Как же так получается?

Может быть, это происходит потому, что каждый человек, каждый специалист стремится втиснуть физику в рамки своих собственных понятий. Химик воображает, что он знает законы микромира, объясняя все изменения материи своей надуманной теорией, как ходом реакций движения и структурой ядер, дислокацией и передислокацией нуклонов и электронов в атомах и атомов в молекулах. Геолог, рассматривает процессы, происходящие в земной коре, как распад ядер, выдвигая свою надуманную теорию. Астроном приспособливает общую теорию относительности к ядерным процессам, чтобы раскрыть закономерности эволюции звёзд и галактик. Биолог считает, что нашёл разгадку наследственности и её нарушений в строении и изменении строения больших молекул, ссылаясь в этом на квантовую механику. И так все стараются свою надуманную физику приспособить для собственных нужд в объяснении своих надуманных теорий и законов природы. Но после вчерашнего вечера получается, что человеческая наука всего лишь возомнила, что она, создав свою физику, открыла все объективные законы природы, и что для неё уже нет ничего непознанного. Ведь получается именно так!

Человек постоянно ищет лазейки, чтобы как-то проникнуть в тайны природы, но натывается только на неожиданности и необъяснимые явления, чудеса происходят на каждом шагу и преследуют его, если он не закрывает на них глаза.

Учёным даже не приходит мысль, что когда-то, уже давно, они свернули на неверную тропинку и забрели так далеко в своих заблуждениях, что возвращение на правильный путь стал для них весьма проблематичным. И вот сегодня я впервые подумал о том, почему так происходит. И сейчас с появлением Луиджи в нашем институте меня вдруг озарила одна мысль. Дело в том, что в нашем учёном мире все пытливые умы стараются тянуть одеяло на себя, как

говорят в народе, от этого общая наука приобрела беспредельную особенность, где частное и конкретное изменение представлений о тех или иных процессах и вещах изменяет весьма общие принципы, и любой их взгляд на вещи, а вместе с ним и мироощущение становится односторонним, ускользает что-то главное, общее и объединяющее весь мир в одно целое. Субъект начинает претендовать на объективность, желая сам превратиться в объективную реальность. Он создаёт свою новую теорию, делая свой взгляд на вещи общей исходной точкой воззрения на мир.

То же самое делает Луиджи, но у него как-то получается изменять реальность, а у большинства учёных эта реальность только искажается, но не меняется. И в этом состоит разница между учёными и им. Все экспериментируют с материей, особенно химики, но Луиджи экспериментирует с самим превращением материи, где нарушаются все общие принципы её изменений и, более того, происходит некая магия в изменении материи и перемещении миров.

Это уже происходит не на сознательном уровне, а в некоей данности, которую тоже можно назвать действительностью, но эта действительность явно стоит за порогом нашего сознания, потому что она наличествует в мире также, как наличествую я сам и этот итальянец, которого воспринимают все окружающие. Он же – не плод моего воображения, а значит, то, что происходит с ним и со мной, происходит по-настоящему в мире.

Несомненно, мы оба с ним обладаем новым стилем физического мышления, который позволяет нам творить из ничего что-то, и поэтому мир у нас не разлагается на части, а синтезируется в новую реальность, и это – не частные констатации или общие категории, а некое видение обратной стороны действительности, так называемой изнанки реальности объективного мира. Но что же это за изнанка? Математическая модель мира, при помощи которой формируется физический костяк? Сама оболочка осязаемого мира? Или тот магический набор определённых символов или знаков, при помощи которых и создаётся вся материальная основа физического мира? Что это? Основа всех основ? Бестелесные атомы краугольного камня мироздания?! Абсолютная консистенция, связывающая суть и сущность!?

Трамвай подъезжал к моему институту, я смотрел на корпуса, ответвляющиеся от основного здания моей Альма-матер – «материнской души», как я с гордостью называл мой институт за его внушительные размеры, где только одни коридоры составляли протяжённость в семи километров, и где училось более тридцати тысяч студентов. И я им преподавал математику. Я считал, что математика, вообще, представляет собой нечто волшебное. Она больше связана с философией, чем с другими точными науками. Именно поэтому она и входит в астрономию, механику и физику как единое целое, превращаясь в философию познания, становясь философией бытия. Математика – это также и музыка, поток прерывности с непрерывностью, где звук имеет материальное осязаемое наличие, объединяющее время и пространство в нечто материализующееся в пустоте, и влияющее на наши органы чувств, как прикосновение к холоду или теплу, к твёрдости или мягкости. А само звучание речи?! Разве это не математика, несущая свои символы и различительные особенности частного и общего? Сам наш язык и членораздельная речь – это уже соединение математики и философии.

Трамвай остановился, студенты гурьбой вывалились из вагона. Все мы направлялись ко входу в наше огромное учебное учреждение. Некоторые студенты здоровались со мной, так как я когда-то преподавал им свой предмет. И это было мне приятно, меня помнили. Я направился прямо в свою аудиторию. Потому что у меня уже не было времени забежать в общежитие. Настроение мой повысилось, так как в моей душе приятно щекотало моё самолюбие – чувство моей значимости в этом храме науки. Испытывая это ощущение в душе, я даже воскликнул про себя, как будто бы уже читал лекцию моим студентам:

«Да, именно, математика становится философией нашего бытия, рождая в нас математические представления эмпирических корней, которые преобразуются в определённые условности, помогающие нам открывать скрытые законы априорности, складывающиеся в интуицию.

Математика и есть та изнанка мира, проникая в которую, мы начинаем понимать истинные закономерности мира, где сложные природные явления, включая нашу собственную жизнь, разум и наше человеческое бытие представляются уже не механической эволюцией чего-то абстрактного, а взаимосвязанное единство всеобщего бытия, где все частности соединены в единое целое и не могут рассматриваться по-отдельности, тем более, разрываться на такие составляющие: как материя и дух, общее и целое, главное и второстепенное. В этой изнанке всё является главным и значимым, и от каждой мелочи и детали зависит наша общая реальность».

Дверь открылась, и я вошёл в свой храм знаний, где меня ждали новые приключения, опрокидывающие все мои представления о реальности.

3. Продолжение знакомства с реальностью

Когда я вошёл в наш храм знаний, меня тут же окутала атмосфера Математической Шамбалы. В этом институте я когда-то сам был студентом, и мне сразу же вспомнились бесконечные споры той прекрасной эпохи нашей юности, когда мы ещё только открывали этот мир в своём сознании, но такие споры могли возникать только в обществе Высшего Разума.

Глядя на снующих по коридорам студентов и студенток, я думал, что наше учебное заведение объединяло людей высших знаний благодаря этой самой атмосфере, позволяющей с разных отвлечённых точек зрения приходить к пониманию явлений жизни и вставать на крепкий фундамент жизненной философии; и если оно не приводило к обладаю всей истины, то хотя бы позволяло находить к ней истинный путь. Здесь возникло наше Тёмное Братство из моих друзей-преподавателей, людей выдающихся, опережающих своих современников по уровню своего интеллектуального развития и посвятивших свою жизнь служению Истине и человечеству. Они были поколением мудрецов, подвижников, учёных, нашедших своё убежище в этом храме науки для какой-то пока ещё непонятной нам миссии. Но все мы горячо верили, что в ближайшее время сделаем какое-нибудь невероятное открытие. Правда, один из наших мудрецов уже попал в психушку, но это всего лишь доказывало исключительность нашего дружеского сообщества. Возможно, что он проник в такие запредельные сферы и тайны, и достиг в своих знаниях такой высоты, что окружающие люди просто перестали его понимать. Когда с ним начали происходить эти странности, мы вначале не придавали им большого значения. Бедный Юрик!

Как только я мысленно произнёс эти два слова, то тут же, как эхо из пустоты, мне откликнулись слова Андрея «Бедный Йорик!» – восклицание датского принца из пьесы Шекспира «Гамлет». И сразу же перед моими глазами возник эпизод нашего посещения квартиры Юрия.

Отношения у меня с Юрием были более дружественными, чем с другими членами нашего братства, и однажды он пожаловался мне на то, что в его квартире происходит что-то неладное. В отличие от нас он жил не в общежитии, а имел квартиру, которая досталась ему от его родителей по наследству.

– А что происходит у тебя дома? – спросил я его.

– По ночам мне снятся кошмары, – признался он мне, – а недавно в моей квартире завёлся полтергейст.

– И в чём это выражается? – спросил я его.

– Вдруг, ни с того ни с сего, все вещи начинают сами разбрасываться по комнатам, – начал объяснять он, – мебель сама двигается, слышится музыка; хотя ни радио, ни телевизор не включены; и со мной начинают говорить голоса. Ты не смог бы прийти ко мне и посмотреть на всё это?

По правде говоря, от его заявления и просьбы по моей спине пробежали мурашки, но я пообещал ему, что приду к нему вместе с друзьями.

После этого он долго тряс мне руку в знак благодарности.

Через несколько дней я с Олегом, Сергеем и Андреем пришёл к нему домой. Мне очень хорошо запомнился этот визит. Когда мы позвонили ему в дверь, долгое время никто там не подавал признаков жизни. Затем Юрий открыл нам дверь. Выглядел он несколько странно и был чем-то взволнован; в прихожей повсюду валялась на полу раскиданная одежда.

– Вот пришли навесить тебя, – сказал я ему, – ты же просил, чтобы я пришёл к тебе, а по дороге я встретил друзей и захватил их с собой, чтобы мы все вместе разобрались, что у тебя происходит дома. Надеюсь, что ты не будешь против того, чтобы мы сообща исследовали твой полтергейст?

Юрий смотрел на меня удивлёнными глазами, как будто не понимал, о чём я говорю.

– Нам можно к тебе войти? – подал свой голос Олег за моей спиной. – Ты наспустишь, наконец, в своё жилище, или будешь держать на пороге?

– Да, – угрюмо сказал Юрий, – убедитесь сами, что у меня творится.

Мы все четверо, войдя в его квартиру, остолбенели от удивления, увидев царивший там беспорядок.

– Можно подумать, что здесь произошло побоище, – молвил Сергей, – как будто черти дрались друг с другом.

– Но что здесь произошло?! – воскликнул обеспокоенный Андрей.

– У тебя, что же, был налёт бандитов, которые всё переломали? – спросил Олег.

– Это – полтергейст, – сказал он угрюмо, – я уже привык к тому, что у меня происходят дома всякие чудеса, но на этот раз уж очень он расшалился.

При этих словах он посмотрел на меня.

– Полтергейст?! – спросили мои друзья в один голос.

– Впрочем, на него это похоже, – подтвердил Сергей, оглядывая квартиру, и тут же спросил его. – А тебя он не поколотил?

Юрий, махнув рукой, ответил:

– До этого дело не дошло.

– А он опять не вернётся? – с беспокойством спросил я.

– Нет, – уверенно ответил он, успокаивая меня, – обычно при дневном свете ничего не происходит.

– Может быть, ты чем-то провоцируешь его на такие действия? – спросил заинтригованно Олег.

– Я ничем никого не провоцирую, – сухо ответил он.

– Довольно вопросов! – воскликнул Андрей, видя, что Юрий не настроен вдаваться в объяснения. – Давайте лучше поможем ему прибраться.

Мы начали приводить квартиру в порядок, я мысленно попытался представить, каким может быть этот полтергейст, но у меня ничего не получилось.

Через некоторое время нам удалось всё прибрать. Мусор в пакетах мы оставили в прихожей, чтобы потом вынести его в мусорные баки на улицу.

Посуды на кухне осталось немного: лишь пластмассовые стаканчики и железные вилки и ложки.

– А мы принесли небольшой торт, – сказал Андрей, – может быть, сообразим чаёк?

В ответ Юрий только хмыкнул.

– Не вешай носа, – подбадривал его Олег, – посуду потом купишь. Хорошо, что ты сам не пострадал, я слышал, что полтергейсты и шаровые молнии иногда убивают людей.

Юрий ничего ему не ответил.

Мы вскипятили воду и заварили чай, усевшись за стол, разрезали торт на куски.

Юрий, как хозяин, вёл себя пассивно, поэтому мы сами проявили на себя инициативу и стали угощать его нашим тортом. Олег сказал:

– Странно, что полтергейст завелся у тебя, ведь ты живёшь давно в этой квартире. Обычно полтергейсты появляются при переездах на новые места, когда умершие хозяева тех мест не желают пускать в свои апартаменты новых жильцов.

Сергей заметил:

– А я слышал, что полтергейст – это вмешательство в нашу жизнь существ из параллельного мира.

– Есть и такая версия, – согласился с ним Андрей.

И тут впервые Юрий разоткровенничался с нами и стал говорить довольно странные вещи:

– Моя жизнь перевернулась за несколько дней. Я – словно умер. Моя судьба сделала какой-то кульбит, и последнее время я жил как бы в крошечной темноте, ничего не видя вокруг, ничего не чувствуя внутри себя. И всё это произошло после одного странного сна, о котором я пока не хочу вам говорить. Но после этого сна моя жизнь как бы озарилась таким ярким светом, что я испытал великое потрясение и сделал ужасное открытие. Это была даже не молния, прорезавшая тьму ночи, а каскад молний – я сразу же вошёл в две сферы обитания, и чувства от пережитого настолько переполнили моё сердце, что я сейчас не знаю, как дальше мне жить. Кто же это сказал, что человеческая жизнь видится темной печальной ночью, которую нельзя было бы вынести, если бы, то тут, то там не вспыхивали молнии, чей неожиданный свет так утешителен и чудесен, что эти секунды могут перечеркнуть и оправдать годы тьмы. Я как будто прозрел после долгого сна и увидел совсем иной мир! Сейчас у меня появилось две жизни, и я не знаю, какую мне из них выбрать.

Слушая его, мы несколько оробели, потому что забеспокоились о состоянии его здоровья. Он нам казался всё более и более странным, хотя мы всегда считали, что он был самым продвинутым учёным среди нас, математиков.

– Не знаю, как мне жить дальше, – признался он нам через минуту молчания, – конечно же, можно вернуться к своей прежней жизни, но передо мной открылась заманчивая перспектива стать другой сущностью, более совершенной и продвинутой. Так стоит ли возвращаться к тому, что уже мной пройдено? Нужно жить дальше, преодолевать другие горизонты. Судьба и так ко мне благосклонна, послав мне в утешение вас, моих друзей-философов, которые надеюсь, меня поймут. И то, что со мной случилось, я не считаю несчастьем, и, более того, принимаю это как великое везение, которое не каждому выпадает в его жизни. Я уже никогда не буду больше заниматься самобичеванием, а направлю мои помыслы на возвышенные материи. Самое невероятное уже случилось. Я как бы снова родился, но уже в иной сфере и в иных облициях. Больше мне не нужно никаких знаний, все они мне открылись в одну ночь, когда я увидел тот странный сон, изменивший мою жизнь. Сейчас во мне уже нет никаких сомнений, мне не нужно ни на что надеяться, всё, самое совершенное, я уже получил. Ведь всё это – как колдовство, как мираж, как приснившаяся сказка. И поэтому от этой сказки моё сердце наполнилось такой радостью, что эта радость может разорвать меня на части. Никогда ещё в моей жизни не происходило столько необычайного и непостижимого. И сейчас я уже не буду бросаться из одной крайности в другую. Я вижу перед собой ясный путь моего восхождения на Олимп богов. Может быть, жизнь каждого человека полна такими неожиданностями, только они никому ничего об этом не говорят, умалчивают, делают вид, что ничего не происходит. А может быть, они просто не замечают эти таинственные превращения, а принимают их как должное, и концентрируют своё внимание только на мелочах своей жизни, не замечая этих поворотов судьбы, из-за чего у них продолжают все их неудачи и невезения. Ведь многими людьми в нашей жизни играет случай, который порой бывает сильнее судьбы и самой нашей жизни. До сих пор я не совсем понимал феномен истинного гения, везунчика в жизни, которому всё удаётся делать и всего добиваться. Так вот, сейчас я стал этим везунчиком, передо мной открылась иная сфера бытия, где я могу обрести мою новую родину. Откуда же появилась эта сфера в моей жизни, как она мне открылась? К сожалению, я этого вам сказать не могу, потому что сам не понимаю, как это всё случается, но думаю, что в нашей судьбе, время от времени, некий случай вертит ручкой игрушечной лотереи. И иногда нам выпадает выигрышный билет. Так вот, такой билет выпал и мне, и я воспользуюсь этим выигрышем. Что бы, и кто бы там мне ни говорил, что я стал сумасшедшим, не верьте этому. Просто, счастливый дух повстречался на моём пути? И кто он, этот мятежный дух, неспособный насытиться жизнью? – я не знаю. И мрачная бездна молчит и не даёт мне никакого ответа. Более того, какая-то сила проснулась рядом со мной в виде этого полтергейста, которая пытается мне помешать идти по этому пути, преграждает мне дорогу. Но я понял, что после этого сна я как бы умер для этого

мира, так как постепенно превращаюсь в бога. А если оно так, то посредством своего воображения я простираю к земле руки и творю с помощью духа события, которые проявляются в жизни людей. Я создаю миражи, видения, заставляю людей совершать те или иные поступки, управляю природой и, играючи, творю судьбы людей. Кто я? Бог или проявляющийся в обличие духа сам полтергейст, который бунтует и старается избавиться от своей окружающей среды, полностью растворившись в иной сфере? – я тоже этого не знаю. Но, может быть, это сам Бог проникает в меня, наделяет меня высшим зрением и заставляет вмешиваться в ход истории, чтобы я что-то поправил, или что-то изменил в нашей жизни. А менять есть что. Ведь мы все живём так гадко и недостойно. И если мы начнём об этом задумываться, то каждый из нас получит частичку божественной истины, зажжет свой внутренний светильник от божьей искры. Ведь Бог смотрит на наш мир через наши глаза и всё слышит нашими ушами. И если мы перестаем нести его истину, он просто покидает нас, оставляя нас во тьме.

Мы слушали его внимательно, но тут вдруг Олег перебил его, сказав:

– Зачем же покидать наш мир? Ведь в этом мире можно совместить все сферы, соединить и то и другое.

Юрий тряхнул головой и сказал:

– Как можно совместить в нашем мире две несовместимые сферы, если они разделены между собой границей. Разве можно наш город засунуть в коробку с двумя днами, или создать зеркало, через которое можно проникать в своё отражение?

Мы не знали, что ему ответить на этот вопрос и промолчали. Как видно, сдвиг в его душе произошёл очень глубокий, и чтобы вернуть его в наш мир, нам нужно было подумать, как это сделать очень деликатно, чтобы не повредить его рассудок.

– И в какую же сферу ты попал? – спросил его, рассмеявшись, Олег.

– А что, собственно, вы хотите знать? – сказал Юрий, как бы внутренне напрягаясь, что не ускользнуло от нашего внимания

– Только что ты рассказал нам много интересного. И для того, чтобы понять всё это, нам нужно обдумать твои слова, – тут же вмешался в их диалог Сергей, – слишком много информации мы услышали за несколько минут. Нам надо всё это обдумать.

Мы все замолчали, и некоторое время никто из нас не произносил ни слова, так как мы не знали, как реагировать на его слова. Наступила неловкая пауза.

Затем наш разговор принял другое направление, и мы стали обсуждать дела в институте. После того, как мы попили чая, Олег спросил участливо Юрия:

– Как ты себя чувствуешь?

– Терпимо, – ответил тот.

– Может быть, мы зайдём к тебе немного позже? – спросил Андрей. – А то мы видим, что ты до сих пор не оправился от потрясения.

Юрий пожал плечами. Мы, видя его реакцию, сразу же засобирались и стали прощаться. Он нас не удерживал. В ту минуту нам было не до интеллектуальных разговоров. Мы спросили его, нужно ли нам что-нибудь принести для него из посуды и прочих вещей. Затем мы сердечно пожелали здоровья и откланялись, захватив с собой мусор, чтобы выбросить в мусорный контейнер на улице.

Выйдя на улицу, мы не знали, как нам реагировать на всё произошедшее с нашим товарищем, лишь Андрей произнёс фразу из Гамлета Шекспира:

– Бедный Йорик!

Вспоминая всё это, я подумал, что после занятий нужно обязательно сходить к нему в больницу.

Когда прозвенел звонок и начались занятия в институте, я вошёл в свою аудиторию. В моей группе было шестнадцать парней, и семнадцатой была Агния. Поприветствовав их, я

приступил к чтению лекции. Эта лекция носила философско-математическую направленность, и была разработана мной по вопросам генезиса философии и проблемы субстанции.

Во время чтения лекции, я бросал взгляды на Агнию, которая что-то записывала в свою тетрадь. Иногда её взгляд встречался с моим, и я тут же отводил от неё глаза. Она смотрела на меня как на учителя. И тут же я, вспомнив мою утреннюю прогулку по площади и звучащую мелодию Жан-Батиста Люлли «Королевский дивертисмент», представил себя королём, а её – моей подданной, которую я тайно желал сделать своей любовницей. Не знаю, обладал ли я привлекательными чертами лица, но ведь и Людовик Четырнадцатый не был красавцем, также, как и сам Люлли, но оба они пользовались успехом у дам и имели множество любовниц. Более того, у самого Люлли было хоть и умное, но грубое лицо, и вдобавок ещё и густые брови, под которыми скрывались чёрные глазки, окаймлённые красными веками. Мои глаза были светлыми, но вот веки тоже иногда бывали красными от чрезмерного чтения книг по ночам. И нос у меня совсем не бы мясистым, как у Люлли, а прямой, правда, немного длинноватым; и щеки не одутловатыми, как на его портрете, а вполне даже привлекательными – округлыми и гладкими. А губы у меня тонкие. Не знаю, может быть, такие губы, как у Люлли, более привлекательные, но мужчине нужно иметь именно такие волевые губы, как у меня. К тому же, я имею нормальный подбородок и длинную шею, а у композитора – подбородок был жирный и шея – толстая. Одним словом, в своей наружности я имею больше преимуществ, чем Люлли. Но могу ли я понравиться Агнии?

Правда, Люлли писал превосходную музыку, но и мои слова и мысли несколько не уступают его искусству композиции. И сейчас, когда я говорю о генезисе философии и проблемах субстанции, моя речь звучит также совершенно и изящно, как и его музыка. Ведь что такое генезис философии? Это – самоорганизация каждого человека, и это – его отточенное мастерство красиво и правильно излагать свои мысли. Но это лишь форма, а глубина её – это проникновенное познание мира. Каждый из нас пытается создать свою картину мира, из этого и скрадывается общая философия. Но прежде чем, обратиться к философии, человек должен организовать самого себя. То, что даёт нам природа, мы не можем ни изменить, ни поправить. Например, Агнии природа дала совершенное тело и естественную красоту, где ничего нельзя ни убрать, ни прибавить, но вот что касается интеллекта человека, это – творенье его собственных усилий, можно сказать, плод его труда.

Люлли сделал из себя прекрасного музыканта и композитора, я же пытаюсь создать из себя совершенного мыслителя. Хоть я и прочитал множество философских книг, но свою собственную философию я создаю внутри себя, самоорганизуясь своим умом, и со многими философами не согласен. Даже в этой лекции я противопоставляю себя многим авторитетным мудрецам, которые утверждают, что началом философии было ощущение ничем не ограниченного мышления и ничем не ограниченного эмпирического постижения мира. Так не может быть. Всё в нашем мире ограничено, не ограничен только сам хаос. И он безграничен и не поддаётся никакому эмпирическому постижению.

Из хаоса была создана Агния, но природа постаралась сделать её совершенным существом. Следовательно, само понятие «бесконечности» не представляет собой до конца осмысленной философской категории, и хоть мышление всегда стремится к бесконечности и выходу за пределы ограниченного, но все эти усилия заканчиваются отходом от всеобщего к частному, потому что мы никогда не сможем своим умом охватить безграничное и бесконечное, как бы не старались это сделать.

Хоть Гегель и говорил, что мыслить – означает вообще облечь нечто в форму всеобщности, и что, якобы, мысль делает своим предметом всеобщее. Но это не так, потому что как только что-то приобретает форму, то оно тут же теряет свою безграничность и полную свободу. Иначе бы вообще не было бы ни вещей, ни определённых мыслей. Только в хаосе существует безграничность и полная свобода. Но человек, как творческое существо, всегда борется с хаосом.

сом и старается его упорядочить. Само творчество человека уже подразумевает в себе действие, когда определённое содержание втискивается в определённую форму. Поэтому в мире нет ничего бесконечного и безграничного. Всё существует в своих границах и своей продолжительности.

Если бы я не знал Агнию, то и понятие «любовь» было бы для меня пустым звуком, но как только появилась эта девушка, то любовь наполнилась сразу содержанием и смыслом, и оно, это понятие, имеет теперь конкретное направление. Я ещё не знаю, кем является моя возлюбленная, но я уже люблю её. И, кем бы она не оказалась, я буду продолжать любить её и дальше, потому что она имеет свой образ, свои очертания, свои границы. Это совсем не та сфера, в которую попал Юрий, бесформенная и безграничная, и от которой может сорвать крышу. Всё в этом мире конкретное и предметное, и более того, ни на что не похожее, на другое. В этом мире не может появиться другая Агния, даже если бы родилась её сестра близнец, она бы уже не была Агнией. Именно поэтому мы любим то, что любим. И если даже мысль стремится к бесконечному, к постижению бытия в целом, то всё равно есть пределы, ограничивающие это бытие, из которого исходит внутренний импульс определённой предметности.

Конечно же, мы можем сравнивать себя с другими людьми и даже подражать им, но всё равно мы всегда будем оставаться самими собой. Вот я сравниваю себя с Людовиком Четырнадцатым и Жан-Батистом Люлли. Но как бы я не стремился им подражать, я всё равно останусь самим собой, и даже если я буду заимствовать чей-то жизненный импульс и чужие мысли, рано или поздно прорвётся мой собственный импульс и потекут только мои мысли, рождённые моим разумом. Это и есть наша собственная субстанциализация. Но как сделать так, чтобы моё «я» понравилось ей, как покорить мне своим «я» её душу? Пока что она своей красотой покоряет меня. Из всех семнадцати человек в этой аудитории меня интересует только она, и только ей я сейчас читаю эту лекцию. Она – единственная из всех живых существ в этом мире, и только её одну я хочу в этом мире видеть, говорить с ней и любить её. Вот так множественность всего мира превращается в единичность.

В то время, когда я излагал в аудитории свой взгляд на тему моей лекции, Агния, записывающая что-то в свою толстую тетрадь, вдруг подняла руку, глядя на меня. Я спросил её, в чём дело, и она сказала:

– Разрешите задать вам вопрос.

Я вопросительно посмотрел на неё, и она спросила:

– Какое отношение имеет философия к математике?

– Самое прямое, – ответил я, – в философии существуют такие категории, как множественность и единичность, а также понятия, как общее и частное. И без знания математики такие вещи сложно понимать, потому что они имеют прямые отношения к нашему предмету. Философия не может обойтись без математики так же, как и математика без философии. А иначе, зачем бы мы стали изучать эти предметы. Если у вас есть какие-то конкретные вопросы, то мы могли бы встретиться в нашей столовой во время обеда и поговорить об этом.

Агния кивнула мне головой и опустила взгляд к тетради. Я продолжил лекцию, так и не уяснив для себя, согласна она была со мной встретиться в обед или нет.

После чтения лекции я зашёл в нашу преподавательскую комнату, где никого ещё не было, а потом спустился в студенческую столовую, где обычно собирались все мои друзья, члены нашего Тёмного Братства. Нужно было хорошо подкрепиться, потому что я пропустил завтрак. Взяв две мясные котлеты с гарниром и чайник чаю, я сел за столик, где обычно мы собирались во время обеденного перерыва. Друзья ещё вели занятия в своих группах, но студентов в столовой было уже много. Агнии среди них не было. Глядя на них, я задумался о том, что происходило последние дни в нашем институте.

Кто он этот таинственный Луиджи? И почему он так привораживает меня к себе? Ему тоже нравится Моцарт. Моцарт не может не нравиться кому-то, потому что он – бог в музыки,

также, как и Пушкин – бог в поэзии. Несомненно, хоть люди и считают себя друг другу равными, но равенства, как такового, в природе не существует, потому что всё в мире находится на разных уровнях развития, иногда достигается равновесие, но оно тут же нарушается одной из сторон. Как же так получается? Ведь, именно, равновесие должно лежать в основе гармонии. Но если будет кругом вечное равновесие, то тогда не будет движения и прогресса. И Луиджи прав, ведь то равенство, которое создаётся людьми искусственно, является фикцией. Так как нет пределов совершенства, то даже на высших ступенях совершенства идёт борьба за более развитое совершенство. Ведь недаром говорят французы: «Лучшее – враг хорошего». Именно поэтому на самом верху стоят боги, умеющие делать всё и знающие всё. Чуть ниже стоят золотые люди, такие как Моцарт и Пушкин. Затем идут люди серебряные: Бах, Бетховен, Лермонтов, Фет. А ещё ниже: Берлиоз, Вагнер, Сен-Санс, Штраус, Дебюсси, а также Некрасов, Блок, Бальмонт и прочие таланты.

К какому же разряду я отношу себя? Неужели всего лишь к разряду Жан-Батиста Люлли? Несомненно, Луиджи по гениальности можно сравнить только с Моцартом. В глубине своей души и я надеялся причислить себя к этой же когорте, потому что всё в мире для меня открывалось очень быстро, и мне не доставляло особых усилий достичь какую-то придуманную мной вершину или цель, если я ставил её перед собой. И в жизни я относился ко всему по-моцартовски, беспечно и радостно. Даже в своих предметах, таких как физика или математика, мне не доставляло большого труда преодолевать все трудности в решениях сложных задач и уравнений. Внутри себя я чувствовал потаённые силы, некую могучую лёгкость творчества, которая помогала мне делать всё, что я бы не захотел. Я был одновременно математиком и физиком, но я мог стать и композитором, и музыкантом, и поэтом. Я способен был сочинять прекрасную музыку, потому что она всегда звучала в моей голове. Моцарт как-то сказал: «Сочинять – вот моя единственная радость, моя единственная страсть». И я, сколько себя помню с детства, был всегда сочинителем, обладающим, как и Моцарт, исключительным художественным здоровьем. Сравнивая себя со своими друзьями-коллегам в институте, я считал, что стою, как-то, особняком среди них.

Интересно знать, слышат ли они небесную музыку так же, как удаётся слышать её мне? А если они слышат её и, может быть, даже сочиняют её сами, то с кем их можно сравнить среди музыкальных знаменитостей? Несомненно, Олега я бы сравнил с Луиджи Росси или кем-то из той породы первооткрывателей, которые, как скажут что-то о чём-то, то так оно тем и становится. Сергей же соответствует Баху, Генделю, Глюку или Гайдну, а, может быть, и самому Гретри, одним словом, кому-то из когорты вычурного барокко. Андрей стоит на одном уровне с Бетховеном, потому что в отличии от экстраверта Олега с его ленивым вдохновением и лёгкостью подхода ко всем трудностям, он обладает усидчивым трудолюбием и упорством, превозмогая себя в преодолении невозможного, как Бах, который говорил друзьям: «Я вынужден работать, всякий, кто станет работать столько же, сколько я, добьется того же, что и я». Андрей тоже по характеру является таким же интровертом как Бетховен, склонным к внутренним переживаниям. Он так же, как и великий композитор, борется врукопашную со своим гением, и часто его задумчивое чело отражает муки какого-то скрытого творчества. Со мной же этого не происходит, я всё делаю играючи, но я глубже, чем они, погружаюсь в материал; я – Моцарт, потому что мне совершенно неведомы их муки. Я могу всё, чего хочу, а хочу лишь того, что могу. И моё творчество – это аромат моей жизни, именно поэтому я почувствую в Луиджи родственную мне душу. Он так же, как и я, беспечен и беззаботен, и похож на прекрасный цветок, который, как кто-то сказал, не даёт себе иного труда, кроме желания жить. В Луиджи, как и в Моцарте, чувствуется сама жизнь, и именно эта жизнь прекрасна и волшебна. Поэтому он видит так ясно все изъяны и огрехи нашей жизни, потому что сам их не приемлет. И я – такой же, как он. Но между нами стоит девушка – Агнесса, ради неё я способен свернуть ему шею, несмотря на то, что он имеет родственную мне душу. Странно, что мы оба одновре-

менно появились возле одной девушки, которая нам нравится. Почему же мы не родились в разное время? А, может быть, мы жили всегда и всегда любили одну и ту же девушку. И на этой почве между нами происходило столкновение? А существовала ли Агния всегда? Судя по той картине в церкви на площади Навона в Риме, когда-то она тоже существовала.

Во время моей лекции я вдруг задумался над тем, кем же является Луиджи на самом деле, и почему он появился в моей жизни? Мне казалась, что от решения этого вопроса и разгадки этой тайны зависит, не только моя судьба, но и моя жизнь. Не помню, что я говорил студентам в моей лекции, но я хорошо запомнил то, что творилось в моей голове, и как я старался через свой несовершенный ментальный аппарат, называемый дискурсом или «связной речью», проникнуть за пределы своего собственного речевого инобытия, говоря об одном, а думая совсем о другом. Студенты внимательно меня слушали, и я им что-то рассказывал, но думал я совсем в другой плоскости. Я как бы одновременно превратился в оратора, и в этот же самый момент – в мыслителя, несвязанного с этим оратором; я раздвоился, потому что в каждой из этих сущностей мозг работал в разных направлениях. Я как бы сам в себе решал свои проблемы бытия и существования, что и являлось темой моей лекции. Но то, что я думал, отличалось от того, что я говорил.

Что же такое бытие, и чем оно отличается от существования? С одной стороны, учёные говорят, что пространство и время бесконечны по протяжённости и текучести, а с другой стороны, они же утверждают, что и пространство, и время всё же конечны и дискретны, прерывисты. Так как же им верить? И кто из них прав?

Сейчас физики, экспериментируя с ускорителями элементарных частиц, пытаются проникнуть в микромир и понять поведение микрочастиц в пространственно-временном континууме, чтобы иметь более точное представление о бытии. Проблемой бытия занимаются физики и математики для логического осмысления возможности чистого самопознания духа, стараясь соединить дух и материю, чтобы иметь полное представление о Вселенной в целом, в её взаимопроникновении макро и микромира. Они хотят из образа всего Всеобъемлющего, которое пока ещё составляет в определении абстракцию, выпестовать высшую конкретность, как объект с бесчисленным числом предикатов-определений.

Я поймал себя на мысли, что постоянно думаю о том, как этот огромный мир помещается весь в нашей голове? Неужели, сама наша голова является Вселенной? Как-то я вообразил свою голову театральным залом, в котором наши глаза играют роль сцены. Занавес поднимается и представление начинается. Но об этом можно говорить, когда мы присутствуем в мире в качестве «человека из театра», одновременно являясь зрителем и действующим лицом. Правда, когда мы являемся действующим лицом, то больше похожи на «человека на площади». А вот когда мы закрываем глаза и окунаемся в свой внутренний мир, то уже ощущаем себя «человеком в храме». Именно тогда наш мозг с головой разрастается до размеров Вселенной, в которой начинают множиться предикаты. Что же такое предикат? Ведь то средство, которое нам позволяет представлять Вселенную, является наша речь, очень простая по своему строению, где присутствуют главные составные части: подлежащие и сказуемое, на основе которых строится любое суждение.

При этом, как мы ещё знаем из школы, подлежащие – это предмет, а сказуемое – глагол. Это – как две основополагающие составные мира, определяющие пространство и время, состояние и движение. Пространство определяются вещами, предметами. Потому что пространство без предметов – это всего лишь пустота – ничто, что в нашем сознании не фиксируется никакой конкретикой, а время – это движение. Когда мы говорим, то в нашей речи всегда присутствуют предмет, пространство и движение, без которых мысль даже не может родиться.

К примеру, когда я говорю: «Это – Луиджи», то слово «это» определяет пространство или пустоту, а имя «Луиджи» указывает в нём на присутствие определённой вещи или предмета с названием Луиджи. Мы ещё можем говорить об одушевлённости или неодушевлённости, но

кто знает, одушевлены предметы или не одушевлены? Живые они или мёртвые, ведь даже за видимым покоем всегда скрывается движение, как и в движении наличествует покой.

Или, к примеру, я говорю: «Луиджи идёт». Это – предмет в действии, где есть движение и время. «Луиджи стоит». Это – состояние покоя, но покой не может длиться вечно. Так что же такое предикат? «Луиджи – бог». Это – как раз и есть предикат-сказуемое, иными словами, то логическое сказуемое, что в суждении высказывается о самом предмете суждения, своего рода, уточнение, характеристика предмета, вскрытие его внутренней сущности, иными словами, это тоже движение, но уже движение, уходящее внутрь предмета в его сущность с целью выявления его сути.

По сути говоря, это – проникновение внутрь уже другого мира. «Луиджи – дьявол». Это – уже поворот в противоположную сторону, когда открываются другие атрибуты данной сущности, ведь вещь одновременно может быть и такой, и иной. И чего в предмете больше: божественного или дьявольского – можно понять только с течением времени, которое кинетически заложено в этом «стоящем» предмете, находящемся в покое. Бытие и поведение определяют суть самой вещи. Бытие всегда чревато поведением. Всё, так или иначе, когда-то проявится, «быть» подразумевает под собой «действовать», без этого вещи в этом мире не существуют.

«Луиджи – манипулятор с действительностью». Это – наиболее сущностный предикат, который в данный момент подходит к Луиджи. «Луиджи есть человек». Но человек ли он? По его же словам, получается, что он преобразовался в человека из птицы. Кто же он: человек или попугай?

И тут мне вдруг вспомнилось одно изумительное стихотворение Ду Фу, которое как ничто подходило к данной действительности:

*Попугаем владеют печальные мысли:
Он умён – и он помнит про всё, что бывало.
Стали перья короче, и крылья повисли,
Много слов он узнал – только толку в них мало.
Но он всё-таки ждёт – не откроется ль клетка:
Люди любят – да держат в неволе железной.
И пустеет в лесу одинокая ветка –
Что же делать ему с красотой бесполезной?*

Так может быть, Луиджи и есть тот попугай, которому удалось вырваться из золотой клетки и обрести в своей жизни новое бытие и новую реальность? Так в чём же состоит его новое становление, его новое бытие? Сам глагол действия «быть» уже является не просто состоянием отвлечённого наличия в этом мире, а есть некое сверхреальное присутствие в действительности, меняющее саму эту действительность. Бытие – это не просто предмет, явленный в мире, а некое сверхбытие высшей конкретности феномена, порождающее другое бытие внутреннего порядка, которое подчиняется только ему и изменяется по его воле.

Это, своего рода, – сверхбытие в бытии, предопределяющее состояние существования всех других вещей. Если обычное состояние существования всех вещей является золотой клеткой, где все мы живём и находимся, то сверхбытие является высшем осуществлением идеального существования в данной реальности. И философия, возникающая с этой действительностью, уже совсем стаёт другой, не такой, к которой мы привыкли, где под познанием истины понимается представление, которое полностью соответствует объекту, где истина ещё не совершенна, так как она находится в развитии и складывается в ряд отличающихся представлений одного от другого, и более позднее представление дискредитирует предыдущее, исключая его истинность, где постоянно обнуляется любая истинность, и не возникает ничего идеального, совершенного и абсолютного, где вся философия становится постоянной чредой заблуждений,

где любые догмы лопаются как мыльные пузыри и становятся вопиющей противоположностью истине, и где сомнение становится законом, уничтожающим любую истину, и где человек постоянно ощущает себя одиноким диким гусем, летящим к неизвестному морю, именуемому Истиной. Он постоянно теряет своих друзей в этом полёте, улетая вперёд или в сторону, где ему открываются новые горизонты, потому что не все хотят лететь в одну сторону, и это вполне естественно, ведь не всегда стая долетает до того идеального моря, где есть личное счастье, поэтому она и есть стая, считая личное счастье несбыточной мечтой. И для того, чтобы обрести личное счастье, нужно покинуть стаю и на какое-то время стать одиноким, диким, обрести свою надежду и поставить перед собой свою личную цель. Поэтому, вероятно, стремящийся куда-то в запредельные дали гусь – такой же одинокий и дикий, как я, не имеющий ни друзей, ни попутчиков в движении к намеченной цели.

И я вдруг понял причину моей привязанности к Луиджи. Мне вспомнилось другое стихотворение поэта Ду Фу об одиноком гусе.

*Дикий гусь одинокий не ест и не пьёт,
Лишь летает, крича в бесприютной печали.
Кто из стаи отставшего спутника ждёт,
Коль друг друга они в облаках потеряли?
Гусю кажется – видит он стаю, как встарь,
Гусю кажется – где-то откликнулась стая.
А ворона – безмозглая, глупая тварь,
Только попусту каркает, в поле летая.*

Я представил пасмурное осеннее поле после уборки урожая и глупых ворон, летающих и каркающих над ним. Вот она – эта серая действительность наших будней, нашего повседневного бытия. Такую картину можно видеть и на площади большого города, где всегда – та же обыденность и скука, где даже суeta толпы – какая-то размеренная и похожая на все другие дни без каких-то ярких происшествий и впечатлений. Жизнь, протекающая обычным скучным чередом. Однородная масса людских тел, однородная не выделяющаяся обстановка, всё – тускло, скучно и неинтересно. Это и есть наша жизнь на площади. При такой жизни очень трудно постичь истину, и жизнь может показаться человеку только одной своей стороной – внешней, где всё остаётся как бы однородным и никогда не меняющимся. Но ведь ещё когда-то Гераклит обратил внимание философов на неоднородность бытия и его изменения.

Так каков же наш мир, на самом деле: застывший в своей однородности и неизменности, или текуч, как полноводная река? И если только допустить, что в мире существует абсолютная подвижность бытия и абсолютная нетождественность следующих один за другим моментов, то тогда получается, что и мы все меняемся с этой текучестью бытия, и нет уже ничего постоянного, тогда и мы все являемся нечто таким, что постоянно меняется.

Тогда чем же являюсь я сам? Я, обладатель языка, моей речи, через которую я познаю этот мир? Кто я? Субъект, постоянно меняющий своё мышление, свою сущность? Я – как некое подлежащее в констатации своего нечто, что тождественно самому мне и только мне, которое постоянно варьируется, изменяется и уже оказывается нетождественным мне через какое-то время?

Я пытаюсь понять, что собой представляет Луиджи, когда я не могу понять, что есть я сам на самом деле, и что собой представляет моя речь, когда предикат-сказуемое постоянно изменяет само подлежащее. Когда суть подлежащего постоянно меняется. Сегодня – это человек Луиджи, а вчера оно было ещё птицей, считавшее себя попугаем. Человек, родившийся как «он», вдруг завтра превращается в нечто женоподобное и именуется «она», даже не замечая этого перехода из одного состояния в другой. Сегодня это – живой человек, а завтра

это уже труп, вернее, отбросившее свою оболочку «эго», превратившееся в дух. Так почему же человек так непостоянен? И какую истинную сущность он представляет собой? Об этом мне стоило задуматься основательно прежде, чем понять, кто такой Луиджи.

Я не заметил, как съел одну котлету; на тарелке оставалась ещё одна и немного гарнира, но есть мне уже не хотелось. Из чайника я налил себе в стакан чаю. Студентов в столовой заметно поубавилось. Агнии всё ещё не было. Тут я заметил в дверях Олега и помахал ему рукой. Он кивнул мне головой и, подойдя к стойке, набрал на поднос еды, затем расплатился и подошёл к моему столику. Располагаясь возле меня и выставляя все тарелки с закусками на стол, он вдруг воскликнул:

– Ух! Набрал сколько много еды, не съем всё. Будешь что-нибудь из этого? Могу поделиться.

Я покачал головой и, кивнув головой на свою тарелку, ответил:

– Сам не могу доесть своё.

Олег сел за стол и стал жадно поглощать свой обед. Я смотрел на него с улыбкой. В это время в дверях появилась голова Луиджи. Он хотел зайти в столовую, но вдруг остановился, увидев нас, и приветливо помахал мне рукой. Я ответил на его приветствие тем же, но он неожиданно повернулся и ушёл. Эта сцена не осталась незамеченной Олегом. Кивнув в его сторону, он спросил меня:

– Ты с ним подружился?

– Не так чтобы очень, – ответил я ему сдержанно, – просто, вчера мы с ним были вместе в ресторане.

– Ты с ним будь осторожней, – сказал Олег, пережёвывая салат, – все говорят, что он – темная лошадка. С ним уже пообщался Юрий, и вот уже оказался в психушке.

После этих слов я почувствовал себя несколько неуютно и спросил его:

– Что ты имеешь в виду?

Олег доел салат и стал говорить:

– Он – какой-то мутный. О нем разное говорят: и хорошее, и плохое. Я конечно ничего против не имею того, что у тебя появился такой друг. Говорят, что он очень умный и начитанный. Но ему не очень нравятся наши порядки, так сказать, наша действительность. То, что он говорит, кому-то нравится, а кому-то нет.

– А тебе нравится наша действительность и порядки? – рассмеявшись, спросил я его.

– Что и говорить, – заметил он, – нынешние порядки мало кому нравятся.

– Но многие ими довольны, – заметил я, – а этот человек имеет свежий взгляд на все наши реалии. К тому же, он знает много такого, чего не знаем мы, и у него можно многому поучиться.

– Я удивлюсь, – сказал Олег, – с какой лёгкостью ты расстанешься с нашими взглядами и отдаёшь себя в руки проходимца.

– Почему он проходимец? – удивился я.

– Потому что он несёт со своими знаниями другую религию, другое миропредставление о всём, что нас окружает.

– Но это и неплохо – познакомиться с другой точкой зрения на мир, – возразил я ему.

– Ты серьёзно так считаешь?! – воскликнул Олег и даже отложил вилку в сторону. – Поменять свои взгляды на мир – это всё равно, что поменять свою душу. С Юрием это уже случилось, и ты знаешь, где он теперь находится. Я не спорю, в любой религии есть свои положительные и отрицательные моменты. Но поклонение живому богу, которым он себя объявляет, вызывает во мне некоторое сомнение по поводу искренности этой веры. Ведь от этого поклонения других себе он получает существенную выгоду, которая выражается во многом, и прежде всего в улучшении его материального состояния, в получении неких льгот, которых не имеем мы, преподаватели этого института. Он получает жалование в несколько раз больше,

чем мы. Мне кажется, что если его лишить всех этих привилегий, то бог может тут же свалиться со своей божницы. Такое уже когда-то было в России, когда Пётр Первый заполнял всю нашу науку немцами. И к чему мы пришли? К онемечиванию нашего сознания. А их отношение к науке больше похоже на политику, чем на науку и веру в высокие идеалы.

В это время в столовой появились вместе Сергей и Андрей. Взяв со стойки комплексные обеды, они присоединились к нам.

– О чём идёт речь? – спросил Андрей, усаживаясь напротив меня.

Сергей со своим обедом сел с другой стороны стола от меня.

– Да вот, – сказал Олег, – наш друг нашёл себе нового товарища для философских дискуссий, и похоже, что увлётся другой религией.

Сергей и Андрей посмотрели на меня вопросительным взглядом, и я им тут же ответил:

– А что такое произошло? Вчера я поговорил с ним и нашёл в его лице неординарную личность. Во всяком случае, он мыслит необычным образом, и его идеи показались мне интересными. Да, он может создать новую религию, как и каждый из нас из своих идей и воззрений. В наше время неверия ни во что, любое яркое учение может стать религией, если в него поверят многие люди. А в его учении, которое может стать религией, есть нечто, что может его приблизить к творению нового совершенного разума, и мне кажется, что наше общество потребления уже давно созрело для такой религии. В этой религии нет фанатизма, а лишь голый практицизм. Поживём, увидим. Всё, что быстро возникает, быстро и исчезает, но есть вещи, которые, неожиданно возникнув, могут так покорить умы людей, что имеют возможность стать вечными символами. Нам приходилось жить в эпоху общего неверия, и я думаю, что, если возникнет что-то стоящее в наших головах и наделит нас верой, то это принесёт нам только пользу и новое отношение к нашей жизни.

– Признаюсь вам, что я истинный атеист, – заявил Олег, – и нисколько от этого не страдаю. Более того, я чувствую, что мой разум не затемнён разными там глупостями, доставшимися нам от древних бабок и выживших из ума стариков.

– Поэтому тебе легче будет принять эту новую веру, – улыбнувшись, сказал Сергей, – так как твой разум не отягощён наследием традиционной культуры. Более того, в самом начале новой религии ты можешь привнести в неё свою культуру, создать такие ценности, которые станут достоянием многих, поэтому это будет твоя собственная религия, если даже Луиджи покинет нас, ты всё равно останешься у её кормила.

– Так значит, ты признаёшь, что в основе любой религии лежит чья-то заинтересованность, – сказал, смеясь, Андрей.

– Разумеется, – ответил Сергей, – но я бы не хотел сужать понятие религии до одного лишь шкурного интереса. В любой религии есть нечто, в чём нуждаются многие. Без этого все религии уже давно бы исчезли. В основе любой религии лежит идея или миф, отражающий чаяния народа, нечто такое, что он не может достичь при жизни и к чему всю свою жизнь стремится. Религии – это, прежде всего, надежда. Это – своего рода лестница, по которой, поднимаясь и совершая определённый ритуал, человек верит, что достигнет своей цели. Чаще всего эти цели бывают эфемерными, но само движение к цели наполняет жизнь человека определённым смыслом. К тому же, человек, живущий в этой вере, хочет жить среди таких же...

– Фанатиков, – перебил его Олег.

– Таких же носителей и выразителей этих чувств, что и формирует вокруг него общество, – продолжил свою мысль Сергей, – и чем сильнее вера в эти идеи таких как он, тем многочисленнее стаёт эта группа людей. Тем сильнее государство, которое они создают, тем здоровее их социальная среда. Мы сами создаём наших богов, поклоняемся им и объединяемся вокруг них.

– Для чего? – спросил его Олег с сарказмом.

– Для того, чтобы жить и выживать, наполняя свою жизнь неким смыслом, – ответил ему Сергей, – ведь, если разобраться и посмотреть на наше существование со стороны, то наша жизнь бесполезна и нечем не отличается от жизни тараканов, муравьёв или пчёл. А так, как приверженцы какой-нибудь идеи, мы имеем какую-то ценность хотя бы в своих собственных глазах.

В этот момент в дверях столовой опять появился Луиджи, он подошел к раздаче, взял компот и направился к нам. Так как за нашим столиком уже не было места, он сел за соседний столик и с улыбкой приветливо обратился к нам:

– Рад вас видеть, уважаемые коллеги. Хотелось бы мне составить вам общество, если вы меня примете? Не прогоните вечного странника?

Я тут же радостно воскликнул:

– Конечно же, и мы рады вас видеть. Присоединяйтесь к нам, только вот места здесь мало.

Он тут же взял свой стул и подсел к нашему столу со своим стаканом, мне пришлось подвинуться, давая ему место за нашим столом.

Реакция на его действие моих друзей была разная: Андрей с Сергеем кивнули ему доброжелательно, а Олег вполголоса недовольно пробурчал:

– Ну, где ты ещё найдёшь такую религию, где сам бог является и предлагает свою дружбу.

Луиджи с улыбкой произнёс:

– Извините, что подсел к вам без приглашения. Я вижу, что у вас была какая-то важная беседа, и я вам помешал.

– Ну что вы! – воскликнул я, отдаваясь чувству гостеприимства. – Ни о чём таком важном мы не говорили, и вы можете принять участие в нашем разговоре, если хотите. А я рад буду познакомить вас с моими друзьями.

– Я с удовольствием стану их другом тоже, – сказал Луиджи, кивнув им головой, – а что касается разговора, то я всегда рад принять участие в дружественной беседе.

– Если у нас получится дружественная беседа, – сухо заметил Олег.

Луиджи весело посмотрел на Олега и рассмеялся.

Олег несколько растерялся, услышав его смех, но затем, справившись со своей неприязнью и приняв непринуждённый вид, сказал:

– Мы даже не могли предположить, что такой видный учёный, как вы, снизойдёт до общения с простыми людьми.

– Ну что вы такое говорите, – опять рассмеялся Луиджи, – какой я видный учёный?! Я и наук-то ваших не знаю, так, кое до чего дошёл своим птичьим умом. И всё, что я хочу у вас сделать, это – облегчить людям жизнь, вернее, открыть людям глаза на их жизнь и избавить их от многих заблуждений, которые им мешают жить свободно и радостно в этом мире.

Олег усмехнулся, но затем взял одну из своих тарелок с закуской и придвинул к Луиджи, сказав:

– Угощайтесь.

– Спасибо, – благодушно поблагодарил его Луиджи, – но я ем очень мало. Стакана компота хватит мне на весь день.

Отпив глоток из стакана, он спросил нас:

– О чём ведёте беседу?

– О вас, – сказал прямой Олег, который привык всегда резать правду-матку в глаза.

– Ну, и что? – спросил шутливо Луиджи. – Наверное, уже перемыли мне все косточки?

– Пока ещё нет, – ответил Олег.

– Ну, тогда можете это делать при мне, – рассмеявшись, сказал наш гость, – мне будет любопытно знать, что думают обо мне люди.

– Многих вы уже покорили в нашем городе, – сказал Олег, – но не всем здесь нравиться. У нас, как вы заметили, несколько другие порядки и обычаи, чем на Западе. Да и не всем

нравится что-либо пришедшее из других стран. У нас здесь – своя жизнь. И мы принимаем только тех, кто не суётся к нам со своим уставом.

– Ничем не могу помочь, если я не по похож на вас, – с улыбкой ответил Луиджи, – но я думаю, что мир везде одинаков. Есть хорошие добрые люди, которые этот мир принимают таким, каким он есть, не стремясь его переделать под себя, а есть люди, которые навязывают миру свои идеи и мысли, и, если кто-то с ними не соглашается, они считают их злодеями, не думая о том, что может быть, от них и распространяется в мире зло. Я же делаю всё возможное, чтобы люди жили хорошо, и зла никому не желаю, с хорошими и злыми людьми стараюсь вести себя одинаково – дружелюбно. Может быть, не всё у меня получается. К тому же, многие привыкли жить по старинке. Здесь уж ничего не поделаешь.

Сказав эти слова, он отхлебнул из стакана и, обратившись ко всем сразу, спросил:

– А вы бывали на моих концертах, которые я устраивал в вашем музыкальном театре?

Я испытал некоторую неловкость, так как ни разу не видел его на сцене, да и мои приятели проигнорировали его выступления.

– Я слышал, что вы великолепно исполнили несколько арий из опер, и ваше выступление имело большой успех у зрителей города, – сказал Олег, – но, к сожалению, у меня не было возможности сходить к вам на концерт.

– О, да, – произнёс я, запихивая в рот оставшуюся на моей тарелке котлету и тщательно её прожёвывая.

– А мы с друзьями так и ни разу не были в вашем представлении, – сказал Сергей.

– И, наверное, многое потеряли, – добавил Андрей, – но обещаем вам, что побываем непременно как-нибудь, когда вы будете опять давать своё представление.

– Мы слышали, что не всем нравятся эти концерты, – вдруг сказал Олег, – там, где вы поёте арии из опер, то всем это нравится, но как я слышал, вы часто исполняете на разных музыкальных инструментах свои импровизации. И это нравится не всем. Не все принимают и понимают ваши сочинения. Я знаю это по себе. Когда последнее время кто-то стремится изобразить свои занудные переживания в музыкальной форме, то этого исполнителя так и хочется убить.

Услышав эти слова, Луиджи опять расхохотался, затем, успокоившись, примирительно сказал:

– Ну что же, на вкус и цвет товарищей нет. Я понимаю, что иногда попадаю не к моим поклонникам, но уверяю вас, что пройдет совсем немного времени, и в вашем городе возникнет новое музыкальное направление. Для этого я сделаю всё возможное и невозможное. Ведь главное для радостной жизни – это создать новую веру во что-то возвышенное, небесное, неземное. И тогда в эту веру обратятся люди, и у нашей новой веры вырастут крылья. Эта вера – пока ещё маленький птенец, но скоро она вылетит из своего гнезда, и будут праздники и таинства, и всех охватит восторг, она станет одним из самых замечательных культов на земле. И вы будете жить с нами в этой вере, потому что она станет общей. Вы найдёте в ней всё, что захотите, вы будете играть с ней и воздвигать ей алтари. Я вам подарю не только некий путь к совершенству, но и само совершенство, которого ещё никогда не было у человечества. Я обновлю вас с головы до ног, я вам открою секрет, и вы сами начнёте обновляться в себе каждый день до тех пор, пока не достигните такого же совершенства, какого достиг я. Не бойтесь ничего, и не считайте запретным то, что желает ваша душа.

– А если я захочу кого-нибудь убить? – спросил его Олег.

– Так убейте его, – сказал Луиджи, – в чём же дело?

– А если я захочу убить вас, – сказал Олег.

– Ну, что же, попробуйте, – рассмеялся Луиджи, – но я убью вас раньше. Правда, после этого я вас оживлю, но вот вы вряд ли сможете оживить того, кого убьёте. Я думаю, что и сами вы оживить себя не сможете. Убивая другого, вы убиваете себя, потому что тот ненавистный

тип, на которого вы поднимаете руку, сидит в вас. Поэтому, прежде всего, я научу вас вначале познавать себя и быть хозяевами себя. Весь этот мир находится в вас самих. Всё, что вы видите или полагаете, что оно существует, оно – в вас. В этом мире нет ничего такого, чего бы не было в вас. Просто вы не умеете этим пользоваться, а я научу вас. Если вы познаете себя, то будете счастливы уже от сознания своей силы и возможностей. В вашем мире сейчас много неудовлетворённости, которая может привести вас к гибели, потому что вы не способны разобраться в себе. Вы не можете заглянуть в свой внутренний мир. И если бы вы это сделали, то увидели бы в нём некого, похожего на вас и на меня, потому что именно он и есть ваш господин, и мой господин. Более того, этим господином являетесь вы сами, ибо все люди произошли из него. Вы можете назвать его Иегова или Высшее существо, а ещё – Вседержитель, Творец или Аллах, Будда или Нефритовый император. Любое имя может подойти ему, но это не важно, к нему можно относиться как к высшему совершенству, из которого все мы эмануем, ибо он есть наш самый первый прародитель, а не Адам, как написано в вашей Библии. И я вот вышел к вам из глубины вас, чтобы обновить вас и вернуть вам этот мир. Но многие из вас не признают его, кого сейчас я представляю, не видят во мне своего родного отца. Я никогда не буду с вами назидательным, не буду учить вас морали, я буду всегда вашим другом, потому что я живу в вас. Вы можете считать меня волшебником, магом, богом или чёртом, но я не являюсь ни тем, ни другим, потому что я слепок вашей души, я – сама суть вашего существа. И если вы хорошо подумаете, то вы это поймёте, и не будете мне сопротивляться, потому что от дружбы со мной, вы только выиграете. Вы станете могущественными, раскрыв свои внутренние силы. Если же вы этого не сделаете, то вы многое потеряете.

– А как же бог Иегова? – не выдержав, спросил я его. – Неужели мы должны от него отказаться?

– Если вы себя отделяете от него, то вам лучше с ним сразу расстаться. Даже самым совершенным сущностям рано или поздно приходится попускаться такими благородными качествами как преданность и благодарность, – молвил наш новый бог, – приходит время, и нужно оставлять того, кто вас облагодетельствовал, кто защищал вас и учил, иначе вы никогда не станете сильными и независимыми, а всегда будете жаться к сапогу вашего повелителя. Если вы хотите стать господином, то перестаньте быть слугой, а станьте сами эти богом. Учитесь поклоняться себе, а не кому-либо другому. Когда вы обретёте себя и найдёте свой собственный путь, то вам придётся идти по нему до конца, чтобы стать тем, кем вы хотите. Выдавите из себя раба, как учил один из ваших писателей, и сами станьте богом. Если вам удастся им стать, то это будет вашей самой великой победой в этом мире.

С этими словами бог Луиджи поднялся со стула, и ни с кем не прощаясь, покинул нашу столовую. На нашем столе остался его недопитый стакан компота.

Когда бог Луиджи ушёл, мы сидели некоторое время молча. Затем Андрей спросил:

– Кто это был?

– Не знаю, – ответил я, – может быть, сам Господь Иегова.

– Что вы такое говорите?! – воскликнул Олег. – Разве вы не заметили, что он издевался над нами и пытался создать себе рекламу, желая нас очаровать. А вы развесили уши и внимали каждому его слову, как послушные ученики на уроке у строгого учителя. Да что с вами произошло такое?! Разве вы не видите, что он редкий проходимец, каких ещё поискать нужно? Припёрся в нашу страну, в наш институт, чтобы поведать всем, какой он совершенный. Обалдеть можно! Вот уже до чего все докатились в нашем отечестве, своих умников не хватает, так выписывают их ещё и из заграницы, тратят наши деньги на дорогие игрушки. Но не на тех напали, мы то знаем, что представляет собой этот субчик, что он за штука.

Я подумал, что как раз они и не знают, что собой представляет Луиджи.

– Однако, – задумчиво произнёс Сергей, – в его заявлениях есть что-то такое, с чем нельзя не согласиться. Что он там сказал по поводу того, что наступает период, когда пере-

растает своего учителя, и уже идёшь своим путём? Как это верно замечено! Нас всегда кто-то ведёт по пути, но потом ты обгоняешь его и покидаешь, и он уже где-то далеко плетётся позади тебя, и ты чувствуешь, что ты стал на голову выше его. Так всегда получается со всеми нашими любимыми, но постаревшими учителями. Когда встречаешься с кем-нибудь из них, то становится жаль его, потому что ты далеко ушёл от него. В учении всегда так бывает. Знания никогда не стоят на одном месте. В этом и состоит суть прогресса, когда ученик убивает своего учителя, как уже состоявшаяся личность. Мы постоянно движемся вперёд, и вчерашние знания всегда устаревают, и нам нужно быть всегда готовыми к тому, что сегодняшние знания устареют завтра, и какой-нибудь наш любимый ученик лягнёт нас в бок и скажет, что нам пора на свалку. И он будет прав. Мысль человека не стоит на месте. Когда я был маленьким, то часто видел, как моя мать каждый день вставала перед образом на колени и молилась Господу. Я думал тогда, что Бог самый могущественный и самый всезнающий в мире. Жаль, что сейчас я немного подрастерял свою веру.

– Ты сейчас уже не считаешь, что Бог всезнающий и всемогущий? – с иронией спросил его Олег.

– Трудно сказать, – задумчиво произнёс Сергей, – я не могу представить себе Бога, поэтому моя вера в него, как бы это сказать, не очень глубокая. Иногда мне приходит в голову кощунственная мысль, а есть ли он вообще, на самом деле? И кто такой еврейский бог? Почему он лучше бога Митры или того же Абрасакса? Много в нашей жизни весьма условно, к примеру, мы видим звёзды и даём им имена, но эти имена даны им нами субъективно. И вообще имеют ли звёзды имена? И так уж им важно иметь эти имена? О многих явлениях в мире мы судим с нашей колокольни, и вообще, мы очень многого не знаем. Когда-то я гордился своим именем учёного. А сейчас, чем больше я узнаю этот мир, тем сильнее уверяюсь в том, что ничего об этом мире не знаю. Поэтому, если вы меня спросите, есть ли Бог, или его нет. Я вам ничего не отвечу.

Сергей замолчал. Некоторое время никто из нас не нарушал тишины.

– Лучше всего начинать изучение мира с нуля, – наконец прервал паузу Андрей, – и не забивать себе голову всякой ерундой.

– Это как же? – удивился Сергей. – Ты хочешь аннулировать весь прошлый опыт наших предков и начать заново изобретать велосипед.

– Вот как раз велосипед изобретать и не нужно, – живо возразил Олег, – ты знаешь, о чём я говорю. Зачем нам становиться приемниками всяких заблуждений. Нам нужно двигаться вперёд, а не топтаться на месте, тратя свои силы на всякие досужие домыслы. Техника нас сделает сильными. И в науке мы должны руководствоваться только неоспоримыми фактами. Иначе, мы ничего не добьёмся в наших исследованиях, если будем полагаться на метафизику. Нет, вы уж меня увольте, я стою на твёрдом фундаменте науки. И с него вам меня скovyрнуть невозможно никакими вашими байками о небесных тайнах и прочей Абрасаксовой абракадаброй.

С этими словами Олег поднялся из-за стола и, следуя примеру бога Луиджи, ни с кем не прощаясь, покинул наше общество. Мы остались с Андреем и Сергеем втроем.

Сергей некоторое время помолчал, а потом задумчиво молвил:

– Всё это – сложные материи, мистики – они и есть мистики. Каждый волен поступать так, как считает нужным. Я не виню Луиджи в том, что он желает прославиться. Мы с вами повидали уже многих людей, которые считали себя богами и думали о своей славе. Не нужно придавать всему этому какое-то значение. Сегодня есть один бог, завтра – другой. У каждого – свои причуды. Всё проходит, пройдёт и это сумасшествие. Ну и что из того, что этот итальянец объявил себя всемогущим богом? Ведь если разобраться, то каждый из нас в душе мнит себя богом, только не все об этом признаются во всеуслышание. А над всеми богами должен быть верховный бог. Ему, непризнанному здесь среди нас, ничего не оставалось, как пойти на эту

меру. Всё это безумство напоминает мне начало эпохи Мэйдзи в Японии, когда после буржуазной реформы всем жителям страны было разрешено получить самурайское звание и иметь свой собственный фамильный герб. Все японцы в один день стали дворянами и самураями, хотя до этого сами боролись с феодализмом и воевали с самурайским войском сёгуната Токугава. Такова психология всех людей. И пусть все потешают своё самолюбие, пока им это не надоест, и они забудут, что когда-то хотели стать богами. Всё рано или поздно возвращается на круги своя.

После этих слов Сергей попрощался и вышел из столовой. Мы с Андреем остались вдвоём, и я подумал, что мои друзья даже не догадываются о том, с чем нам суждено будет столкнуться в ближайшее время, если Луиджи останется с нами. Подумав, я решил, что оставаться в счастливом неведении – лучший способ избежать всеобщего безумия.

Андрей, когда мы остались вдвоём, сказал мне:

– Я полностью с тобой согласен. Нам не нужно замыкаться в своей скорлупе. Последнее время мне кажется, что наше Тёмное Братство всё больше и больше становится мрачным и безрадостным, может быть, от того, что мы занимаемся только математикой и отгородились от живого мира стеной цифр и формул. Наше братство как бы превращается в тайный замкнутый орден, как у иезуитов. Я, конечно, понимаю всю прелесть сиятельного мрака, исходящего от тайных символов, но не пора ли нам его освятить чем-то живительным, например, поэзией или музыкой, придать ему новый импульс? Я сознаю, что мы посвятили себя служению Истины и человечеству, но без жизненной радости любая истина всегда будет выглядеть пресной и скучной. Если бы мы это сделали, то тогда и наше Тёмное Братство превратилось бы в Белое Братство, как у Рерихов, где наши математические знания соединились бы с другими науками, создав новые символы, озарённые живительным светом.

– Да я – не против, – с энтузиазмом воскликнул я, – я только двумя руками – за! Само наше название Тёмного Братства меня смущало с самого начала. Помнишь? Его придумал Олег, соединив в нём восточные символы и даосские устремления. Но не нужно забывать, что когда-то падший на землю ангел Люцифер – «Свет Несущий», принадлежащий к числу Логосов – космических руководителей человечества, тоже имел цель содействовать эволюции людей, но потом блистательный посланник Космоса утратил свою эволюционную миссию, ступив на путь зла, и из Ангела Света превратился в Князя Тьмы. Свернув на путь зла, он увлёк за собой большинство своих учеников, которые и создали Чёрное Братство. Я, конечно, Олега не считаю Люцифером. Он – никакой не ангел, а лишь один из нас. Но вот само название Тёмное Братство мне всегда не нравилось. Что-то смущает меня в его названии. Мне нужно было тогда настоять на своём и назвать наше братство Белым. Но само по себе название не так важно, важно содержание, которое скрывается за формой.

– Олег предложил это название братства, чтобы оно не походило на Белое Братство Рерихов, – заметил Андрей, – мы же тогда решили идти другим путём – путём математических вычислений алгоритма движения Вселенной, чтобы познать саму суть мирового движения. Мы хотели создать своё новое учение, объясняющее все явления в мире и их взаимозависимость, то есть, открыть то самое тёмное начало, из чего зарождается свет и движение. Зная движение Вселенной, мы можем определять свой путь.

– Но каков наш путь? – тут же спросил я его. – Куда нам идти? Можно, конечно идти за учителями, но правилен ли их путь. Мне никогда не нравилось идти по проторённому пути, в этом движении есть что-то от подражания, от рабства. Ведь все мы рождены свободными и независимыми для того чтобы открывать новые пути, а не топтаться на месте. Конечно, можно идти за Рерихами или другими махатмами, гуру или наставниками, постоянно поедая и усваивая уже пережёванную пищу. Но правильно ли это? Ведь внутри нас заложены неограниченные возможности, при помощи которых мы можем отказаться от чьих-то бы ни было учений и наставлений, созданных чьим-то воображением и личным опытом. Мы сами можем открыть

такое, что может быть не под силу никому другому, или то, что для всех оставалось всегда незамеченным. Ведь так же?!

Андрей кивнул мне головой, и в эту минуту я заметил, как Агния вошла в двери столовой. Все мои мысли сразу смешались. Я смотрел на неё, не отводя глаз. Наши взгляды с ней встретились, и мне показалось, что она слегка покраснела. Я тут же прекратил дискуссию с Андреем, сославшись на то, что мне необходимо срочно кое с кем встретиться. Он тоже собирался уходить. Не говоря ни слова, я встал и направился к Агнии. Она уже сидела за отдалённым столиком, перед ней стоял стакан кофе, лежала тарелка с творогом и кисточкой винограда. Я сел напротив неё, и мы стали разговаривать.

4. Встреча с живой богиней

Когда я сел возле Агнии, мне показалось, что от неё веяло запахом весны, этим ароматом вечной свежести и молодости, который всех нас преображает и наполняет новой энергией. Она походила на нежный цветок, на белую только что распутившуюся розу, прекрасное создание, но с колючими шипами.

– Так какой вопрос вы хотели задать мне на лекции? – спросил я.

Агния улыбнулась и сказал:

– Я уже его задала вам, и вы ответили мне на него.

– А какой был вопрос? – опять спросил я, погладив лоб. – И что я вам ответил?

Она рассмеялась и сказала:

– Я думала, что у вас хорошая память. Я спросила вас о том, какое отношение имеет философия к математике. И вы мне сказали, что математика не отделима от философии.

– А разве это не так? – опять спросил я, глядя в её смеющиеся глаза.

Она пожала плечами, немного подумала, а затем ответила:

– Вы, мужчины, в жизни всё усложняете. Математика – это точная наука, а философия – это не наука.

– А что же это такое? – произнёс я, придя я в великое удивление.

– Не знаю, – ответила она, – мне сложно подобрать слово, чтобы охарактеризовать её. В математике: дважды два – четыре, а в философии: дважды два может быть пять, и даже сто двадцать пять. В ней нет ничего определённого и всё туманно. Мне кажется, что мужчины изобрели философию для того, чтобы скрывать своё незнание.

От её слов пришла моя очередь рассмеяться.

– Так объясните мне, что вы думаете по этому поводу, – спросил я её.

И она мне ответила:

– Во время ваших объяснений на лекции, мне, почему-то, вспомнились мои родители: папа и мама. Папа никогда не находил рядом с собой нужных вещей, когда они даже лежали у него под носом, и мама ему всегда пододвигала или находила их. Он был как слепой, но вот вдалеке он всегда очень хорошо видел, и обращал своё внимание даже на такие вещи, которых мама не замечала. Я долгое время не могла понять, почему так происходит, но сейчас я начинаю понимать то, что у мужчин и женщин разное зрение и разное видение мира. Я всё больше и больше прихожу к убеждению, что мы, женщины и мужчины – разные существа и как будто живём на разных планетах. Я всегда задумывалась над тем, почему раньше среди женщин не было ни философов, ни композиторов, ни великих учителей, да и сейчас их нет, и я поняла, почему это происходит. Мы, женщины, крепко стоим двумя ногами на земле, а вы, мужчины, всегда витаете в облаках. В этом и есть наше различие, из-за этого и происходит такая разница между нами. Мы постоянно чем-то заняты конкретным и существенным: рожаем детей, воспитываем их, создаём семью и дом, благоустраиваем свой быт. Всё своё время тратим на нужные вещи и необходимые дела. Мы постоянно заняты чем-то конкретным, в то время как вы, мужчины, не весть чем занимаетесь. Вы постоянно бежите из нашего дома, стремясь раствориться в каких-то своих делах, которые часто не имеют никакого отношения ни к вашему дому, ни к вашей семье. Это – какие-то запредельные дела, вечные поиски чего-то, чему вы даже сами не можете дать определение. Если мы, женщины, олицетворяем собой постоянство, то вы, мужчины, являетесь основой переменчивости. Вы что-то постоянно ищите, изобретаете, создаёте, отправляясь в путешествие, погружаясь в беспредметные мечтания, придумываете себе какие-то развлечения и игры. Очень часто вы устраняетесь от домашних дел, стараясь переложить все заботы на наши хрупкие женские плечи. Вы создаёте свои учения, сочиняете свою музыку или же выдумываете нечто неопределённое в своих погружениях в мысли, что

называете философией. И когда мы пытаем вернуть вас на землю, вы обвиняете нас в гедонизме, в том, что якобы мы считаем и признаём в жизни высшим благом только наслаждение, и что якобы сами вы заботитесь только об общем спасении всего человечества, наделяя себя некой душеспасительной сотериологической миссией, защищающей нас от всеобщей гибели. На этой почве вы создаёте свои религии, и чем строже вы начинаете нас спасать, тем больше раздора происходит между вами, что и приводит к вашим ссорам, столкновениям и войнам. Не нужно защищать весь мир и спасать всех, постарайтесь вначале спасти самих себя от безумия.

Я слушал её слова и приходил ко всё большему удивлению. Мне казалось, что от этот прекрасной девушки, от этой нежной розочки с колючими шипами, вместо слов отлетают лепестки. И вся она состояла из разноцветных лепестков: её алые губы, розовые щёчки, изящный носик, тёмные бровки, длинные реснички были наполнены таким жизненной силой и такой притягательной красотой, что даже вроде бы резко звучащие слова, произносимые её ангельским голосом, не казались мне ни обидными, и уж тем более, ни пустыми. Она говорила мне то, что и должна была сказать женщина мужчине, предъявив ему хотя бы один раз в тысячелетие такое обвинения. И я понимал, что слова её справедливы, и такие слова может сказать мужчине только истинная богиня.

– Весь мир вы окутываете своей иллюзией, потому что в вас сильно развита сила воображения, – продолжала говорить она, – и в этой иллюзии вы теряете самих себя, потому что всё в вашем мире перемешано, а потеряв себя совсем, вы начинаете усиленные поиски чего-то реального, так как сложно найти что-то конкретное в мире, который теряет свои ясные очертания. Вы начинаете искать самих себя, и это – очень сложный и утомительный труд, когда внутри человеческого сознания происходит разделение. Вы стараетесь внутри себя выловить своего двойника, и найдя его, уже теряете всякие ориентиры в мире, превращая субъекта в объект, а объект – в субъект. И вот тогда начинается ваше раздвоение. Вы как бы обретае уже два мира, вместо одного. И это уже является самым настоящим безумием. Одного себя вы делаете наблюдателем над собой, в то время как другое ваше я цепляется за ещё оставшуюся какую-то действительность.

– А разве в вашем мире происходит не так? – перебив, спросил я её.

– Нет, – спокойно ответила она, – если мы не попадаем под ваше влияние, мы продолжаем жить в реальном мире и давать свои оценки всему, что с нами случается.

Она вытянула вперёд свои руки и сказала:

– Когда я смотрю на себя, то прежде всего вижу свои руки, которые постоянно заняты каким-нибудь делом. Когда я жила с обоими родителями, то все дела по дому доставались мне, потому что мама и папа работали и приходили только поздно вечером. Я никогда не сидела без дела, к тому же ещё и училась. Может быть, я плохо знаю философию, но зато довольно хорошо знаю жизнь. Я никогда не сижу без дела. Сейчас, когда я только учусь, свободного времени у меня стало больше, но я стараюсь его занять чем-либо полезным. В мире ещё столько много всего прекрасного и незнакомого мне. Я читаю книги, хожу в кино, делаю домашние задания и изучаю интересные предметы в институте. Как-то на философию у меня не остаётся времени, да я, если признаться откровенно, не очень её понимаю. Сегодня в библиотеки ко мне подошёл новый преподаватель, итальянец Луиджи, и попросил меня прийти к нему в гости.

Услышав эти слова, я внутренне содрогнулся и тут же спросил её:

– И вы пойдёте к нему.

– Я бы не хотела к нему идти одной, – сказала она, покраснев, – это как-то неприлично. Вы же живёте рядом с ним. Не могли бы вы сопроводить меня к нему. Как-то сразу отказаться я постеснялась.

Внутренне я с облегчением вздохнул и тут же ответил:

– Конечно же, я сопровожу вас к нему и буду с вами до конца, а потом провожу вас до вашего дома.

– Спасибо, – ответила она, и поднялась из-за стола, – мы с Луиджи договорились, что я приду к нему в гости вечером. Если вы не возражаете, я зайду к вам, и вместе мы отправимся к нему в гости.

– Я буду счастлив составить вам компанию во время этого посещения, – сказал я.

Она тут же меня осадила, заметив:

– Но дайте мне слово, что между нами ничего не будет. У меня даже и в мыслях нет заводить с кем-то любовную интрижку. Я себе дала слово, что пока я учусь, у меня не будет парня, так что мне рано думать о замужестве. Вы относитесь ко мне как к другу, и я ценю это, поэтому хочу, чтоб всё в наших отношениях так и оставалось. Вы согласны?

– Конечно же, я согласен, – сказал я, но в душе с горечью подумал, что вряд ли я нравлюсь ей.

Мы вместе вышли из столовой и расстались. Мне нужно было зайти к ректору и объяснить с ним по поводу его поручения, которое он дал мне накануне, попросив пригласить итальянца в ресторан.

Когда я шёл к ректору, в душе у меня было двойственное чувство. Я не знал, что ему сказать: одобрить его приглашение итальянца на работу преподавателем в институт или высказать какие-либо опасения, что может повлечь его увольнение. Несомненно, Луиджи был гениальным учёным и неординарной личностью. Он уже внёс новую струю в наше научное мышление, и я это чувствовал по моим друзьям-преподавателям. А это уже очень много, потому что, когда в обществе нет свежих идей, то оно превращается в стоячее болото.

У Луиджи была гениальная способность не только открывать то, что никому не известно, но и находить неизвестное во всём известном, и полностью его опровергать, потому что благодаря этим находкам внутри чего-то известного уже всё меняется, и это известное становится чем-то новым, требующем открытия. И когда делаются эти открытия, то с ними вносятся такие изменения во всё старое, что меняется сама его сущность. Этой своей способности он уже учит нас. И если он уедет от нас, то мы многое потеряем. Даже его разговоры всегда бывают необычными. Его речь кажется обыкновенной речью, но некоторые словечки в его речи, как у Гоголя, поставлены особенно, благодаря чему всё сказанное приобретает такую чёткость и ясность, что понимаешь, что по-другому не скажешь и не сделаешь. И это именно то, что надо сказать и что надо сделать. Его словечки как бессмертные духи, витающие в его словах.

Я поднялся на второй этаж в приёмную ректора. Секретарша попросила меня немного подождать, и я присел на стул.

«Но с другой стороны, – подумал я, – он является серьёзным конкурентом мне в институте. Он покусился даже на мою возлюбленную. А вдруг ему удастся её соблазнить? Может быть, стоит мне подумать о себе и устранить своего соперника». Но я тут же отмёл все мерзкие мысли этой мелочной мести и подумал, что когда сталкиваешься с сильным соперником, то сам становишься сильным, ибо борьба с сильным противником всегда закаляет и делает самого сильнее.

Сердцем я понимал, что присутствие Луиджи в нашем институте принесёт нам только благо, что бы не произошло, потому что, несомненно, он был великим талантом, а великие таланты в своем творчестве всегда идут против всякой логики и здравого смысла. Гений восстаёт против здравого смысла, потому что такова его сущность, в которой заложена изменчивость. Он как бы крушит этот здравый смысл, который слагается под действием господствующих взглядов на вещи, морали и общественного мнения эпохи. Поэтому во все времена ненавидят гениев, и только по прошествии какого-то времени их понимают и признают.

Гении могут казаться распутными. Ещё когда-то Дидро заметил: «Мои мысли – это мои распущенные женщины». И Ницше, прочитав это изречение, следовал ему всю свою жизнь, хотя я с этим не согласен и считаю, что мысли могут быть и порядочными женщинами, потому что творить, это не только разрушать, но и создавать. Потом, сами мысли не всегда бывают

нашими собственными. Ещё Вернадский себя спрашивал: «Сколько моих мыслей действительно моих»? Ведь наша душа ежедневно и ежечасно наполняется чужими мыслями, и все они перемешиваются друг с другом, и на следующий день уже трудно понять, где мысли свои, а где чужие. Из этих мыслей и рождаются коллективные мысли, которые потом и становятся мнением нашего времени. Иногда гении пользуются общественными мыслями, без которых вряд ли когда-либо стали они сами гениями, но потом это проходит, ибо гений не может пользоваться чужим мышлением, так как он самоорганизуется и живёт только своими идеями, своим умом и своими мыслями. Именно к таким гениям и принадлежал Луиджи и мог чему-то научить нас, простых смертных. Ведь это тоже один из путей совершенствования, когда, слушая другое мнение и другие идеи, обретаешь что-то своё. Так, по словам современников, Себастьян Бах с правом гения брал чужую музыку и свободной обработкой создавал свои органские концерты. Поэтому и я не закрыт для чужих влияний, но моя сущность самодостаточна, и не способна раствориться в других, поэтому и я, прикасаясь к мыслям Луиджи, могу породить нечто своё собственное и яркое, как говорят, хорошо доделать начатое и создать свой шедевр. Ведь абсолютно нового ничего не бывает в творчестве. Лишь богам удаётся создать нечто новое. И к таким богам, несомненно принадлежал Луиджи. И чтобы сравниться с ним, мне тоже необходимо было стать богом. Если я стану таким, то создам свою собственную квантовую механику и математику. Воздвигну над квантовой механикой Бора свою крышу, используя свои вариативности и индивидуальные решения в применении собственных математических формул, свои новации, такие же как логарифмы Гауса.

Конечно же, весь мир можно выразить с помощью цифр и формул, но есть и другие способы его отображения. Например, музыка, способная осветить внутренний мир человека. И хороший математик вполне может стать отличным композитором. Главное, никогда нельзя говорить «нельзя», потому что возможности жизни, науки и творчества неисчерпаемы, и нет предела совершенству, а хорошее всегда можно дополнить лучшим. Не нужно становиться специалистом в чём-то, а нужно становиться гением в своём деле. А для того, чтобы им стать, необходимо выкорчёвывать старое и творить новое. И в данный момент, как раз этим новым является Луиджи, так можно ли его изгнать из нашего института? Это изгнание будет приравнено к преступлению.

В это время двери кабинета ректора открылись, и от него вышел незнакомый мне человек. Секретарша разрешила мне войти к ректору. Ректор встал мне навстречу и протянул руку:

– Ну как? – спросил он. – Удалось вам что-нибудь разузнать о нашем итальянце?

Я сел за стол напротив него и стал говорить:

– Несомненно, он – гений, и требует к себе особого отношения. Обычно все гении эксцентричные, к тому же, он обладает многими талантами.

– Ну, это и понятно, – заметил ректор, – все гении талантливы. А талантливые люди становятся гениями.

– Я так бы не сказал, – возразил я ему, – гений – это навсегда, а талант – часто на время. Талантливый дебют не обещает такого же финала. А гений, как бы он ни начал, всегда рано или поздно раскроется и станет выдающейся личностью. Гений – это прирождённый талант, в нём уже заложены все божьи задатки, и в борьбе он всегда побеждает, а талант часто терпит поражение, ибо гений появляется на свет не случайно, а рождается для какой-то миссии. И как говорил английский философ Оуэн Мередит: «Гений делает то, что должен, а талант – то, что может». Ведь часто талант трудится ради славы и денег, а гений творит, чтобы оправдать своё предназначение. На первый взгляд всегда трудно определить, каким является человек, талантливым или гениальным. Многие считают, что разница между людьми кроется в том, что одни являются теми, кто знает, что надо, а другие знают, как делать то, что нужно. Так вот гений соединяет в себе все эти качества. Юрген Мейер считал, что талант действует обдуманно,

а гений – бессознательно. Им как будто руководят Высшие Силы. А Поль Валери сделал очень умное замечание: «Талант без гения значит немного, а гений без таланта – ничто».

– Ну, вам, учёным, это виднее, – заметил ректор, – так скажите, что собой представляет Луиджи?

– Так вот, – ответил я, – в Луиджи наличествует талант и гений.

– Значит, даром я его пригласил к нам и потратил на него большие государственные деньги, – со вздохом облегчения произнёс ректор.

– Думаю, что даром, – ответил я.

– Ну, тогда я спокоен, – сказал ректор, встав и протянув мне руку, – займусь другими делами.

Я вышел от ректора удовлетворённым. Мне хватило мужества и силы воли защитить своего соперника. Теперь мне нужно было готовиться к сражению с ним.

Когда я вышел из кабинета ректора, то тут же ощутил всю зависимость своего положения, я понял, что совсем не являюсь королём Людовиком Четырнадцатым, в всего лишь Жан-Батистом Люлли, призванным удовлетворять нужды и желания короля, несмотря на всю свою гениальность, и у меня сразу же испортилось настроение. И я подумал, что, чтобы стать поистине великим, нужно быть независимым и свободным. Моцарт создал своё королевство музыки и являлся в нём полновластным сувереном, хотя, может быть, на деле он и был зависим от многих обстоятельств и многих людей. Он постоянно нуждался в деньгах, поэтому вынужден был искать протекции для выгодных заработков. Он был зависим от семьи, но дух его был свободен и мог творить чудеса, создавая бессмертную музыку. Поэтому и мне нужно раствориться в своей философии, стать поэтом или композитором, приносить своим трудом людям счастье и радость.

Я вышел из здания института и посмотрел на яркое солнце, и настроение у меня сразу улучшилось. «Нет, – подумал я, – я ещё могу стать королём-солнце, мне только нужно ощутить в себе полную свободу».

После того, как я расстался с ректором, я подумал, что мне надо навестить Юрия в психлечебнице. Выйдя из института, я зашёл в магазин и купил пакет спелых груш, а затем отправился в больницу. По дороге я не почувствовал особых изменений в городе, было морозно, но солнце светило как-то по-особенному радостно. Я шёл и рассуждал.

Для того, чтобы стать сильным и раскрыть все свои потенциальные силы, нужно сосредоточиться. Никто из людей не знает, родился он гением или нет. Это становится ясно после напряжённого труда, когда человек осознаёт, удаётся ему осуществить задуманное или нет. Именно сосредоточение делает из человека гения. Но на чём сосредотачиваться? Для начала нужно сосредоточиться на какой-то своей цели и обрести умение проявлять универсализм в каждом ответственном творческом моменте, выразить, как говорится, «бесконечное в конечном», направляя в нужный момент весь свой творческий потенциал в едином направлении. Гений – это прежде всего творец, создатель самого себя. Когда Ньютона друзья спросили, как он делает открытия, он им ответил: «Я постоянно думаю о них, вот и всё».

Я по своему опыту знал, что когда сосредотачиваешься на чём-то, то можно сделать открытия во многих областях, просто, нужно этим заниматься и думать постоянно об этом, направляя свою мысль в одну точку. Но для этого ещё необходимо желание самого открытия: стремление к нему и страсть познания нового. Часто это может быть даже усовершенствование существующего. Вот я вижу стоящие на улицах дома, а удобно ли в них жить? И нужны ли нам такие дороги? Может быть, можно как-то обходиться без дорог? Во всём необходима нестандартность, оригинальность мышления. Может быть, нам и не нужны никакие дома в городе, занимающие столько много места? Нельзя ли создать на месте домов что-то такое, куда бы мы попадали как в иную реальность, некие ловушки пространства. Вошёл в такую ловушку, и ты чувствуешь себя уже дома. А эта ловушка не занимает никого места, может быть, она нахо-

дится под землёй, или в другом пространстве. Об этом нужно подумать. Как бы было хорошо, если бы кто-то переформатировал наше сознание, наделил бы нас оригинальностью мышления, даром предвиденья и ориентацией на будущее! Для этого нужно стать неукротимым в поисках. Энергия, трудолюбие и настойчивость – вот залог достижения успеха. Тогда бы и город наш преобразился. Вместо скучных домов, появились бы на их месте большие красивые площади с фонтанами. По краям бы этих площадей стояли бы театры и храмы, а в других местах – общественные заведения: места для увеселения, рестораны и необходимые учреждения, такие как лечебницы и санатории, школы, библиотеки и университеты. Именно в таком городе бы могли рождаться гении, предпочитающие сложные проблемы и способные решать конфликты, потому что сама среда бы их объединяла в совместный уникам, где не было бы безысходных ситуаций, и где бы росли люди, свободные от всех заблуждений, инициативные в своём стремлении доминировать, способные принимать смелые решения, стремящиеся к независимости и самостоятельности, «непослушные» в своих суждениях и своём поведении.

Почему же все мы – не такие? Ещё когда-то, в недалёкой давности, Гегель подсказывал нам, как можно раскрепостить себя и стать гением. Нужны-то были всего универсальность и разносторонность, или, как называл он это, «всеобщая способность», в отличие от специфической способности – таланта, а именно, выйти за пределы существующих правил, норм и традиций, обрести дар самому устанавливать правила. Эту способность – устанавливать правила во всём – Кант считал главным признаком гения, при этом, как говорил Шопенгауэр, глубина проникновения в объект познания, умение достигать совершенства в облюбованной области творчества, способность «совершенно упускать из виду собственный интерес ради более объективного познания мира оказывало на общество большое влияние». Так, по мнению великих философов, и происходило всегда становление гения. Но, к сожалению, к их словам никто не прислушивается даже в наше время.

Но почему среди моих друзей нет гениев? Неужели они так и никогда не приблизятся к параметрам истинной гениальности? В чём же кроется секрет этих параметров? Американский исследователь Тэйлор вычислил черты, которыми должна обладать высокоодарённая личность. Прежде всего, как думал он, гений должен устремляться на передний край всех важных событий, но, при этом, иметь независимость и самостоятельность, а также, склонность к риску. Я полностью с этим не согласен, потому что его активность, любознательность и неутомимость в поисках, а также, неудовлетворённость существующими методами и традициями постоянного вызывают недовольствие окружающих, которые из-за его стремления изменить всё вокруг, как говорил Гёте, ненавидят гениев, потому что их нестандартность мышления, готовность принимать решения, дар общения и талант предвиденья раздражают обывателей. Поэтому умные гении стремятся держаться в тени от всех процессов современности и ведут довольно замкнутый образ жизни, «не высовываются», как говорят в народе. А великие гении, подобные даосам, вообще живут отшельниками, и стараются не оставлять после себя следов, стремясь свою жизнь прожить в неизвестности, так совмещение их аскезы и активное их участие в жизни людей приводит их самих к раздвоению. Один американец Джон Холтон, изучая жизнь Эйнштейна, вывел некоторые особенности его характера, отметив, что его глубина постижения научных проблем заставляет предположить, что учёный обладал неким шестым чувством, о котором он не мог рассказать людям, так как они его не понимали так же, как слепые не могли понять, что такое цвет. К тому же, он имел необыкновенную ясность мысли, дававшей ему чёткость постановки научных проблем и простоту мыслительных экспериментов. По словам самого учёного, в своём феноменальном умении он как бы улавливал почти незаметные значимые сигналы на фоне «шума» в любой экспериментальной ситуации, и настолько отдавался работе, что его настойчивость, его энергия и полная самоотдача так его вовлекала в излюбленную область, что создавала вокруг него своеобразную атмосферу, наделяя его ощущением избранности. Всё это порождало в Эйнштейне и определённую двойственность, заставляя его

разрываться между противоположными тенденция, идеями и подходами к действительности, где континуум сталкивался с дискретностью, а классическая причинность – со статистическими законами, при которых он никак не мог определиться, и часто от механической интерпретации мира бросался в деистическое. Оно и понятно! При таком раскладе человеческое сознание может раздваиваться, и недолго докатиться до того, что человеческое эго найдёт способ разделить на себя самого и своего двойника, когда астральное тело человека будет не только покидать его сознание, самостоятельно преобразуясь во внешнем мире, но и обретёт там свою среду обитанию и жизнь, что чревато порождением конкретных доппельгангеров. Ведь установление всего устойчивого и повторяющегося, как известно, один из надёжных путей, ведущих к обнаружению сущности и закономерности. А сущностей и закономерностей в мире может быть бесконечное количество, потому что наш мир многослоен и находится в постоянном развитии, где возникают и исчезают многие сферы и измерения.

Я уже подходил к психиатрической больнице, и глядя на её мрачные корпуса, подумал: «Вот место на земле, совсем не похожее на наш мир. Но, может быть, это и есть истинный мир, на который открываются глаза не у всех людей, а лишь тех, у которых меняется сознание, и они становятся для нашего мира опасными. Поэтому их и содержат за решётками».

Когда у человека изменяется сознание, он уже стаёт как бы не от мира сего. Он сталкивается с чудом, и сам может уже творить чудеса. Американские психологи Торранс и Холл утверждают, что только гении обладают способностью творить чудеса. Ведь что такое сверхъестественное? Это – то, что выходит за рамки обычных, естественных явлений, но совсем не противоречит законам природы, потому что мы не знаем до конца все эти законы, которые нам раскрываются при внезапных вспышках озарения, что может выходить за логические рамки нашего разумного понимания, ибо сама наша логика построена лишь на тех знаниях, которыми мы обладаем. А за бортом наших знаний простирается вся Вселенная с её тайнами и секретами. Поэтому многие вещи даже не вписываются в сферу нашего понимания. К тому же, как считают эти учёные, сознание даже умных людей отягощено нуждами и потребностями других людей так называемой эмпатией, или, иными словами, «сопереживанием», «отзывчивостью» и «вчувствованием», из-за чего теряется свобода их мышления, а именно это и входит в орбиту человеческой логики. И даже обретенный ими ореол исключительности – это ничто иное, как фикция, способная вдохновлять и внушать веру в свои силы всем, кто с ними общается, потому что эта способность связана с умением сопереживать другим, и только в этом русле следовать интуиции в рамках дружелюбия и оптимизма. Но мир совсем не такой, каким мы стараемся его представить, а то, что мы себе представляем, является только нашим воображением, где мы ещё способны как-то разрешать конфликты, особенно в тех ситуациях, где они имеют логическое решение. Но там, где требуется не логическое решение, часто мы становимся бессильными. Поэтому только людей, отвергших всю логику этого мира, людей таких, какие находятся в этом лечебном учреждении, и можно назвать творческими личностями, соединяющими в себе множество прямо-противоположных черт. По сути говоря, эти люди – по-своему высокоодарённые, потому что, как сказали эти учёные: «они более мужественны и в то же время более информированы, более конформны, и в то же время более неконформны, более автономны и более зависимы, более серьёзны и больше склонны к игре, более робки и более бесстрашны, более уверены в себе и более склонны к сомнениям в своих силах, более восприимчивы и более самостоятельны по сравнению с менее творческими людьми. Они интегрируют эти полярные противоположности в своём мышлении и поэтому обладают необъяснимой способностью решать проблемы, которые, казалось бы, не поддаются логически разумному решению. Именно у этих людей наличествует чувство грядущего, яркое и образное его представление, что связано с их богатой фантазией и интуицией. Их можно назвать сумасшедшими, как и всех схимников и отшельников, способных к трансцендентальной медитации. Но именно

они и представляют то совершенство, включающее в себя просветление и самореализацию. И жаль, что их никто не понимает, и поэтому держат в заточении.

Я вошёл в здание психлечебницы и встретился с дежурным врачом, попросив у него разрешения увидеться с моим товарищем.

– Вы хотите навестить математика? – уточнил тот.

Я кивнул головой.

– Он последнее время стал грустным и нервным, – заметил врач, – и меня беспокоит его бледность, но со здоровьем у него всё в порядке. Это, я думаю, от нервов. Уход за ним хороший. Я не знаю, из-за чего он такой возбуждённый, хотя мы и даём ему успокоительное. Всё время он ходит со своим блокнотом, записывает какие-то формулы, ни с кем не общается, мрачнее тучи. Вы уж уделите ему внимание. Обычно после обеда он немного успокаивается.

Я сказал врачу, что постараюсь сделать всё от меня зависящее.

– Вот и прекрасно, – молвил врач и ушёл за Юрием.

Через несколько минут Юрий вошёл в комнату свиданий в больничной пижаме. По его походке и голосу я понял, что он чем-то очень расстроен.

– Что с тобой случилось? – спросил я встревожено.

– Давеча я гулял в нашем саду, – сказал он, – и увидел на траве одну засыпающую стрекозу, я взял её в руки и принёс в палату, хотел её отогреть, чтобы она ожила. Положил её на тумбочку, возле своей кровати, а потом забыл о ней, нечаянно смахнул на пол и наступил на неё. Лучше бы я оставил её на месте. Может быть, она ожила бы. Сегодня, вон, какое теплое солнце. Обычно я не вожусь с насекомыми, брезгую брать в руки мух, тараканов, гусениц. Но стрекозы мне нравятся, и бабочки тоже. А сейчас жаль, что они все умирают. Осенью наступает общая гибель всех насекомых. Это как гибель нашего мира.

– Откуда же взялась эта стрекоза зимой? – удивился я.

– В нашем саду сейчас осень, – сказал он убеждённо.

От его слов мороз пробежал у меня по коже. «Вот оно, помешательство, – подумал я, посмотрев на него с сожалением, – он путает даже времена года». Но я тут же взял себя в руки и, стараясь подавить свои эмоции, заметил ему:

– Но я думаю, ты так расстроился ни оттого, что раздавил стрекозу.

– И от этого тоже, – грустно сказал он, – но ты прав, самая главная моя печаль состоит в том, что я погубил мир.

– Что ты имеешь в виду?

– Это долгая история.

– Я не тороплюсь, рассказывай.

Юрий некоторое время молчал. Я тоже не произносил ни слова, сидел и ждал. И вдруг я услышал его хохот.

– Что такое?! – воскликнул я встревоженным голосом.

Юрий хохотал от все души, как маленький мальчик. Я схватил его за руки и дёрнул. Он не отнял своей руки, а продолжал смеяться.

– Ты думаешь, что я сошёл с ума? – сказал он, насмеявшись вволю.

– Ну, а ты как думаешь, – заметил я серьёзно, – когда ты путаешь зиму с осенью, и где-то собираешь заснувших стрекоз?

– А ты сам подойди к окну и выгляни в сад, – предложил мне Юрий.

– Странно, сказал я, что твоё настроение меняется так внезапно, только что ты был расстроенным и грустил, а тут внезапно рассмеялся. Такая смена настроения тоже говорит о твоём нездоровье.

– Всё это – ерунда, – сказал он и улыбнулся, – мне было некоторое время не по себе, а тут пришёл ко мне ты, мой друг, и я обрадовался. Уверяю тебя, что я абсолютно здоров. Правда, я

немного потерял себя, но я не отчаиваюсь, а постоянно вновь стараюсь обрести своё я, найти свою самость.

Я смотрел в его глаза и мне казалось, что он несколько не изменился: его глаза были такими же живыми, озорными и умными, как и раньше.

Мне вспомнились слова японских философов: «В одном цветке больше «цветочности», чем в ста цветках». И вот, глядя на Юрия, я подумал, что это же самое можно отнести и к нему во всей полноте: «В его сознании больше человечности, чем в сотне людей».

– Так что же произошло? – спросил я его серьёзно – Ты придуриваешься и водишь всех за нос со своим мнимым сумасшествием?

– Я не придуриваюсь, – ответил он, пожав плечами, – просто, то, что я сделал, в это трудно поверить, поэтому я никому и не говорю.

– Так скажи тогда мне.

– Боюсь, и ты можешь не поверить, – покачав головой, ответил он.

– Но ты скажи мне, – настаивал я, – это уж моё дело: поверить тебе или нет. Ведь я – твой друг.

– Хорошо, – сказал он, подумав, – говорю тебе именно потому, что ты – мой друг, и ближе из друзей у меня нет никого. Не знаю, поймёшь ли ты меня. Но я открыл дверь в другой мир.

– А что? Разве есть такая дверь в другой мир?

– Да, есть такая дверь и не одна, – твёрдо заявил он мне, – и миров этих тоже множество.

– А как это случилось? – спросил я.

И Юрий начал свой рассказ:

– Ты же знаешь, что последнее время в моей квартире поселился полтергейст. Так вот, по ночам я боялся спать и всегда в спальне оставлял включенным свет, от этого долго не мог заснуть. Я так измучился, страдая бессонницей от этого наваждения, что днём засыпал прямо на ходу или, стоя во время чтения своей лекции. И вот однажды я заснул дома, и мне приснился странный сон: как будто бы я попал в какое-то нейтральное пространство. Это не было помещение или открытое место на земле. Меня окутывал со всех сторон туман, но в нём виделось чистое от тумана пространство размером с небольшой зал. И вдруг из тумана вылетело на меня какое-то существо с крыльями и человеческим телом, нечто похожее на териантропа, нарисованного на стене при входе в Зал Быков, расположенного в знаменитой французской пещере Ласко, возраст которой составляет семнадцать тысяч лет. Это создание имело птичью голову с большим клювом, похожим на клюв попугая. Оно клюнуло мне в темечко, а затем открутило мне голову и улетело. Представляешь моё состояние? Я стою в этом зале и каким-то чудом вижу всё происходящее, не глазами, а неким внутренним зрением. Я трогаю руками свои плечи и не нахожу на них свою голову. Я прихожу в ужас. Тебе никогда не приходилось оставаться без головы?

– Нет, – сказал я, рассмеявшись, – такого ощущения я никогда не испытывал.

– А вот мне пришлось это пережить. Так вот, потом я замечаю в углу этого зала длинный стол, на котором на блюдах лежат головы, но моей среди них нет. И головы там лежат разные: стариков, молодых людей, детей, красавцев и уродцев, и даже молодых женщин. Я подхожу к этому столу и начинаю примерять эти головы. Как только я кладу их на свои плечи, так сразу обретаю образ их владельцев. Как будто бы сам становлюсь ими. Примерив голову старика, я вижу в зеркале своё сморщенное тело и повисшие мышцы, я чувствую себя стариком и веду себя по-старчески. Но при этом я становлюсь как бы умнее и смотрю на многие вещи более взвешенно. Когда я примеряю на себе голову мальчика, то становлюсь резвым и озорным, как ребёнок; с головой юноши превращаюсь в силача и удалца. Я даже примерял на себе голову молодой девушки и становился женщиной. Это тогда я пришёл в институт в женском платье, и все обратили на меня внимание. Лучше бы я этого не делал, тогда бы никто не обратил внимание на мои изменения и мой эксперимент. Сейчас каждую ночь мне снится этот зал с

человеческими головами, я всё это время пытаюсь выбрать себе голову, которая бы подошла мне, но не нахожу ничего близко похожего, что бы мне подошло. Кто-то, видать, позаимствовал мою голову и носит её на своих плечах, как только он её вернёт, то я тут же обрету себя. Поэтому пока что в этом мире я не могу обрести себя. Говорят, что кто-то встречается со своими двойниками, а мне хотя бы самого себя обрести. В своём настоящем состоянии я как бы сохраняю свою самость, я думаю и полагаю, что я существую в этом мире, но я не уверен в том, что то, что я делаю – это делаю именно я, а не кто-то другой. Но всё равно мне не хватает моей собственной личности. С этими головами получается всё не так, как если бы я делал это со своей головой. Поэтому меня часто охватывает неудовлетворённость, как будто я проживаю чужие жизни. Мне нужно поскорей отыскать свою голову. Тогда я быстро войду в свой тонус, не то, чтоб я был болен. Я таким себя не чувствую, но мне всё же хотелось бы чувствовать в своём теле уютнее, имея свою собственную голову.

– Неужели тебе каждую ночь снится один и тот же сон? – спросил я его удивлённо.

– Нет, – ответил он, – но каждый раз я попадаю в одно и то же место, в этот самый зал с разными головами. Так вот в этом зале я заметил множество дверей, и все они ведут в разные миры. В некоторых мирах я уже побывал в разных обликах, то есть с теми головами, которые я примерял на себе. Сейчас я по ночам постоянно странствую в разных мирах, и должен тебе признаться, что это мне нравится. Как-нибудь я расскажу тебе об этих мирах, но сейчас меня заботит другое. То, что я вижу в других мирах, начинает потом осуществляться и в нашем мире. Если так пойдёт и дальше, то я боюсь, что створки между этими мирами исчезнут, и в наш мир хлынет оттуда такое, что нам и не снилось. Сейчас я задумываюсь над тем, стоит ли мне путешествовать в те миры. Своими посещениями я привлекаю в наш мир чужеродные сущности. Но мне кажется, что эти сущности уже проникли в наш мир. Так как одна из них и клонула меня в темечко и украла мою голову.

– А эта сущность не походила ли на нашего итальянского преподавателя Луиджи? – вдруг неожиданно для себя спросил я его.

– Вполне может быть, – ответил он, подумав, – до этого я с Луиджи встречался несколько раз, и он даже каким-то чудом показал мне своё место рождения.

– Площадь Навона? – спросила я его, придя в сильное возбуждение.

– Да, – ответил он, – а что? Ты тоже побывал там?

– И он угощал тебя водой из трёх фонтанов?

– Да, – сказал он, – я попробовал ту воду.

– А потом вы посещали церковь святой Агнессы?

– Нет, – ответил он, – но зато он показал мне на площади библиотеку, где хранятся партитуры всех опер, когда-либо сыгранных в театрах Италии. Среди них есть старинные манускрипты с пометками великих композиторов. После посещения этой библиотеки я решил стать композитором и музыкантом, ведь математика и музыка почти что пограничные науки.

– Но музыка – не наука, а искусство, – поправил я его, – и в музыке нужно вдохновение для написания произведений.

– Так же, как и в математике, для написания формул, – смеясь, возразил он мне, – поэтому математику тоже можно назвать искусством.

Юрий выглядел вполне здравомыслящим человеком. Слушая его слова, я с ужасом подумал о том, что и мне грозит такая же участь, а именно, оказаться в этом учреждении. Поэтому я внутренне решил никому не доверяться, а при столкновении с чудесами, как говорят, «не делать резких движений». Только оставаясь спокойным, я мог контролировать ситуацию и не обращать на себя внимания окружающих, чтобы они, ни дай Бог, не подумали, что я умалишённый и не упекли меня, как Юрия, в психушку.

– Но я пришёл к одному убеждению, – вдруг сказал он серьёзно, – что при изучении наук и открытии некоторых природных тайн не всеми секретами науки можно делиться с челове-

ством, так же, как и не все возникающие искусства нужно развивать. Некоторые учения опасны для людей, так как они создаются теми, кто ненавидит человечество.

– Ты считаешь, что есть опасные знания, – спросил я его настороженно.

– Да, – ответил он, – некоторое знания очень опасные, и ими могут владеть только избранные люди, чтобы не навредить всем. И я, кажется, эти знания обрёл. Из-за этих знаний я могу погубить мир.

Юрий внезапно погрузился и, мне показалось, погрузился вновь в то состояние, в котором я его нашёл вначале, когда пришёл в больницу.

– Ну, что ты так расстраиваешься, успокойся, – сказал я, взяв его руку и пытаясь его утешить, – ты всё преувеличиваешь.

– Ничего я не преувеличиваю, – вырвав свою руку из моей, произнёс сокрушённо Юрий. – Я уже погубил этот прекрасный мир своим неуместным любопытством, пытаюсь проникнуть в такие сферы знания, какие нужно обходить стороной. И уже ничего не могу с собой поделаться. Я открыл ящик Пандоры, соединив физику с метафизикой, пробил дыру в нашей реальности, и всё это получилось потому, что я хотел получить Нобелевскую премию, захотел славы и почёта. Кретин, безмозглый! Играючи, проткнул оболочку человеческого сознания, нарушил устойчивость нашего шарика, из которого вышел весь здравый смысл, как воздух, и вместе с ним и вся наша жизнь.

– Да что ты такое говоришь?! – вскричал я, серьёзно опасаясь за психическое состояние моего друга. – Устойчивость какого ещё шарика? При чём здесь шарик?

– Наш земной шар, – ответил Юрий, – я погубил нашу планету.

Его голос был наполнен такой скорби, что у меня сжалось сердце.

– О чём ты говоришь? – спросил я.

– Если ты хочешь всё знать, – сказал он мне зло, – то я тебе сейчас всё расскажу. Наберись терпения.

– Времени у меня достаточно, – повторил я, – а что касается моего терпения, то могу им поделиться с тобой, его у меня с избытком.

– Хорошо, – сказал Юрий, – слушай. Оппенгеймер создал атомную бомбу тоже из лучших побуждений, но потом он всю свою жизнь раскаивался в том, что родил такого монстра. Тогда уже можно было обойтись без атомной бомбы, война заканчивалась. А вот угроза, которую он создал, нависла над миром и продолжает всё ещё держать в страхе всё население планеты. Но открытие Оппенгеймера – это цветочками по сравнению с тем, что открылось мне. Он выпустил джина из бутылки, которого нельзя было загнать обратно, но которого можно было контролировать. Я же сделал худшее. Выпустив своего джина, я уже не могу ни только загнать его в бутылку, но даже контролировать его, и он скоро проглотит нашу планету.

– О чём ты говоришь? – в ужасе воскликнул я.

– Я здесь сделал кое-какие математические подсчёты, – сказал Юрий, шурша своим блокнотом, – я научился управлять погодой, менять времена года по своему усмотрению. Но это ещё не всё. Среди пациентов, которые обитают со мной в одной палате, я создал общество по перемещению в пространстве. Я их кое-чему научил, и сейчас многие из них путешествуют по ночам во Вселенной, попадая в такие места, где набираются таких тайных знаний, что, вернувшись на землю, начинают устраивать всякие чудеса. А многие из них даже не возвращаются назад, остаются там, и таким образом исчезают из больницы. Врачи не могут их нигде отыскать. Я создал нечто такое, что очень скоро приблизит гибель всего человечества и нашей планеты. Так что, времени у нас совсем не осталось. И сейчас, когда я брожу по осеннему саду и вижу, как погибают насекомые, меня охватывает такое горе и раскаяния, что я хочу наложить на себя руки. Я вижу гибнущих детей, женщин, всё живое, что пока ещё дышит, волнуется, живёт и радуется последним лучам осеннего солнца. Об этом ещё никто не знает. Но я-то уже вижу конец света.

– О каком осеннем саде ты говоришь, когда на дворе зима?! – воскликнул я, прервав его речь.

– А ты встань и подойди к окну, – сказал Юрий, – и посмотри на всё, что происходит собственными глазами.

Я встал со стула и подошёл к окну. К моему большому удивлению, за окном я не увидел снега. Деревья в саду стояли ещё с не облетевшими листьями, желтыми, коричневыми, красными, а местами даже зелёными.

– Что это?! – вырвалось у меня. – В саду и в самом деле ещё нет зимы.

– Я же тебе говорю, – сказал Юрий, – что я научился управлять погодой, правда, не во всём городе, а пока только в этом саду.

– Но почему здесь всё не замерзает? – спросил я, пока ещё не совсем веря своим глазам. – Может быть, здесь установлен, какой-то воздушный купол, который мешает проникновению морозного воздуха?

Юрий, рассмеявшись, сказал:

– Но если такой купол установлен, то только моей волей.

Я сел на стул, парализованный страхом, не смея пошевелить ни ногой, ни рукой.

– Я же тебе уже сказал, – начал уже более грустно говорить Юрий, – что кое-чему научился, но я до сих пор не понимаю, как это происходит. Когда я уношусь в иные сферы, то я приношу с собой какую-то энергию. Я и раньше думал над тем, как получать энергию из космоса. Я читал секретные материалы агентства НАСА о получении такой энергии в Японии посредством электронно-магнитных ловушек, установленных возле высоких и древних деревьев. Тогда тоже чуть не произошла катастрофа, но через сорок дней этот эксперимент был удачно и своевременно прекращён. Во мне это вызвало большой интерес, но я знал об опасности этого эксперимента, и всё равно хотел освоить это оружие богов. Думал, а вдруг у меня всё получится. Дело в том, что со временем старые знания учёных устаревают, потому что появляются новые открытия, которые перечёркивают все ранее существовавшие представления о науке. Так произошло уже и с физикой. Помнишь, когда нас учили в школах, что молекула состоит из атомов, а атомы – из ядер и электронов, вращающихся вокруг ядер. Так вот, вся эта система сейчас полетела к чёрту.

– Неужели?! – воскликнул я озадаченно.

– Да, так вот, – продолжал учёный, – раньше у нас бытовал метод исследования от частного к общему, к тому же первоначально уже были поставлены в движение неправильные ориентиры. В этом повинны учёные древности, которые навязали нам свою систему восприятия мира, а мы, современные учёные, как дураки, ринулись по протоптанной тропе туда, куда шли все наши предшественники, а именно, к ложным представлениям. Поэтому, я всегда считал, что нужно зреть в корень и подходить к решению всех проблем от общего к частному. Тогда всё становится на свои места. А непонятное принимает черты ясного и объяснимого. Но прежде, чем коснуться сути проблемы, позволь мне задать тебе один вопрос.

– Я слушаю тебя.

– Ты знал, что Луиджи не человек?

– Да, – ответил я, – он сказал мне, что является птицей, но я ему не совсем поверил.

– Когда я путешествовал в иных мирах, то видел существа, похожие на него, все они имели птичью голову, человеческое тело и крылья. Не знаю, кто они такие, может быть, ангелы, а может быть, орнитантропы, которых создала природа на тонком уровне для каких-то своих скрытых целей.

– Что это ещё за орнитантропы? – удивился я новому услышанному слову.

– Это – люди-птицы, – сказал Юрий и тут же спросил меня, – может быть, ты видел французский фантастический фильм «Барбелла»? Там есть один персонаж, наподобие ангела,

которого зовут Пайгар, так вот он утверждает, что он является последним орнитантропом, но летать уже не может, так как потерял волю к полётам.

– Но это же фантастика, – поправил я его, – но есть ли такие существа на самом деле?

– Конечно же, есть, – убеждённо заявил он, – как говорил Шекспир: «Есть много на свете, друг Горацио, что и не снилась нашим мудрецам». Ведь природа очень изобретательна, создав человека, она адаптировала его к той среде, в которой сейчас он комфортно существует. Поэтому человеческий мозг с заложенными в него сверхспособностями не активизирует все резервы и не проникает в тонкий мир. Вскрыть полностью дремлющий потенциал человеческого ума может только новая нетипичная ситуация бытия, такая как у нас с тобой.

– Ты хочешь сказать, что эти чудеса, происходящие с нами, способны разбудить наш разум?

– Вот именно, – кивнул головой Юрий, продолжая говорить, – развивая данное природой от рождения шестое чувство, мы сможем общаться с иными цивилизациями Вселенной и познавать тайные знания мироздания. Учёные считают, что человеческий мозг совершенно не изменился за последние пятьдесят тысяч лет своего существования со времен первобытного человека, и работает лишь на пять процентов от заложенных в него природой возможностей. Даже у совершенно гениальных людей ум работает максимум на десять процентов от имеющегося потенциала мозга. Через энергетически плотную оболочку людей идет контакт с информационным полем Земли, или как говорят с Высшим разумом или Высшими силами. Всю информацию из внешнего мира люди получают с помощью электромагнитных волн, довольно в узком диапазоне воспринимаемых органами чувств частот.

– Ты хочешь сравнить человека с машиной или с компьютером? Но будет ли это корректным?

– Не с машиной, – возразил мне Юрий, – а с живым космическим принимающим устройством. Ведь все мы зависимы от космоса, и являемся его творением. Человек – ничто иное, как своего рода, трехмерная голограмма на двухмерной пластинке, образующейся под влиянием определенных космических лучей. Ежедневно к нему поступают десятки тысяч волновых потоков информации разной частоты. В мозге формируется своеобразная интерференционная картина колебаний, позволяющая человеку рассматривать трехмерное изображение. Уже давно учёные пришли к мнению, что наша разумная Вселенная целостна и обладает единым информационным полем и даже открыли феномен умных электронов, которые «знают» информацию о состоянии любого электрона, даже на сильно удаленных расстояниях за десятки миллионов километров. Обмен сведениями об изменениях состояния происходит гораздо быстрее световой скорости. Поэтому можно с полной уверенностью сказать, что наш земной шар живет внутри разумной живой субстанции.

– Ты хочешь сказать, что мы все объединены единым разумом, который генерирует наши мысли?

– Да! Исследователи уже декодировали язык головного мозга и пришли к выводу, что перед тем, как человек произносит фразу, в его голове формируются определенные процессы, и каждая мысль соответствует определённому символу в виде электрических импульсов человеческого сознания. Ученые научились считывать эти импульсы и составили из электрического алфавита нейронов мозга пока неполный словарь подобных иероглифов, ведь количество таких сигналов во много раз превосходит общее число всех известных миру языков и наречий. Существа из параллельного мира, наверняка, научились пользоваться этой системой, поэтому Луиджи не составило большого труда так хорошо освоить наш язык. Все мы обладаем шестым чувством – так называемой интуицией, но никто из нас не знает, что это такое. А это, как я думаю, врождённая способность разума заранее ощутить характер событий грядущего и принять нужный выбор. Все мы обладаем определённым опытом и воображением, но главным является для нас развитие этого шестого чувства, которым, несомненно, обладают эти суще-

ства из параллельного мира, которое и наделяют их сверхспособностями. И мы по мыслительным способностям несколько не отличаемся от тех космических существ, которые обитают в других измерениях, и которых мы считаем ангелами или, по-научному, орнитантропами.

– Но что касается Луиджи, – сказал я, – то он не показался мне орнитантропом, по виду он такой же человек, как и мы с тобой.

– Это кажется только по виду, – заметил Юрий, – а скажи мне, ты хоть раз прикоснулся к нему? Когда ты с ним здоровался за руку, что ты почувствовал от прикосновения к нему?

– Ну, – подумал я, стараясь вспомнить, – рука его была гладкая, как и у обычного человека, правда немного холодная.

– Вот видишь! – воскликнул он обрадовано, – и ты заметил, что тело у него холодное, совсем не такое, как у обычного человека. А гладкость его кожи настолько поразительна, что похожа на отшлифованный мрамор.

– Ну и что?! – спросил я его, теряя терпения. – Мало ли особенностей можно найти и в нашем строении тела.

– Не говори так, – перебил меня Юрий, – особенности тела очень многое могут поведать о человеке. Но у него есть такие особенности, которых человек не может иметь по определению.

– Это как же? – удивился я.

– А вот так, – уверенно сказал Юрий, – я уверен, что наше тело – это вместилище многих природных загадок. Но все мы очень разные. В нас много осталось рудиментов от простейших насекомых, от рыб и морских чудовищ, от зверей и животных, от птиц и прочих земных существ, можно сказать, что мы содержим в себе всю историю развития живого организма, создаваемого на земле и в космосе природой, но всё же, все мы – космические существа, вмещённые в человеческие тела. Природа как бы играет с нами, наделяя нас теми или иными свойствами развитых организмов и приспособлявая нас к нашему миру, но, прежде всего, она вложила в наши головы мощный интеллект. А для чего?

Я пожал плечами, желая услышать его версию.

– Это сделано для того, – убеждённо произнёс Юрий, – чтобы дать нам возможность трансформироваться, открыв перед нами трансцендентный путь. Мы по своей структуре ничем не отличается от животных, но природа нам даём шанс быстрого развития, мы можем превращаться в иные существа путём трансформации нашей сущности через духовное совершенствование и обретение гармонии со своим внутреннем первоначалом, имеющим космическое сознание. Само явление трансформации птиц в людей, а людей – в птиц, возникло в глубокой древности. Древнеегипетский бог Тот имел тело человека и птичью голову. Он являлся проводником человеческой души в Царство мёртвых, иными словами, он был учителем людей перехода их в другое измерение. Эта небесная сущность появилась в нашем физическом мире для того, чтобы обучить нас духовной и телесной трансформации для само-преобразования в других сферах инобытия. Он, как космическое существо, обучал этому священников, которые не очень-то делились своими знаниями с народом. В Китае же даосы самостоятельно постигали это искусство и обучали людей искусству бессмертия, а, именно, тому, как превращаться в журавлей и путешествовать в космических просторах. В их искусстве орнитантропии не было ничего таинственного или сверхъестественного, так как они путём медитации изобрели сам механизм этого преобразования человека в птицу. Но они становились не просто птицами, а космическими существами, трансформируя свой разум, способными путешествовать между различными мирами, и для обретения этих знаний не жалели ни время ни усилий.

– И как же им это удавалось? – спросил я, сдерживая дыхание.

– Первым шагом для обретения этих знаний было понимание небесной музыки. Древние люди всегда придавали важное значение музыкальной культуре. Ты заметил, что птицы всегда поют, их пение всегда музыкально. Соловьи и волнистые попугайчики являются мастерами в этом искусстве. Даже в чирикании простых воробьёв слышатся сложные рулады и необычные

пассажи. Поэтому, для начала, человеку нужно научиться понимать птичий язык. Я думаю, что Луиджи прекрасно владеет их языком.

– Я слышал, что якобы даже Никола Тесла говорил, что знает птичий язык, но он же не был птицей. И хотя Луиджи и утверждает, что он является птицей, но я так не думаю.

– А почему? – спросил меня Юрий. – Ты хоть раз приближался к нему близко, так, чтобы ощутить его тело?

– Ну, мы обменивались рукопожатиями, как я тебе уже сказал.

– А после рукопожатия приходилось ли тебе ещё раз прикоснуться к нему?

– Да, – вспомнил я, – когда мы вместе ехали в такси, то моё плечо соприкасалось с его плечом, но ничего я при этом не ощущал.

– А в его обличии ты не замечал ничего странного?

– Нет, – ответил я, – он – обыкновенный человек, как и все мы. Всё у него на месте.

– Я говорю сейчас не об этом! – нетерпеливо воскликнул Юрий. – Не заметил ли ты какую-нибудь диспропорцию в теле?

– Нет, – озадаченно ответил я, – он показался обычным человеком с хорошим телосложением, я б даже сказал, что он атлетически прекрасно развит.

– А вот сейчас самый главный вопрос. Сколько раз ты обращал не него внимание? И не замечал ли ты в его внешности каких-то перемен?

Я недоумённо развёл руками, и, подумав, сказал:

– Ну, первый раз я увидел его, когда нам его представил ректор, а потом, уже последний раз он заходил к нам в столовую и разговаривал с нами несколько минут. Затем выпил компот и ушёл. Никаких перемен я в нём не заметил.

– Всё понятно, – сказал Юрий, – этого достаточно.

Он открыл свой блокнот и начал туда что-то записывать. Затем он глубоко вздохнул и молвил:

– Всё правильно. Я не ошибся в расчётах, жить нам всем в качестве людей осталось совсем мало времени.

– Да объяснишь ты мне, наконец, или нет, что происходит? – вскричал я, приходя в неистовое возбуждение.

– Я подсчитал, что через рукопожатия и прикосновение он передаёт нам свою энергетику, которая со временем нас начнёт превращать всех в орнитантропов, в неких космических монстров, которыми заполнено вселенское пространство. Орнитантропом стать очень просто – достаточно лишь прикоснуться к источнику этой энергии. Это процесс похож на зарождение зародышей будущих звёзд, – ответил Юрий, – через некоторое время на месте человечества на земле начнёт образовываться поселение орнитантропов, и нашей цивилизации придёт конец.

– Как это так?! – воскликнул я и почувствовал, что от его слов мурашки пробежали у меня по спине. – Ты не ошибаешься?

– Нет, – спокойно ответил он, – всё будет так, и никаким другим образом. Сильное побеждает слабое. Если о чём-то очень долго думать, то оно непременно сбывается. Наше сознание способно творить чудеса, а эти космические существа, подобные Луиджи, и которых я называю общим именем орнитантропы, учат нас менять своё сознание, создавая новую действительность. Хочешь в этом удостовериться?

Я кивнул головой,

– Тогда вот что, – сказал Юрий, – подошло время моей прогулки в нашем больничном саду. Я не хочу пропустить прогулку за нашими разговорами. Давай вместе прогуляемся и поговорим там, в саду.

– Но тебе нужно одеться, – заметил я, – на улице холодно.

– На улице, может быть, и холодно, но только не в нашем саду.

Я вспомнил, что уже смотрел в сад и удивился тому, что в нём не было снега.

– Это что же у вас за сад такой, – спросил я, вставая, – зимний сад под крышей?

– Крыши над ним нет, но там тепло как летом. Ты же уже выглядывал в окно.

Я ещё раз подошёл к окну и через стекло стал разглядывать этот диковинный сад под открытым небом. Не небе сияло солнце, освещая зелёные и жёлтые листья в саду, но по периметру из-за ограды в небо поднимался густой туман, затрудняя видимость. В саду же тумана не было.

Мы с Юрием вышли в сад и ощутили тёплый прогретый солнцем воздух, наполнявший этот осенний сад.

– Объясни мне, что здесь происходит? – произнёс я, не совсем доверяя своим ощущениям.

– Вряд ли ты меня поймёшь, – сказал он.

– Уж потрудись, как-нибудь пойму! – воскликнул я, – до этого ты говорил странные вещи. Чему-то я верил, а чему-то нет. А сейчас я присутствую при каких-то чудесах, которые, и в самом деле, я не понимаю. Здесь что-то происходит странное, и речь идёт ни только об изменении моего сознания, но и о существовании непривычной действительности всего человечества.

– Хорошо, – сказал он, – слушай. Занимаясь изучением проблем энергии космоса, я вывел закон механизма формирования энергетических сгустков в пустоте, по которому получается, что всё живое образуется путём образования энергии в эфире, иными словами, рождение энергетических систем. Эту энергию получают не только звезды и планеты, и даже все самые крохотные тела. Но вся суть заключена в плотности ядра. Чем плотнее ядро, тем больше энергии он получает из космоса, тем становится он тяжелее и активнее, благодаря своей усиливающейся гравитационной силе. С разраженными и лёгкими телами всё происходит по-другому.

Юрий пустился в пространные научные объяснения трансформации, которая может произойти с нашей планетой благодаря нашему сознанию. Я же, слушая его, как будто временами отключался, думая о некоторых странных вещах, которые я стал замечать за собой последнее время после знакомства с Луиджи. Порой мне казалось, что я схожу с ума, и вот теперь я вновь наблюдаю какую-то ненормальность, происходящую в мире. Только временами до моего сознания доходили некоторые обрывки его фраз, которые я совсем не понимал вне контекста. Но чтобы его не оскорбить своим невниманием, я время от времени задавал ему вопросы.

Как же так могло случиться, думал я, что человечество, прошедшее такой долгий путь своего осознанного развития, вдруг столкнулось с такими необычными явлениями, которые несомненно подорвут его веру в стабильность этого мира и во что-то незыблемое, на чём он строил все свои знания. Тогда вся жизнь человека на протяжении тысячелетий напрасна. Миллионы книг, произведений искусства, совершенная техника рассыплются в прах. Тысячи умных изобретений, идей и философских систем, над которыми бились лучшие умы человечества, станут никому не нужны. Тогда для чего существовало наше человечество? Зачем жил человек на земле, если всё происходит так просто – стоит только в нашем мире появиться некому высшему существу и всё обнуляется? Стоило ли трудиться всему человечеству тысячелетия, чтобы всё получить одновременно и сразу?

Последний вопрос я и задал Юрию, но тот ответил мне вопросом на вопрос:

– Можно ли, не поняв главного глобального первичного процесса, определяющего все прочие процессы, браться за изучение процессов, определяемых этим глобальным и не понятым нами процессом?

– А что? – спросил я его машинально, – есть ещё какой-то глобальный процесс?

– Быть может, все же, нужно, прежде всего, разобраться в главном! – сказал он. – Ведь всё в этом мире разделено на два начала: на женское начало и мужское. И если женское начало является символом стабильности и сохранения, но мужское начало есть ничто иное как символ изменчивости и обновления. Мы, мужчины, постоянно меняемся и ищем что-то новое, в то

время как женщины сохраняют те традиционные знания и сам наш бытовой статус. Женщины создают семьи, рожая нам детей и сохраняя наш генофонд и наши традиции, в то время как мы постоянно ищем себя, стараясь разрушить старое и создать что-то новое. Мы не можем жить без женщин, потому что они являются нашим спасением, сохранением всего нашего ценного, что мы имеем. Мы живём своими небесными помыслами, в то время как женщины взвалили на себя все наши земные заботы.

Слушая его, я вдруг вспомнил слова Агнии – она говорила почти то же самое. И я подумал, что Юрий прав – именно женщины собирают в себе всю красоту мира, без которой нас не было бы в этом мире. И мне ещё раз очень захотелось сделать Агнию своей женой.

– Мы, мужчины, не можем жить без женщин, – продолжал говорить Юрий, – потому что без них у нас начинается раздвоение нашей личности, заканчивающееся безумием, когда мы теряем здравомыслие, разрушая свою целостность и забывая о своих конкретных целях. От этого-то и происходят все наши общественные катаклизмы. Мы ссоримся друг с другом, устраиваем войны и разрушаем мир, и наш мир поэтому меняется не в лучшую сторону.

– Подожди! – воскликнул я, прервав его речь резким жестом руки, – что ты имеешь в виду, когда говоришь о раздвоении личности и изменении мира?

– Когда мы углубляемся в свой внутренний мир и прекращаем обращать внимание на мир внешний, то перед нами рождаются две реальности, которые иногда бывают несовместимы. Мы стараемся переделать внешний мир под свой внутренний. От этого и случаются все наши беды, когда наша культура входит в противоречие с самой природой. Это и есть сумасшествие, которое можно еще назвать раздвоением личности. Это случается тогда, когда человек перерастает себя, и в нем рождается новый человек, но старый человек не умирает, его невозможно убить, потому что он в нём рос всю свою жизнь от самого рождения. Поэтому и приходится человеку раздваиваться на нового и старого. Многие восточные философские практики именно так и ставят перед собой задачу – переродиться в нового человека, который должен убить старого. Но можно ли убить самого себя и погубить всё самое ценное, что в нём было накоплено опытом всей его жизни. Я думаю, что западному человеку это не под силу. Поэтому и происходит в нас это раздвоение, когда мы вынуждены жить двойной жизнью в двух своих действительностях. Поэтому мы и разрушаем мир с такой настойчивостью. Кстати, новому человеку совсем не нужна женщина, потому что он совершенен и самодостаточен. Ему совсем не нужна семья, потому что ему уютно находиться одному в этом мире его совершенной действительности. Вот к чему приводят наши поиски всего нового и необычного.

– Я пока ничего не понимаю, – сказал я, думая о своём, глядя на сад и разводя руками, – как может так быстро меняться мир? А ведь многие люди в городе ещё не знают, что, любясь вечером привычными достопримечательностями, могут утром проснуться и увидеть вокруг себя совсем другую среду обитания. Как же это происходит? Раньше я считал, что нет ничего более постоянного, чем окружающая нас природа: реки, горы, пейзажи, дома, построенные нашими руками, – всё это великолепие, к которому мы привыкаем и видим каждый день, даже если оно и меняется постепенно из года в год. Но такая резкая перемена меня пугает. А если представить, что все мы можем в один прекрасный день проснуться в каком-нибудь другом незнакомом нам городе, где всё нам будет чуждо, что тогда? Ещё хуже может случиться такое: мы строим дома, растим детей, даём им образование, и вдруг всё это исчезнет, а на их месте возникнет нечто новое. Будет ли нам такое приятно, и будет ли спокойно на душе у нас от этого? Ведь это можно сравнить с войной, когда всё будет разрушено.

– С той разницей, – прервал меня Юрий, – что на месте старого сразу же появится нечто новое, более совершенное и прекрасное, состоящее из более тонкой материи.

– Понимаю, – сказал я, – как будто бы мы умерли и мгновенно перенеслись в другой мир. Но наши привычки и привычные вещи, также, как и люди, – всё, что нас связывало с прежним миром, останутся в прошлом. Но это ведь доставит нам не просто неудобство, как

я думаю, но и большой дискомфорт и даже страдания. Не так ли? Ведь если подумать, что завтра не будет ни детей, ни домов, ни самих нас, то и мы уже будем не мы, попав в другой мир. Мы станем новыми созданиями, чем-то иным устоявшимся в другой действительности. И раз не будет этой действительности, то кем же мы станем? Что это будет за мир такой? Но разве физический мир способен на такие изменения?

– Я же тебе часто говорил, что мы совсем не знаем мира, в котором мы живём, – горячо принялся доказывать мне Юрий, – наша земля представляет комочек этой материи, которая последние несколько миллионов лет очень выросла в своём объеме, так сказать, потолстела за счёт космической пыли. Поэтому всё на ней потяжелело, так как увеличение массы влечёт за собой увеличение веса. Поэтому у живых существ, живущих на ней, остаётся два пути развития: тяжелеть и уменьшаться в своих физических объёмах, или перестраиваться на энергетическую структуры, иными словами, становиться энергетически более тонкими и энергоёмкими. А энергию человек может получать из космоса, которая поступает на землю в огромных объёмах, и сжимается до сверхплотного состояния, утолщая и организуя биополе земли, что приводит к периодическому несоответствию массы поступающей энергии с массами биополей оболочек живущих здесь организмов. Ведь мы часто страдаем от энергетических перегрузок, приходящих к нам из космоса, и абсолютно не умеем её использовать в своих целях. Родается в атмосфере ноосферы некое рефлекторное отражение того, что уже существует или существовало. Эфир в этих местах раздваивается и создаётся своеобразный тонкий мир абсолютно также, как свет рождает тень. В этом тонком мире появляются двойники существующих уже предметов, но они как бы отделены от своих оригиналов и являются своеобразными копиями, но уже со своими собственными характеристиками. Ты понимаешь, о чём я говорю?

Я, кивнув головой, но всё же подумал: «До чего же ещё может додуматься твой воспалённый мозг».

– Эти различия между оригиналами и копиями получаются оттого, что тонкий мир совсем не похож на мир плотный, – продолжал говорить Юрий, – объяснение всему этому можно найти в следующем процессе, исследовав причины возникновения ледниковых периодов, когда происходит естественное охлаждение планеты после активного этапа тектонического цикла, а также, познав механизм горообразования. Ведь по мере остывания недр уменьшаются в объеме, и фрагменты земной коры на стыках тектонических плит нагромождается друг на друга и получают горы. Понятным становится и механизм образования гидросферы и атмосферы, – каждый следующий тектонический цикл более мощный, чем предыдущий. И это происходит потому, что масса планеты увеличивается. При более мощном тектоническом цикле сверхплотная материя дальше извергается от ядра, проникая каждый раз в области с более низкой плотностью эфира, а в среде меньшей плотности сверхплотная материя разлагается на меньшие по массе атомы. Разложение сверхплотной материи на кислород, азот, углерод и водород давало соединения всевозможных окислов, углекислого газа, паров воды, которые вулканами поставлялись на поверхность Земли. По мере конденсации паров и образовывалась гидросфера. Бурно развивались всякие водоросли, в процессах фотосинтеза очищающие гидросферу и атмосферу от углерода. Видишь, как можно хорошо придуманной гипотезой убить сразу же несколько зайцев. Но такие же изменения происходят и на уровне тонкой физики, а именно, возникновении в эфире параллельного тонкого мира.

«Уж это точно, – подумал я, – не только можно убить зайцев, но и расколоть мир на две части».

– Но это ещё не всё, – продолжал Юрий, – логика процессов поглощения межзвездной среды сверхплотным ядром Земли проявляет и формулу, которая дает возможность рассчитывать силу давления среды на ядро планеты. А сила давления на объект, находящийся в центростремительном потоке, равна произведению потенциальной силы центростремительного потока, проходящего через единицу площади на данном расстоянии ядра, на суммарную пло-

щадь сечения корпускул, составляющих объект. Иными словами, происходит как бы зарождение второго тонкого мира, находящегося рядом с нашим плотным миром, где мы тоже присутствуем, иногда даже этого не замечая.

– То есть, – воскликнул я, – ты хочешь сказать, что там, где существуем мы, существуют рядом с нами и наши двойники, подпитывающиеся нашей энергией, и когда мы теряем всю свою энергию в плотном мире, то она вся без остатка может перейти в мир тонкий, как бы став нашей запасной копией, чтобы при определённых условиях вновь превратиться в наш оригинал?

Услышав эту мою догадку, Юрий довольно рассмеялся и сказал:

– Вот видишь, и ты это понимаешь, без моих объяснений. Это и есть закон сохранения энергии в космосе, и он имеет прямое отношение к перерождению звезд, как и к нашей личности. Я дал этому явлению своё название – Закон Бессмертия. Таким образом, мы можем вечно сохранять в эфире наше я, так называемую нашу душу. Попадая в тонкий эфир, мы можем трансформироваться, превращаясь в образы неких орнитантропов, или сохранять свою внешнюю форму, но при этом мы всегда там будем оставаться самими собою, имея свою определённую и неизменную сущность, которую ещё можно сравнить с торсионным полем. Так что, мир параллельный всегда будет находиться рядом с нашим миром, в котором мы так или иначе будем проявляться, и куда будет проецироваться вся наша действительность, меняясь по нашему волевому усмотрению, так как этот параллельный мир полностью подчиняется нашему воображению, где основой всех изменений всегда будет наша мысль и наше духовное присутствие, творящее мир, благодаря чему, хаос превращается в системные образования.

– Как странно, что ты до этого додумался сам, – сказал я, поражаясь его фантазии.

– Но и это ещё не всё! – воскликнул он. – Сейчас я подхожу к самому главному. Логика процессов поглощения межзвездной среды сверхплотными ядрами говорит и об их структуре – центростремительные потоки эфира, упаковываясь в ядра, меняют своё поступательное движение на вращательное. Элементы эфира движутся через центр ядер, а по выходу из ядер под силой давления центростремительного потока эфира принуждаются двигаться по кривой вокруг ядра и с противоположной стороны выхода входят в ядро. Выход корпускул из ядра представляет собой южный его полюс, а вход в ядро представляет собой северный полюс ядра. Само же сверхплотное ядро представляет собой магнитный диполь, в который оболочками укладываются элементы эфира. Оболочки корпускул, проникающие за пределы атомных оболочек сверхплотного ядра, представляют магнитное поле звезды или планеты. Это на уровне макромира, а в нашем микромире происходит то же самое. Поэтому наши копии, которые присутствуют в тонком эфире, являются нашими антиподами и содержат в себе противоположную нам энергию. Представляешь?

Мне было трудно это представить. Однако вдохновлённый своими объяснениями, разгорячённый Юрий продолжал говорить:

– Я думаю, что ты не будешь возражать мне в том, что моя теория объясняет не только макро, но и микромир. Она применима везде. Это – универсальная теория! Понимаешь? Она объясняет даже структуру атома. При недостаточном давлении центростремительного потока на сверхплотное ядро из поверхностных слоев ядра излучаются сверхплотные струйки в плотнейший центростремительный поток, который сворачивает сверхплотные струйки в сверхплотные микроядра – атомы. Атомы имеют ту же структуру и также являются магнитными диполями, отличаются от сверхплотных ядер звезд, планет лишь размерами. Ни каких объектов, тем более, летающих по орбитам у атомов нет. Ты это понимаешь? Всё, чему учили нас в школе, оказалась профанацией. Сейчас я могу утереть нос всем моим учителям, кто ставил мне по физике тройки. Я их своим открытием поверг ниц. А это значит, что наши двойники намного сильнее и умнее нас, и они способны изменить этот мир. Может быть, поэтому некими скрытыми силами создана такая система миро-образования, призванная преображать мир и из

хаоса создавать нечто совершенное. Скажи, каково моё открытие?! Ты же не будешь возражать тому, что этим открытием я поверг всех учёных ниц?

– Не только их, – заметил я, – но и всю нашу планету и даже меня.

– Да! – обрадованно воскликнул Юрий. – Я на основании своей теории вывел механизм образования микрочастиц. Излучаемые атомами струйки сверхплотной материи при выходе из микроядра формируются центростремительным его потоком в сверхплотные микроядра. А стабильные микрочастицы: электрон, протон, альфа-частицы, и всё множество коротко живущих частиц, которые распадаются на корпускулы эфира, включаются в его структуру. Моя теория – просто чудо! Это – новое слово в науке! Ты можешь меня поздравить!

– С чем? – спросил я его. – С тем что ты открыл иной мир, который начинает вторгаться в нашу действительность и разрушать её?

Разгорячённый Юрий, сразу поник. Его голос осёкся.

– Да, ты прав, – горестно сказал он, – я, конечно, могу за это открытие получить Нобелевскую премию, но думаю, что в скором времени она обесценится, так как всё, за что её давали учёным, являлось профанацией. Оказывается, что мы никогда не знали, чем является наш мир. Лучше бы мы все оставались в заблуждении. С появлением этого Луиджи Попагальо джин вырвался из бутылки и изменил весь наш мир.

– Неужели ничего невозможно сделать? – задумчиво произнёс я.

– Разве можно вернуть ядро в пушку, когда оно уже находится в полёте? – вопросом на вопрос ответил мне Юрий. – Нет, этому горю уже ничем не поможешь. Непоправимое должно свершиться.

Немного подумав, он произнёс чуть слышно:

– И лучше будет, если об этом никто пока не узнает. Потому что, никто ничего не сможет сделать с тем, что происходит. Может быть, этот процесс как-то сам собой остановится, и остаток времени люди проживут счастливо.

Когда он об этом сказал, я вспомнил наших друзей математиков, которые ничего не замечали, что происходит вокруг нас, и уж тем более им не могло даже прийти на ум то, что всё изменилось, и конец нашего света так близок.

– Эти орнитантропы, – глухо произнёс Юрий, – сейчас будут набирать тяжёлую массу своих ядер из эфира по геометрической прогрессии. Пока что мы знаем одного Луиджи, но уже через некоторое время мы все это почувствуем, и, прежде всего, через гравитацию. На земле начнут происходить необратимые процессы – мир тонкий соединится с миром плотным, и может получиться так, что тонкий мир станет тяжелее нашего мира. И тогда уже мы перейдём в тонкий мир и будем считаться духами и приведениями, а их мир станет истинно физическим и проявленным на земле. Но может стать ещё хуже. На месте земли вдруг образуется чёрная дыра. Эти пришельцы из тонкого мира, подобно чёрной дыре, всосут в себя, как гигантские пылесосы, вначале всё нашу действительность, поменяв её на свою, а затем и всю нашу землю, развалившуюся на куски, затем весь космический мусор нашей Солнечной системы вместе с планетами, а потом и всю энергию Солнца.

– Так что же получается, наше Солнце погаснет?

– Его энергия будет поглощена ими, и они съедят не только солнце, но и другие звёзды, находящиеся поблизости от нас. А в этой точке, где сейчас находится земля, произойдёт рождение новой галактики. Когда масса превзойдёт критическую, то будет взрыв, и две с половиной тысячи звёзд понесутся в разные стороны, устроят хоровод, заодно поглощая всё, что встретится на их пути.

Слушая его, я вдруг рассмеялся и сказал:

– Но, может быть, твои предположения – это всего лишь бред твоего воспалённого ума? Я не думаю, что мы присутствуем в начале великой катастрофы вселенского масштаба.

– Может быть, это и так, – тут же согласился со мной Юрий, – но то, что я тебе сказал, может и сбыться.

– М-да, – задумчиво произнёс я, – за что же нам такие наказания? Зря наш ректор пригласил в институт этого учёного.

– Уж это точно, – опять согласился Юрий. – Но если бы он не пригласил его к нам, то это всё равно произошло бы где-нибудь в другом месте. Всё было бы то же самое. Он бы и там нарушил весь порядок в небесной механике.

– Но, может быть, всё ещё не поздно исправить, – высказал я свою надежду.

– Поживём, увидим, – согласился со мной Юрий, – но я чувствую, что нам придётся пройти через многие испытания.

Он вынул из кармана пижамы одну из груш, принесённых мной, и протянул её мне. Другую грушу откусил и, прожевав кусочек, сказал:

– Спасибо за внимание, ты меня балуешь. Очень спелые и сладкие груши, я всегда их любил. У них необычная форма, такой формы ни у кого больше нет, даже у тыквы-горлянки. Обычно все плоды круглые в форме шара, а у груши – как будто две части соединились вместе в большой шар и маленький, но они не проникли друг в друга, не смешались, а каждый в новой форме занял своё местоположение, получилось очень интересная конфигурация, похожая на молекулу. Кстати, из всех фруктов именно груша напоминает своей формой человека, а именно женщину, которой предстоит родить, и ещё, о неуклюжем и не спортивного вида юноше говорят, что у него фигура как у груши, не так ли? Сейчас я понял, что и человек состоит из двух частей: из видимой и невидимой части. Груша сама по себе вкусная, как женщина.

Я кивнул головой.

– Слушай! – вдруг воскликнул и оживился Юрий. – А ведь эта груша навела меня на одну мысль. И знаешь какую? Эта груша могла бы нам помочь спасти наш мир.

– Каким образом? – удивился я.

– Я всё думаю о том, как разнятся между собой мужчины и женщины. Они, я имею в виду женщин, ведь совсем не похожи на нас, на мужчин. И женщины не страдают от своей разделённости. Ты, наверное, это тоже хорошо знаешь! Может быть, это происходит оттого, что они рожают из своего тела детей, а мы делать этого не в состоянии, поэтому и пытаемся произвести своё второе «я», чтобы не чувствовать своей ущербности.

– Да, – ответил я, – может быть, ты и прав, но признай, что твое умозаключение весьма оригинальное.

– Некоторые говорят даже о неполноценности женщин, – продолжал говорить Юрий, не обращая внимания на мои слова, – но я думаю, что такого целостного существа, как женщина, в мире больше не существует. В них и есть наше спасение.

Я тут же вспомнил об Агнии и подумал, что она послана мне самим Небом, чтобы удерживать меня от дальнейшего скатывания в безумие. Перед моим внутренним взором сразу же возник ей образ, и я сказал Юрию:

– Ты прав, нам, мужчинам нужно крепко держаться за женщин, чтобы оставаться теми, кем мы рождены на свет божий, кстати, ими же.

Юрий рассмеялся такому витиеватому построению моей фразы и, похлопав меня по плечу сказал:

– Золотые слова! Придерживайся и дальше этой линии, и, чтобы тебе в этом помочь, хочу дать тебе ключ от своей квартиры, чтобы ты мог привести туда какую-нибудь красавицу и полюбить её. Всё равно, сейчас квартира пустует, пока я нахожусь здесь, и я не знаю, когда меня выпустят отсюда. Прощу тебя, поживи там, пока меня нет. Поливай цветы, чтобы они не засохли, и следи за батареями центрального отопления, а то они – в плохом состоянии, если потекут, то затопят весь дом.

После этих слов он снял с шеи ключ от своей квартиры и передал его мне, потом сказал, что подходит время ужина и вернулся в свою палату. Когда мы, распрощавшись, расстались, я вышел на улице и поразился изменениям в городе, произошедшим за время моего пребывания к клинике.

5. Раздвоение

Когда я вышел на улицу, попрощавшись с Юрием, то сразу же удивился тому, что всё вокруг меня поменялось. Вроде бы это была та же самая улица, по которой я полтора часа назад шёл к психлечебнице, но что-то кругом было уже не таким, как раньше. Дома и деревья стояли в густом тумане, а сама улица с пешеходными дорожками находилась в чистой от тумана зоне, как будто на город кучками спустились облака, закрывшие дома. Везде царила ранняя осень, и в чистые от тумана места пробивались лучи вечернего солнца. «Как может такое быть, – подумал я, – когда посреди зимы вдруг наступает осень»?

Было тихо, и всё искрилось нежным розовым цветом, как будто лучи заходящего солнца, отражаясь от туманных облаков, окутывали со всех сторон предметы и вещи, находящиеся в чистом пространстве. Совсем не слышался городской шум, и нигде не было видно ни людей, ни машин. Всё – как будто вымерло, но откуда-то звучала приглушённая музыка, как если бы кто-то в доме играл на фортепиано кусок из клавиров Шуберта.

Я посмотрел на свои ручные часы, они стояли. Шёл, вероятно, шестой час вечера. «Что же это такое? – подумал я. Всё тихо, как ночью». Но мои щеки пригревали лучи вечернего осеннего солнца, и абсолютно не было холодно. Сквозь туман местами пробивались ветви деревьев с пожелтевшими листьями, а где-то вдалеке чирикали воробьи.

Да, это была не ночь, ведь ночью птицы спят. Я ничего не понимал. Ни разу в своей жизни днём я не слышал на улице города такой тишины. Я шёл медленно по улице, удаляясь от психлечебницы и с интересом смотрел по сторонам. Далее все дома были окутаны густым туманом, и даже местами на улицы и площади выбивался этот туман, меняя очертания города и создавая впечатление, как будто я нахожусь на небе среди облаков. Вдруг я увидел красивую женщину, идущую мне навстречу, и услышал цокот её женских каблучков. Я замер на месте, ожидая её приближения. Женщина была очаровательна и чем-то походила на Агнию, но выглядела лет на десять старше её.

– Извините, – обратился я к ней, когда она приблизилась ко мне, – откуда взялся этот туман, и почему вдруг зима в нашем городе превратилась в осень?

Она посмотрела на меня удивлённым взглядом и ответила с лёгкой улыбкой:

– Туман, насколько я знаю, появляется от резкой смены температуры. Такое иногда случается в природе. А на смену зиме приходит обычно весна, а не осень. Вы что-то попутали, или, может быть, вы долго спали и проспали весну и лето. Насколько я знаю, осень в этом году пришла в наш город как обычно, и до наступления зимы ещё далеко. Так не может быть, чтобы осень сменяла зиму, может быть, вы прилетели к нам с другой планеты, где всё происходит наоборот, когда зиму сменяет осень. У нас здесь такого нет.

– Но где я? – спросил я, придя в замешательство от её иронического объяснения.

– Вы на земле, – рассмеявшись, сказала женщина, – во всяком случае, так называется наша планета.

– Но я сам житель этого города! – воскликнул я, теряя терпение. – И я понять не могу, что происходит в нашем городе. Только что была зима и вдруг настала осень. Так не должно быть!

– А как должно быть? – спросила она, смеясь.

– Время должно течь последовательно, а не прыгать скачками, как это происходит сейчас, – сказал я, – всего час назад я пришёл в психлечебницу, чтобы посетить своего друга, и была зима. А когда я вышел оттуда, то наступила уже осень.

– Может быть, всё это время вы находились там, – сделала предположение женщина, приняв серьёзный вид, – и просто не заметили, как прошло время.

– Этого не может быть! – воскликнул я с раздражением. – Ведь я не какой-то там помешанный.

– А кто вы? – спросила меня женщина. – Чем же вы занимаетесь?

– Я – математик, – ответил я.

– И с вами ничего не могло произойти странного на этой почве, что могло поменять ваше сознание?

– О чём вы говорите?! Я – простой человек и вполне здоровый, каждый день выхожу на улицу, но сейчас я поражён изменениями, какие произошли в городе.

Женщина опять рассмеялась и сказала:

– Но изменения с нами происходят постоянно. Вы же, мужчины, и, особенно учёные, никогда не замечаете того, что происходит вокруг вас. Вы как будто бы спите и просыпаете всю свою жизнь.

– Но с утра всё было ещё по-другому, – возразил я ей.

– Ну, тогда вы всё проспали, – сказала она, смеясь, – у нас давно уже произошло много изменений.

– Каких изменений? – оторопело спросил я.

Она посмотрела на меня внимательно и сказал уже серьёзным тоном:

– Я вижу, что вы немного не в себе, если всему так удивляетесь. Так бывает иногда с людьми, когда они вдруг видят вокруг себя всё новое, на что раньше они не обращали никакого внимания. Они как бы просыпаются и обнаруживают, что что-то поменялось, пока они спали.

– Но я же говорю вам, что я не спал, – сказал я, теряя терпение, – и живу в этом городе давно, но вот удивляюсь этим неожиданным переменам. Но что происходит?

– Всё меняется, – последовал ответ, который как бы пошёл на второй круг, – вы привыкли к старой жизни и не ощущаете постоянных перемен во времени. А они происходят каждую минуту и каждую секунду. Время не стоит на месте и само меняется, и с этим ничего не поделаешь. Если не обращать внимание на происходящее, то можно очень быстро отстать от времени, как бы остановиться в движении и в своей действительности, которая меняется еже-секундно в зависимости от изменений.

– Странно, – сказал я, – но у меня остановились наручные часы, хотя я совсем недавно менял в них батарейку.

– Вот видите, – заметила женщина, – это только доказывает, что вы остановились в своём времени. Впрочем, времени, как такого, вообще, не существует, потому что все мы живём в том моменте, в котором мы себя ощущаем. Поэтому можно сказать, что времени нет, существует только настоящее. То, что происходило, продолжает происходить, но оно как бы отлетает от нас, и назвать его прошлым могут только недалёкие люди, потому что оно продолжает где-то осуществляться рядом с нами, так же, как и будущее, в которое мы ещё не вступили, и это будущее – всего лишь иллюзия. Нет никакого будущего, потому что то, что может осуществиться, может и не осуществиться.

– Странное толкование времени, – заметил я.

– Не более странное, чем всё остальное, что нас с вами всегда окружает, – сказала она, – просто ко всему нужно присматриваться, всё замечать и во всём обнаруживать изменения. Ведь мир так изменчив и хаотичен. Нам только кажется, что существует во всём какой-то порядок. Если мы не наводим сами этот порядок, то всё пребывает в беспорядочном состоянии.

– Это вы верно заметили! – воскликнул я. – Но кто вы? Вы так странно рассуждаете, что я до сего момента и не подозревал, что женщины способны думать так, как вы думаете, и думал, что только мужчины способны на отвлечённые и, чаще всего, не логические рассуждения.

Услышав эти слова, женщина рассмеялась и сказала:

– Сразу вижу перед собой шовиниста. Мужчины все – такие примитивные создания, что раскрываются с первого же слова. Стоит им произнести первую фразу, и сразу же понятно, кто они такие. Вы спрашиваете, кто я, не разобравшись ещё в том, а кто вы есть сами. Ведь вам, наверное, часто приходят в голову мысли о том, кто вы такой есть, что вы здесь делаете,

и зачем вы появились в этом мире. Не так ли? Но, подумав немного, и так и не поняв до конца сути этих вопросов, вы переключаетесь на другое. Я права?

Я кивнул головой, внутренне согласившись с ней.

– Так вот, – продолжала она говорить, – отвечая на ваш вопрос, я хочу сказать первое: незнакомым людям я никогда не называю своего имени, да и что такое имя, данное человеку?! Это есть такая же абстракция, как математическая формула, которая ничего не значит. Если бы люди это поняли, то никогда не называли бы друг друга по именам. Ведь вы тоже никому не скажете своего истинного имени в силу того, что вы его сами не знаете. Кто-то при рождении дал вам имя, не спросив вас, нравится оно вам или нет, и вы носите его всю жизнь, стараясь ему соответствовать, и таким образом, получая имя, попадаете в ловушку. Ведь любое имя что-то собой означает, имея свой определённый смысл. И человек, получив это имя, с первых дней жизни начинает себя программировать, чтобы соответствовать смыслу своего имени. А если это имя его не устраивает, то он или меняет его сам, или придумывает себе другое имя, то есть такое, которое ему нравится, и потом всю свою жизнь живёт, скрывая его от других и мучаясь от раздвоения. Если же этого не происходит, то он, так или иначе, выполняет ту и или иную программу, заложенную кем-то в него вместе с этим именем, которому подсознательно он стремится в чём-либо соответствовать, теряя свою изначальную природную свободу. Ведь вы же не можете назвать мне своего настоящего имени?

– Ну, почему же, – сказал я, – ведь для того, чтоб кем-то стать, для начала нужно хотя бы получить какое-то имя, чтобы хоть как-то определиться и представлять себя в этом мире. А то всё вокруг нас может стать, вообще, каким-то неопределённым.

– Так оно и есть, – согласилась со мной женщина, – в мире ничто не поддаётся определению. Мы можем только предполагать, что какая-то вещь является такой-то вещью. А на самом деле она может быть совсем другой. В этом и есть вся трудность для человека в понимании мира.

Я уже хотел назвать своё имя «Александр», как оно застряло у меня в горле, и вместо него я произнёс совсем другое, я сказал:

– Меня зовут Жан-Батист Люлли.

Услышав это имя, женщина расхохоталась, сказав:

– Вот видите! Это только доказывает то, что вы не знаете своего настоящего имени. И до сих пор вы ещё не определились в этом мире.

«Зачем я назвал это имя, выставив себя на посмешище»? – подумал я.

А женщина тем временем продолжала говорить:

– Вы не только не определились со своим собственным именем, но, по всей вероятности, всё ещё продолжаете определяться с родом своей деятельности. Наверняка, вы слушаете «Королевский дивертисмент» Люлли и пытаетесь стать королём в музыке, но не простым королём, а повелителем пространства и времени, создавая своё собственное королевство в своём воображении. Ведь я не ошибаюсь, не так ли?

И женщина, прищутив один глаз, подмигнула мне другим.

Я не знал, что ей ответить, а тем временем женщина продолжала говорить:

– Я вот определилась со своей идентичностью, потому что я являюсь Царицей Ночи. Помните, как у Моцарта в «Волшебной флейте». Приближается ночь. И я выхожу на прогулку в город, который ночью и является моим королевством, когда все спят и повсюду так тихо, что ничто не отвлекает от разных дум. Вы же можете попытаться стать Царём Дня и Света, как это сделал в той же опере Зарастро, создать некий талисман солнца, солнечный диск, который носят на груди мудрецы в стране мудрости и доброты. Но для этого вам сначала, наверное, нужно всё же стать Моцартом для того, чтобы ваши мысли засветились солнечным светом.

– Вот как? – произнёс задумчиво я. – Значит, мне нужно стать искуснее Люлли, и с площади, где дают представления короли, переместиться в театр, а потом в храм?

– Если у вас откроются таланты, то вы сможете это сделать легко, – сказала смеющаяся женщина, – тем более, что в нашем городе имеется много площадей, где расположено множество театров и храмов.

– Неужели?! – воскликнул я. – В нашем городе есть оперный театр?

– Их – множество, – ответила женщина, – так же, как и множество храмов. Любой человек может здесь создать свой театр и свой храм. Для этого ему нужно всего лишь воображение, а с этим у жителей города всё в порядке.

– И что же, среди них есть и женщины, и мужчины?

– А я по-вашему кто, – спросила она, приняв удивлённое выражение лица, – разве я не женщина? А раз так, то зачем вы это спрашиваете у меня? Всё же, какой вы странный человек!

– Я бы сказал, что какой странный этот город! – воскликнул я. – Раньше я не замечал за ним такие странности. Неужели всё это происходит со мной наяву, а не во сне?

– Явь ото сна ничем не отличается, – заметила она, – просто человеку нужно научиться быстро переходить из одного состояния в другое, чтобы понять, спит он или продолжает бодрствовать.

– Я не могу проснуться, – заметил я, – а это значит, что я бодрствую. Но какая странная действительность, в которой всё поменялось!

– Действительность не может быть странной, – сказала женщина, – действительность – это то, что мы принимаем за действительность, и она может изменяться лишь тогда, когда мы готовы к её изменениям. Какой порядок мы сами устанавливаем, такой порядок, в действительности, и рождается. И так поступают все, кто склонен к переменам; а сейчас таких людей много в нашем городе, которые меняются сами и меняют наш город.

– А вы можете кого-либо привести для примера? – спросил я.

– Многих, – ответила она, – среди них есть даже итальянцы, но я не знаю их имён, я их ни разу не видела, потому что выхожу из дома поздно ночью, вот только сегодня вышла довольно рано и наткнулась на вас.

– Так, может быть, вы имеете в виду того итальянца, который преподаёт математику и физику в политехническом институте, и ещё исполняет оперные партии в музыкальном театре? – спросил я её.

– Всё может быть, – ответила она, – а почему вы удивляетесь этому? Ведь вы же сам математик, как только что недавно представились мне.

Я ничего не сказал, а лишь пожал плечами и спросил её:

– А не слышали ли вы, что о нём говорят люди? Не считают ли его случайно орнитантропом?

– Эти научные термины у меня постоянно вызывают оскмину, – сказала она, – поэтому в своей речи я никогда их не употребляю. Но я не думаю, что наш город стал птичьим. Просто, я считаю, что многие люди обрели истинную духовность.

– Но я надеюсь, что после того, как они обретают истинную духовность, то вместе с ней у них не вырастают за спиной крылья?

– Нет, я так не думаю, – рассмеялась женщина, – крылья у них не вырастают. Они не становятся птицами. Я говорю об этих мужчинах, и с женщинами у них всё нормально. Но многие из них обретают также новые возможности, которых раньше у них не было. Они могут быстро переноситься в пространстве, поэтому никакой транспорт им не нужен. Так что, весь транспорт в городе аннулирован, и с целью сохранения окружающей среды весь город объявлен пешеходной зоной.

– Вот как? – удивился я. – Значит, можно перемещаться хоть куда, и не нужно никакого транспорта?

– Вот именно, – ответила словоохотливая женщина, – и это очень удобно, можно уноситься, куда пожелает душа, и ни с чем не сталкиваться, потому что всё вокруг нас приоб-

рело мягкие формы. В нашем городе нет ничего жёсткого, ничем нельзя пораниться, так как невозможно ни о что удариться, если даже на что-то налетишь. Стены у всех наших домов в городе стали мягкими и звуконепроницаемыми, потому что и дома, как вы видите, изменили свою форму, превратившись в некое подобие облаков. И это – просто замечательно! А так как сейчас дома могут обретать любую форму, в зависимости от желания и фантазии их жителей, то архитектура нашего города от этого только выиграла. Сейчас, как вы видите, в городе нет скучных и скученных построек.

– Но как же люди находят свой дом и свою квартиру, где они живут? – удивился я.

– Очень просто, – ответила женщина, – достаточно запомнить свою улицу и то место, в котором стоял ваш дом. Подойдя к облаку, которое скрывает ваш дом, достаточно протянуть руку, и на расстоянии вытянутой руки вы найдёте вход в свою квартиру, не нужно никаких лестниц и лифтов. Не забывает, что при помощи мысли вы можете перемещаться в пространстве.

– А как же находить дома друзей? – спросил я, вспомнив, что должен посетить квартиру Юрия, ключ от которой лежал в моём кармане.

– Вы найдёте их дома очень просто, если помните, где живут ваши друзья.

– Значит, жители этого города не имеют никакого транспорта? – рассеянно спросил я женщину, думая о том, как я доберусь до его дома, – и люди не ходят, а мгновенно перемещаются из одного места города в другое. Но почему тогда вы идёте пешком, а не летаете?

– Я привыкла гулять пешком, – объяснила мне женщина, – а кому-то нравится летать. Я считаю, что прогулки хороши для укрепления здоровья, так же, как и полёты, но, гуляя, можно о чём-то подумать, чем-то полюбоваться, с кем-то встретиться и поговорить.

– Вот оно что! – воскликнул я. – А как же с доставкой товаров и продуктов в магазины?

– Мы, наверное, забываем, что это – город духовный, а не физический, и здесь жизнь поддерживается духом, а не едой. И здесь идёт накопление духовных ценностей, а не материальных.

– Значит, наше тело в этой жизни не участвует? – сделал я предположение.

– Почему же, – возразила мне дама, – здоровый дух всегда формирует здоровое тело.

– А я слышал другое, что «в здоровом теле – здоровый дух».

– Эта поговорка распространена только в физическом мире, – заметила женщина, – здесь же гуляют другие пословицы и поговорки, такие как «не хлебом единым», или «мудрец питается не злаками, а ветром, и пьёт росу».

– Но если питаться только ветром и пить росу, то наше тело может превратиться в пустоту, – возразил я.

– Наше тело и так является пустотой, – заявила женщина, – даже в физическом мире оно ничего собой не представляет и ничего своего не имеет, а лишь наполняется чем-либо, заимствуя всё от природы и от тонкого духовного мира. Поэтому наше тело само по себе не только ни имеет никакой сущности, но оно, в принципе, пустотно, это – простая оболочка некой энергетической субстанции. И лишь то существенно, что наполняет нас нашей самостью, и только её, эту нашу самость, можно назвать нашей душой или нашим субстантивным энергетическим стержнем, творящем вокруг себя физическую и духовную оболочку. Поэтому в этом мире мы всегда осуществляемся в тройственном наличии, сохраняя свою самость, проецируемая в физическом и духовном мире. Через это происходит наше раздвоение, мы одновременно ощущаем себя как некую единую форму, которая становится механизмом нашего взаимодействия с окружающей средой, и неким своим собственным содержанием, наличествующим в тонком мире. Но это раздвоение лежит глубоко в нас, которое мы, находясь в одиночестве, где-нибудь на площади, даже не чувствуем; а разделение идёт только тогда, когда мы оказываемся в театре или храме. В театре мы себя чувствуем одним существом, а в храме – совсем другим. Надеюсь, что вы понимаете меня, ведь наша самость – это одно нечто определённо-общее, что

объединяет в себе нас всех других, таких же разных, как и мы, но обитающих в двух непохожих друг на друга сферах нашего существования: в сфере нашей повседневной жизни при нашем взаимодействии с людьми и вещами, и в сфере нашего духовного разума, когда мы даём оценку нашим действиям и всему происходящему с нами в физическом мире. Вы меня понимаете?

Я кивнул головой.

– И сейчас, когда вы попали в этот мир, закрытый для многих, – говорила женщина, – вам нужно преодолеть свою двойственность, и стать тем, кем вы всегда желали быть. Желаю вам на вашем тернистом пути успехов и обретения своей истинной идентичности.

И она, не говоря больше ни слова и не простившись со мной, повернулась и пошла своей дорогой. Я смотрел ей вслед, слушая стук её каблучков, и думал о всём том, что она мне только что сказала.

Идя по улице по направлению дома Юрия, я думал о всех этих странностях, которые стали происходить со мной после посещения моего друга в больнице. Мне нужно было разобраться во всём, что происходило в мире и во мне самом, и устранить тот разлад, который возникал из-за противоречий моего внутреннего и внешнего я.

Я понимал, что, будучи творцом своей жизни, я не был свободен ни от общества, ни от природы, ни от обстоятельств, поэтому мне следовало или приспособить свои идеи к тому, что происходило вокруг меня, или отгородиться от мира стеной отчуждения и жить своим внутренним миром, как это делают страусы, пряча свою голову в песок. Но ни тот и ни другой метод решения моих проблем не подходил мне. Мне нужно было стать проводником своих идей, показать всем, что мой образ жизни более правильный, чем их, ведь я же мог быть тем избранником, которого выбрало проведение, чтобы изменить жизнь людей. Ведь все мы постоянно стремимся к чему-то новому и открываем каждый день свои новые пути. Нам не постигнуть, что творит Господь, избирая нас тем или иным орудием в этом мире. Но может ли человек быть творцом этого мира?

И как противостоять тому, что уже сложилось в мире? Можно, конечно жить по совести, ничего не меняя вокруг, но будет ли это правильным? Все мы рождены для того, чтобы быть активными, так как наша пассивность означает смирение и полное принятие того, что навязывает нам этот мир. Но для того чтобы быть активным, нужно стать сильным и избавиться от всякого страха. Только при этом условии можно изменить мир. Если Бог дал мне душу и подарил мне жизнь, то, значит, он в своих планах приспособил меня для какой-то своей цели. Но с другой стороны, моя жизнь принадлежала мне, и я имел право распорядиться ею сам. Здесь опять передо мной встал сложный вопрос о свободе выбора и о необходимости целесообразного ограничения этой свободы. Так или иначе, думая в этом направлении, я внутри себя находил два пути движения, которые порождали внутри меня два мира и два вида сознания при отношении к этим двум мирам. Мир внешний и мир внутренний хотя и были разными, но вместе с тем, через моё существование они были тесно взаимосвязаны, и каждый из них проецировался на другой. И внешний мир сильно влиял на мир внутренний, от него нельзя было оградиться. А я, в основном, жил своим внутренним миром и считал, что все люди в своей жизни представляют какую-либо ценность только благодаря своей внутренней духовной глубине, и каждый человек внутри себя является богом, судьёй и правителем. Если бы не было такого положения, то вряд ли проявилась бы наше собственное «я», которое делает нас личностью. А раз так, то все мы, живущие на земле, являемся богами, судьями и правителями. Все мы – личности, и каждый из нас имеет ту значимость, которую сам определяет для себя на земле. И каждая личность на земле неповторима, потому что она является фокусом, своего рода сосредоточением всех стечений обстоятельств, определяющихся рождением, сочетанием физических данных, проявлением определённо выраженного характера, отпечатком окружающей среды, внутренним воспитанием и самообразованием. Поэтому каждая личность, какой бы она не появилась на свет, достойна восхищения, потому что является ничем иным, как

проявлением божественной воли, выраженной в определённом духе. Да, да именно так! Человек является божеством, пока он одухотворён. Но как только его духовность исчезает, человек сразу же становится тварью, ничем не отличаясь от других тварей, обитающих на земле. Но для того, чтобы стать личностью, нужно пройти через трудные испытания: открыть самого себя в себе. И это – не простой опыт, который мне нужно было приобрести.

После беседы с Юрием я понял, что в мире не так всё просто, как мне казалось раньше, и что за оболочкой мира скрывается ещё одна оболочка, где существует сферы некоего иного существования, непохожего на нашу обыденную жизнь. Она обитаемая, но жизнь там совсем другая. И живут там люди, несколько отличающиеся от нас своим мировоззрением, радуясь наступлению нового времени, как та женщина, с которой я только что поговорил. Эта женщина, совсем не похожая на других, знала, что ей нужно в жизни и в мире, и от одного этого знания была уже счастливой. Со мной же дело обстояло иначе. Я, как любой мужчина, не знал, что мне нужно, а потому искал то, чего могло даже не существовать в природе. Но мои поиски были для меня смыслом моей жизни. Я верил, что вечная неудовлетворённость мужчин является тем двигателем, который и развивает человечество, несёт прогресс обществу, приближает человека к постижению вечных истин. Я постоянно об этом помнил, стараясь проникнуть за некий экран, отгораживающий нас от той действительности, которая вот-вот должна была нам открыться, чтобы понять всю правду жизни и посмотреть на бессмысленность нашего существования под другим углом, признаки которого я обозревал посредством душевной смуты, происходящей во мне от полного разлада с внешним миром. Я желал найти объяснение всему тому, что в мире людей уже давно вылилось в безумство, хотя они и находили всему этому своё оправдание. Мне хотелось раскрыть им глаза, чтобы их прозрение наконец-то их исправило и сделало их достойными того предназначения, при помощи которого Высшие Силы направляют нас на правильный путь развития.

Но в это время вдруг произошёл резкий удар, и я кубарем покатился по земле. Меня сшиб с ног налетевший на меня юноша, который выскочил из-за угла. Я испытал острую боль в ноге и услышал над собой голос юноши.

– Вы не ушиблись? – поинтересовался он.

– А как вы думаете? – спросил я, лёжа на земле.

– Извините, я вас не заметил, вы так неожиданно появились из-за угла, что я не смог остановиться. Мне конечно нужно было подняться повыше, так бы я вас не задел, но я привык перемещаться, держась ближе к земле, когда создаётся впечатление, что ты не летишь, а как бы бежишь или едешь на велосипеде. Раньше, до того, как я освоил левитацию и научился летать, я любил очень гонять на велосипеде. Едешь на большой скорости и о чём-то думаешь, и на сердце становится так уютно и тепло, как будто попадаешь в детство.

– И о чём же это вы задумались? – спросил я его, не очень обращая внимания на его слова, когда он пытался помочь мне встать.

– Я думал о том, как мне вернуться к самому себе.

Услышав такой вопрос, я моментально забыл о боли в ноге и с большим интересом спросил его:

– Что вы имеете в виду?

– Дело в том, что я никогда ещё в своей жизни не был самим собой целиком и полностью, – ответил юноша.

– Это странно, – сказал я. – Но то же самое и я могу сказать о себе.

– Вас можно проводить? – спросил юноша, увидев, что я хромаю.

– Если вас это не затруднит, – ответил я, – я живу в общежитие, но мне нужно побывать на квартире моего друга, который оказался в больнице.

Я назвал ему адрес, и мы отправились вместе с ним в том направлении. Он взял меня за руку, и я вдруг ощутил, что мои ноги оторвались от земли и мы стали быстро передвигаться

вперёд. Уже смеркалось, но уличные фонари ещё не зажигались. На какое-то мгновение у меня создалось впечатление, что я превратился в птицу, летающую по ночам в темноте, и поэтому не знал, куда я лечу. Однако юноша направлял моё движение полёта уверенно, и я проникся к нему доверием, полагая, что он больше не налетит ни на какое препятствие. Вдруг в моей голове возникла одна ассоциация от этого быстрого перемещения. И я подумал: «А не довериться ли мне его молодой интуиции? Не поговорить ли мне с ним? Ведь он может стать моим поводырём и в духовных поисках». Не даром же он сразу поразил меня своим умным замечанием в начале нашего разговора. Судя по его рассуждениям, он показался мне необыкновенным юношей.

Когда мы подлетели к дому Юрия, я предложил ему подняться в его квартиру, чтобы угостить чаем. К моей радости он не отказался, может быть, потому что чувствовал себя виноватым.

– Итак, – начал я, как бы продолжая начатый разговор, когда мы уселись за столом Юрия на кухне перед двумя железными кружками свежесваренного чая, – итак, молодой человек, вы сказали, что ваши поиски направлены на возвращение к себе. Не могли бы вы пояснить мне более чётко свою мысль, что вы имели в виду, говоря так.

Юноша с шумом отхлебнул горячий чай из кружки и, немного подумав, ответил.

– Вот я уже прожил какую-то часть своей жизни, и это вполне достаточное время для того, чтобы кем-нибудь стать. Но у меня, почему-то, возникает ощущение, что я до сих пор никем не стал, не потому что мне не интересно ничем заниматься, а, напротив, меня влечёт к себе многое в этом мире: и литература, и искусство, и философия, и даже наука. Я хочу стать математиком и физиком, поэтом и писателем, музыкантом и композитором, и даже философом. Я страстно хочу всего, но всё же, вначале бы мне хотелось знать, кем я являюсь, и кем был раньше, ведь не просто же так я появился на свет от дуновения ветра. Вероятно, моя бессмертная душа существовала и раньше, до моего рождения. Так кем же я был в моих прошлых жизнях, и что во мне заложено такого, что бы я мог реализовать в полной мере? Мне это нужно знать, прежде чем определиться с выбором моей профессии. К тому же, у меня всегда ни на что не хватает времени. Ведь для того, чтобы что-то освоить и стать в какой-то области мастером, нужно для начала сосредоточиться на этом предмете и в этом направлении. Но когда начинаешь сосредотачиваться на чем-то одном, то тут же возникает желание освоить и другое. И начинаешь бросаться из стороны в сторону, и не добиваешься ни там, ни здесь ощутимых результатов. Какую дорогу выбрать, когда перед тобой сразу открываются все дороги в разных направлениях и заманчиво манят к себе?

– Но у меня так не происходит, – сказал я, – если за что-то я берусь, то стараюсь доводить дело до конца, так как концентрируюсь на нём.

– Я вам завидую, – грустно произнёс юноша, – а у меня в этом вопросе нет никакой ясности, хотя я предельно ясно вижу всё то, что происходит вокруг меня. Поэтому я не иду никакой дорогой, а наоборот, стараюсь подальше держаться от всех дорог, чтобы не попасть в какую-нибудь переделку. Этим, может быть, я и сохраняю себя, находясь в покое. Но даже так, в своей внутренней пустоте я не могу найти себя. Вот в чём кроется моя трагедия. Я одновременно вижу и прошлое, и будущее, и не хочу ничего ни хорошего, ни плохого, что бы могло поменять моё окружение, потому что всё меня устраивает. Я знаю, что каждый человек стремится к чему-то, пытаюсь отыскать свою дорогу в жизни. Но, а я вот думаю, нужна ли мне куда-то дорога? Не лучше и оставаться на одном месте. Только, оставаясь на одном месте, мы можем оставаться самими собой. Да и вообще, мне иногда приходит в голову сомнение, а хочу ли я стать кем-то. И знаете, я всё больше прихожу к осознанию того, что я не хочу меняться. Я хочу остаться тем, кем я являюсь. Я хочу всегда оставаться ребёнком и не взрослеть.

– Неплохое желание, – одобрительно кивнул я, – и я тоже стараюсь внутренне не меняться и всегда сохранять в себе свой внутренний стержень, который помогает мне сохраниться и не затеряться в этом мире.

– Но человек не может ни меняться, – тихо с сожалением возразил он мне, – потому что всё меняется вокруг. Меняется мир, меняются люди, с которыми мы общаемся. Но я-то не меняюсь. Я остаюсь тем же, кем был рождён, может быть, несколько тысяч лет назад. Конечно же, как и всех других, меня на свет родила мать. Но мне кажется, что я жил и раньше, до своего рождения. И жил с одной лишь целью – всегда оставаться самим собой. Но кем я был до своего рождения – этого я не знаю. Вот почему я хотел бы вернуться к самому себе. Так сказать, обрести свою сущность, своё истинное существо. Но как это сделать, я не знаю. Об этом я вам и сказал, когда мы столкнулись с вами в тумане. И для того, чтобы определить цели своего движения, я должен понять, кто я есть, на самом деле. Не так ли?

Услышав эти рассуждения, я поразился, и некоторое время молчал, не зная, что ему сказать, потому что думал то же самое, что и он. Мне вдруг на мгновение показалось, что он даже говорит моим голосом, настолько его мысли совпадали с моими. Не дождавшись моего ответа, юноша задумчиво произнёс, как будто бы разговаривал сам с собой:

– Так зачем же я появился на свет?

Я не знал, что ему ответить и сказал просто:

– Вы сами должны это понять.

– Но как?

– Если бы только я это знал, – сказал я, – я про себя-то не знаю, зачем я пришёл в этот мир, а я намного старше вас.

– Но кто это знает?

– Вероятно, никто, кроме нас самих, – подумав, ответил я, не найдя никакого другого разумного ответа.

Юноша задумался, но потом молвил:

– Но кем вы с вами являемся, чтобы отвечать на такие непростые вопросы? Я согласен с вами, что никто не даст нам с вами чёткого представления о нашем предназначении в этой жизни, не скажет нам заранее, куда мы должны идти и что делать. Природа постоянно пытается играть с нами, как кот с мышками, постоянно оставляет нас в дураках, держит нас в неведении относительно нашего пути и нашей судьбы. Она даже не объясняет нам того, почему мы появились на свет. Она как бы даёт нам свободу самим определиться во всём и стать тем, кем мы сами желаем стать. Для этого она и создаёт разные образы и примеры вокруг нас, чтобы мы могли выбрать из множества возможностей свой путь для самореализации. Но нужно ли нам то, что предлагает нам природа. Ведь принимая какой-то образ, мы теряем способность оставаться самими собой. Ведь так? Нам кажется, что мы нашли своё место в жизни, но является ли это место для нас именно тем, что нам нужно? Ведь может и такое быть, что мы можем оказаться совсем на чужом месте, не найдя своего собственного предназначения. Не так ли? Ведь и вы, наверное, тоже ищете своё место в этой жизни

Я кивнул ему головой и, подумав, неуверенно сказал:

– Вы правы, я тоже долгое время искал своё место в жизни, и мне даже показалось, что нашёл его. Недавно я даже обрёл своё новое имя, став Жан-Батистом Люлли. Может быть, когда-то я им и был в прошлом моём рождении, и сейчас уже пытаюсь осмыслить написанный мной несколько веков назад «Королевский дивертисмент».

– Но почему вы сразу не назвали себя Моцартом?! – улыбнувшись, воскликнул юноша. – Ведь Моцарт более гениален, чем Люлли. Если уж на кого-то равняться, то нужно сразу брать, как образец подражания, высшую ступень градации и совершенства во всех делах.

– Но Моцарт – даже не король, а сам бог, – возразил я, – и чтобы стать им нужно постепенно подниматься по ступенькам к Олимпу. Иначе можно сразу же потерпеть фиаско.

– Вот как?! – воскликнул юноша, с интересом ухватившись за моё признание. – Вы, не будучи музыкантом, нашли своё место в этом мире, может быть, и в самом деле в вас скрывается огромный музыкальный талант, о котором вы даже не подозреваете. Вот бы и мне понять, кем я являюсь на самом деле!

– А что, – недоверчиво спросил я, – неужели в этом странном городе все озабочены такими мыслями, и все думают о поисках своего места.

– О, да! – огорчённо воскликнул юноша. – Многие уже нашли свои места. Именно поэтому они и проявились в этом невидимом для обычных людей городе. Здесь может проявиться только тот, кто уже обозначился для себя кем-то в своей жизни.

– Вы говорите о невидимом для обычных людей городе, но что это значит? – удивился я, услышав его слова. – И как можно где-то проявиться ещё вне физического мира?

Юноша, услышав мои слова, рассмеялся и сказал:

– Вот вы – математик и физик, и не знаете таких простых и элементарных вещей. Ведь наш мир не так прост, как пишут о нём в учебниках, потому что, как всё на белом свете, то, что нас окружает, имеет свою лицевую и обратную сторону. Это – как светлое и тёмное, материя и антиматерия, действие и противодействие, мир и антимир. Представьте, что там, где вы находитесь, и есть противоположность того, что случается с вами каждую минуту в вашей жизни, но случается, как отголосок эха той реальности, которую мы принимаем за настоящую, и этот отголосок эха и порождает будущее во времени нашего движения. Вы часто говорите о тёмной материи и даже не представляете себе того процесса, который происходит между лицевой и обратной стороной действительности. Вы обращаете внимание на светлую материю, и совсем не замечаете материю тёмную, без которой не может существовать вообще ничего в мире. А ведь из ничего «ничего» и не берётся. А в тёмной материи как раз и скрыто всё то, что появляется и проявляется, потому что именно в ней и скрыты все флуктуации будущих осуществлений. Она является именно тем, из чего рождается будущее. Она кажется нам тёмной и пустой, но, на самом деле, насыщена светом и всем тем, что в избытке из неё появляется, она кажется нам беззвучной, но в ней таятся все звуки, проникающие в видимый и осязаемый мир. В ней есть всё: прошлое, настоящее и будущее. Ведь то, что излучается, должно чем-то поглощаться, а всё поглотившееся рано или поздно начинает опять излучаться. Это – неоспоримый закон сохранения энергии, где энергия становится материей, а материя превращается в энергию. Всё, что излучает из себя свет и кажется нам вещественным и осязаемым, можно разложить на мельчайшие составляющие, на частицы, которые состоят из нуклонов и электронов, а нуклоны делятся на кварки и глюоны; и так до бесконечности можно разлагать всё это так называемое вещественное, пока оно не превратится в фотоны света и гравитационные волны, и, наконец, преобразится, в конце концов, в тёмную энергию, а затем – в тёмную материю, где уже происходят свои особые процессы преобразования. И если тёмная энергия неизменна и однородна, то тёмная материя, рождающаяся от неё, имеет уже свою плотность и свои особые формы преобразования и осуществления. Но тёмная материя неразрывно связана со светлой материей и не отторжима от неё. Так что любая вещь, имеющая наличие в физическом мире, имеет такое же наличие, как свой антипод, и в параллельном тёмном мире, где у всех людей есть свои двойники или даже тройники, хранящиеся в некоем состоянии предосуществления, как их вечные копии. И этот параллельный тёмный мир существует рядом со светлым миром, только вот люди, живущие в нём, редко проникают в него своим сознанием. А вы говорите о своём физическом мире, как единственной возможности существования реальности, а когда у вас представляется возможность заглянуть в другой тёмный мир, вы пугаетесь или ничего в нём не понимаете. А ведь он несколько не отличается от вашего мира, только в нём всё происходит несколько иначе, потому что в нём время и пространство спрессованы и проявляются как бы одновременно и параллельно в единой связке настоящего, прошедшего и будущего. То, о чём вы подумаете в тёмном мире, тут же проявляется в мире светлом. Так что

любые ваши желания здесь сбываются мгновенно, и только от вас самих зависит, перенести их в сферу светлого мира или оставить развиваться своим путём в мире тёмном, параллельно с вашей обыденной реальностью.

– Вы говорите, что в темном мире живут наши двойники? – спросил я в некотором волнении.

– Да, – ответил он спокойно.

– И вы можете привести мне такие примеры?

– Сколько угодно! – ответил он. – Здесь недалеко от этого места есть две необычные кумирни, практикующие искусство перехода в другие измерения. Кумиром одной является китаец, а другой – грек. Так вот, китаец занимается даосской практикой и считает себя воплощением бога Яо-вана – «князем лекарств» и «царём лекарей». Он, как древний бог-покровитель аптекарей и врачей, составляет свои лекарства по даосским рецептам. К тому же, он родился в один день со своим предшественником, а именно, тридцатого числа четвёртого месяца. Второй кумир считает себя Ясоном, правнуком бога ветров Эола, и гордится тем, что искусству врачевания его обучил сам кентавр Хирон. Когда Пелий сверг своего брата Эсона с престола, он, опасаясь козней узурпатора, отдал Ясона на воспитание кентавру. Этот кумир очень искусный аптекарь и мог бы считать себя самым кентавром Хироном, если бы вместо двух ног имел четыре. В этом городе все занимаются магическими практиками и способны творить чудеса, потому-то сама атмосфера города позволяет это делать. Сюда могут пребывать люди из древности и даже из будущего. Поэтому и вывески, и надписи на домах здесь необычные. Есть, например, такой ресторан как «Этерно», где можно заказать напитки из эликсира вечности.

– Я был в этом ресторане, – признался я.

– И, наверное, попробовали эликсир вечной жизни?

– Нет, – признался я, – я пил только одну граппу и очень опьянел от неё.

– У вас будет ещё возможность насладиться этим напитком, – успокоил меня юноша, – но дело в том, что даже в этом городе люди должны определиться и найти применение своим способностям, потому что любое существо не может существовать без движения и развития.

– Вот оно что?! – удивился я. – Значит, наш город превратился в город бессмертных и небожителей?

– Может быть, и так, – согласился со мной юноша, – в нашей среде обитания, где существует изнанка и разделение на светлое и тёмное, не может не быть поляризации. Земля и все вещи в космосе имеют свои копии, некие флюктуации своей сущности, не реализовавшие ещё невидимые структуры своего будущего становления, которые возможно существовали уже раньше. Благодаря этому, наш мир и наша действительность одновременно существуют в нескольких вариациях, и во всех этих вариациях мы присутствуем с вами, порой даже этого не замечая. Поэтому в нашем городе, есть ещё один город, в котором и находимся сейчас мы с вами. Какой-то из этих городов правильный и совершенный, а другой город, может быть, не такой совершенный, но и в нём царит определённая гармония и определённая, где всё как бы разложено по полочкам и получило соответствующую бирку, где каждая нота имеет своё звучание, и каждой вещи присущ свой блеск, ясность и предназначённость. Я тоже иногда появляюсь в том городе, но там царит такая неоднозначная действительность, что она меня пугает, и я нахожу своё спасение в этом городе, где всё как бы спокойно и определённо. И я до сих пор, как вы видите, не могу ещё определиться со своим местом: где мне находиться, там или здесь, подвергать себя определённому риску или оставаться здесь, заранее зная, что там произойдёт в ближайшее время. Этот мир – более безопасный, чем тот. Здесь живут все существа, достигшие своего совершенства. Здесь, в этом городе, живут все как бы ухоженные и достигшие своего апогея обитатели, нашедшие себя в жизни и не боящиеся уже никаких

нареканий. У них красивые лица, нарядная одежда, прекрасные манеры и чистая совесть. Все они счастливики и красавчики. А женщины – красавицы. Практически здесь нет старости.

– Как это нет старости? – удивился я. – Неужели здесь никто не стареет и не умирает?

– Да, – смеясь, ответил юноша. – Это – город бессмертных. Здесь можно иметь возраст, который ты хочешь иметь, потому что большинство жителей этого города являются детьми. Но детьми становятся лишь те, кто достигают высшего совершенства. Здесь можно обрести любой образ, если вам даже захочется быть стариком. Но быть стариком здесь не модно, более того, среди его жителей это считается плохим тоном – «моветон», как это звучит по-французски. Но вот труднее всего здесь стать младенцем, для этого себя нужно очистить до идеальной чистоты. Правда, для этого здесь созданы все условия. Здесь человек может жить вечно и не умирать. Отсюда ведёт прямая дорога на Небо в ещё лучшее будущее, где нет ни вины, ни долга, ни нечистой совести, где царят лишь добрые намерения, всепрощение, почтение, любовь и великая мудрость, приобщенная к вечным истинам.

– Удивительно! – с восхищением воскликнул я. – Значит, этот город идеален по своей сути, и все, кто сюда попадают, становятся совершенными людьми? Им уже не нужно ничем заниматься, потому что они достигли своего апогея и стали как бы высшим олицетворением своей сущности. Ведь так? Но я не могу себя представить совершенной сущностью, потому что за одним горизонтом открывается другой горизонт. И как говорят те же французы: «Лучшее – враг хорошего». Поэтому я не вижу пределов совершенства. Достичь своего апогея – это значит – остановиться в росте, но после апогея всегда начинается другой процесс – процесс деградации.

– Этого здесь не случается, – успокоил меня юноша.

– Почему? – удивился я.

– Потому что, как вы сказали, нет предела совершенства. Когда развитие идёт по нарастающей, то процесс совершенствования вступает в иное качество, человек становится богом, но и боги всегда совершенствуются, к тому же удержать добытое для человека труднее, чем обрести новое, и в таланте, и в уме требуется постоянная тренировка и повторение уже усвоенного, иначе может начаться процесс забывания и тогда неминуема деградация.

– Вот оно что? – удивился я. – Но тогда мне не понятно, как в такой сфере уживаются прошлое, настоящее и будущее. Ведь развитие идёт из прошлого в будущее.

– В земной действительности не всегда так происходит, – возразил мне юноша, – иногда в свои права вступает обратный процесс, и деградация в действительности начинает отбирать все завоевания и знания, которые имелись у человека. Так что будущее в физическом мире не всегда бывает радужным, где случаются катастрофы и глобальные катаклизмы, которые могут стирать начисто память человечества, как уже случалось много раз с земными цивилизациями, когда мир обрушивается в бездну, и люди ведут себя как дикари или звери: дерутся, воруют, убивают, насилуют, лгут, прелюбодействуют, предаются низменным страстям. В иных местах это происходит до сих пор. Вот почему мне не всегда хочется возвращаться в ваш мир.

– Что же это у вас за такой мир, – воскликнул я удивлённо, – где всё устроено не так, как у нас? Ведь идеальное не всегда может быть приятным, когда невозможно дать свободу своим чувствам.

– Ну, почему же? – возразил юноша. – Именно здесь, у нас, и можно дать волю и свободу своим чувствам, но эти чувства не должны быть низменными. Всё зависит от вашего воспитания своих чувств. Если вы приучаете себя к хорошему, то плохое уходит из вашей жизни, и оно становится уже для вас чуждым и даже ненавистным.

– Вы здесь не курите и не пьёте крепких напитков? – спросил я его.

– Не курим, – сказал он, – но возжигаем свечи и курительные палочки и ладан, потому что благоприятные ароматы всегда создают возвышенное настроение, к тому же, пьём лёгкое вино, которые способствуют сублимации наших чувств. Ведь вино – это напиток богов, но пьём

совсем немного лишь для того, чтобы придать импульс своему вдохновению. Правда, я всегда обхожусь без вина. Обычно мы это делаем при общении, когда лакомимся деликатесами и предаёмся интеллектуальным дискуссиям, если сочиняем стихи или слушаем прекрасную музыку. Но и вино у нас специальное, которое мы называем эликсиром бессмертия, так как оно позволяет нам обретать высшее вдохновение, после которого мы создаём свои бессмертные творения.

Порывшись в кухонном шкафу Юрия, я нашёл бутылку вина, откупорил её и налил его в железные кружки, так как после погрома полтергейста в квартире Юрия не нашлось бокалов.

– Ваше здоровье, – сказал мне юноша.

Я чокнулся с ним и выпил содержимое кружки с большим наслаждением, потому что подумал, что, может быть, придёт такое время, когда вино исчезнет из нашей жизни.

– А всё же, – сказал я ему, немного захмелев, – как же мы будем обходиться в этом мире без дружественных попок, без распущенных женщин, которые хотя и скандалят, но вместе с тем вдохновляют нас на мордобои и разные залихватские подвиги? Не жаль тебе, что в том мире осталось много таких вещей, по которым мы будем скучать? Пусть те вещи и чудовищные, но они такие манящие и ужасно-загадочные.

– Да, – сказал юноша, вероятно, тоже опьянев. – От этого мне стаёт чуточку грустно. Как подумаю, что я навечно разъединился с тем миром, ужасным и прекрасным одновременно, у меня на глазах навёртываются слезы. Признаюсь, что мне нравились пьяные драки, хотя я принимал в них участие крайне редко. Я видел, как пьяные мужья бьют своих жён; с интересом следил в газетах, как сыщики распутывали сложнейшие преступления. Мне нравилось смотреть, как проститутки торгуют своим телом. Как жаль, что всего этого уже нет в этом моём мире, и мы никогда не сможем повеселиться так, как веселились в том мире. Ведь это было так хорошо, так чудесно, где всё существует вместе – и хорошее, и плохое, и яркое, и мрачное, и возвышенное, и низменное. Всё это осталось в том мире, и уже не доступно мне здесь в нашем совершенном и благовоспитанном обществе. И от сознания только одного этого я ещё сильнее ощущаю прелести того мира, который мне уже не доступен. А здесь моя жизнь стала такой пресной и невыносимо скучной.

Юноша вдруг расплакался.

– Когда я ещё находился в том мире, я был полностью свободным, – сквозь слёзы продолжал говорить он, – я мог поступать гадко, но после этого – возвышенно. И тогда я чувствовал всю полноту жизни. А сейчас я становлюсь манекеном, куклой, которой место на божнице или на каком-нибудь алтаре у дикарей. На меня могут молиться, но я полностью лишён жизни. Вот сейчас я понял, почему я не хочу быть никем. Я не хочу в этом мире становиться богом, я хочу оставаться самим собой, быть живым человеком со всеми моими достоинствами и слабостями, с моими пороками и низменными страстями. Я сбегу из этого мира, потому что он создан не для меня. А если я не смогу отсюда сбежать, то я лишу себя жизни!

С этими словами юноша вскочил и заметался по квартире, не зная, что предпринять. Он стал хватать со столов и шкафов различные вещи и кидать их на пол. Он вёл себя также, как когда-то полтергейст, который тоже учинил разгром, разбушевавшись в квартире Юрия.

И тут у меня словно открылись глаза, потому что глубоко в душе я вдруг как бы ощутил, что всё, что со мной происходит сейчас, уже когда-то давно случалось, и я встречал ту же самую женщину, которая мне что-то говорила похожее, но немного другое, на что я не очень тогда обратил внимание. Мне встречался и этот юноша, который когда-то сбил меня на велосипеде, а потом проводил меня до дому, и с ним мы о чём-то таком говорили, что я тоже не помнил, но говорил он мне именно то, что только что высказал. Это походило на то, как будто я несколько раз подряд видел один и тот же сон, который забывался, и к которому я каждый раз вновь возвращался, чтобы понять его суть. И женщина походила на Агнию, только была намного её старше, может быть, в данной действительности моё прошлое и моё будущее, каким-то обра-

зом, находятся в единой связке, и я вновь и вновь через время и пространство возвращаюсь к тем значимым периодам моей жизни, через которые я проходил или должен был пройти, что-то уяснив для себя? Как жаль, что я не остановил ту женщину, и не расспросил её о её прошлом, не поинтересовался, был ли я в её жизни, и почему мы расстались с ней. Несомненно, это была взрослая Агния уже лет через десять её жизни. А кто этот юноша?

Я вскочил со стула и схватил его за рукав.

– Пойдите! – вскричал я. – Вы не можете так уйти и расстаться со мной. Нам нужно кое-что выяснить. Мне кажется, что мы с вами уже встречались раньше, может быть, даже в другой жизни, но так до конца и не договорили. Кто вы? Ведь мы уже с вами что-то обсуждали, разве вы этого не помните?

Юноша, удивлённо глядя на меня, покачал головой.

– Да, несомненно, мы с вами виделись, и как-то, может быть, внутренне связаны между собой. Я знаю, что это звучит несколько странно, но мне кажется, что мы с вами можем быть родственниками или братьями. Ведь то, что вы говорите, и что думаете, ни раз приходило мне в голову, и даже, может быть, кому-то я это уже рассказывал. А, может быть, мы с вами являемся вообще двойниками? И такое тоже может быть. Да, да, не смотрите на меня, как на умалишённого. Я читал, что когда-то давно французский психолог Гектор Дюрвилль даже пытался объяснить природу человеческих фантомов-двойников. Он приводил даже случаи раздвоения человека, когда один человек одновременно проецировался сразу в двух мирах, в результате чего, возникали допдельгангеры, полтергейсты и приведения. В подтверждение этой версии он говорил: «Видимое тело с психической точки зрения является лишь орудием невидимого тела. Последнее оживляет первое, в нем заключено сознание. Эти два элемента нашей индивидуальности могут быть разделены во время жизни человека и могут даже существовать на расстоянии независимо друг от друга». Может быть, вы и есть это «невидимое» тело, заключённое в моём сознании, которое оживляет меня. И каким-то образом это тело отделилось от моего тела и живёт самостоятельной жизнью. Ведь может же быть такое?! И вы – это я, а я – это вы, только мы находимся в разных изменениях. Вы обладаете пара-нормальными способностями и относитесь к сущностям высшей категории, являясь как бы изнанкой меня, способной воспринимать мир неким внутренним медиумическим взором. Но странно то, что мы когда-то разъединились с вами, и только по счастливой случайности столкнулись сегодня на улице. А так бы мы продолжали жить ещё, Бог знает, сколько времени, не подозревая о нашем двойном существовании. Но удивительное дело – это то, что нашего слияния не получилось в этот раз. Мы не соединились с вами в единое существо и продолжаем жить порознь. Как же это так получилось? Дюрвилль называет этот процесс «сгущением» и «рассеиванием» сущности. Я вижу, что вы не верите моим словам. Но это, согласно движению тонкой матери, происходит так: рядом с человеком, его физическим телом, всегда находятся два прозрачных святащихся столба, которых он обычно не замечает, иногда они приходят в движение, сближаются или сливаются друг с другом в один столб. Это и есть сгущение, и наша отделённая от нас сущность превращается в призрак или нашего двойника, всё зависит от того, насколько его тёмная энергия сгустилась. Иногда степень сгущения достигает такой концентрации, что призрак превращается в реальное тело. Наше «я» как бы разделяется на два начала, мерцающее облачко нашей сущности, плавающее в этом столбе, темнеет и сгущается настолько, что наша вторая копия, полностью похожа на нас.

– Но в таком случае, – возразил мне юноша, – мы походили бы друг на друга и по возрасту. Но ведь этого же нет.

– Это не обязательно, – сказал я уверенно, – мы разделились когда-то давно, тогда я ещё находился в вашем возрасте. Вы остаётесь в том виде, после того как это случилось, и сохраняетесь до сих пор таким, а я в своём физическом мире постарел. Но мы всегда связаны меж собой невидимой энергетической связью. Пока я находился в том мире, я вас не видел,

и только здесь в этом странном городе, где я, вероятно, погрузился в ясновидящий транс, мы столкнулись, что говорит о том, что эта тяга нас друг к другу всегда соединяла.

– Вы считаете, что я – ваш фантом? – недоверчиво спросил меня юноша.

– Я не знаю, кто чьим фантомом является, – сказал я, – может быть, я – ваш фантом, и моё тело подчиняется вашей воле и вашим мыслям. Может быть, всё, что вы делаете и чувствуете, проецируется на меня, и я подчиняюсь вашей воле, как марионетка. Этому мне не дано знать, но это совсем не существенно, кто из нас есть главный, важно то, что мы оба являемся точной проекцией одной и той же сущности, которой мы принадлежим. Это и есть основное, так сказать, квинт эссенция понимания того, что нас с вами объединяет.

Когда я всё это высказал, то выдохнул с облегчением, как будто только что решил очень сложную непосильную задачу.

Но юноша категорично мне ответил, повысив голос:

– Я этому не верю. Вы – это вы, а я – это я.

И тут в комнате раздался смех, но ни я, ни юноша не смеялись. Рядом с нами находился в этом пространстве ещё кто-то невидимый.

– Кто здесь?! – воскликнул я, приходя в трепет.

В комнате тут же раздался голос:

– Не пугайтесь! Это – я, двойник Юрия. Можете называть меня полтергейстом, приведением или доппельгангером, как хотите. Но суть вы поняли правильно, а вот ваш двойник ни в чём не разбирается в этом мире. У нас с вами схожая ситуация, только, всё наоборот, мой хозяин никак не мог понять простых вещей, когда я ему объяснил, кем я являюсь ему, и мне пришлось устроить разгром в его квартире, так он меня тогда вывел из себя. А вот вы проницательны, а вас двойник – дурачок, к тому же, не поверил истинному положению дел, которое вы ему изложили. Извините, что я не сдержался и вмешался в ваш разговор.

– А мы можем вас видеть? – спросил я его, немного отойдя от испуга. – А то как-то неуютно говорить с неопределённостью.

– Конечно же, вы правы, – отозвался голос, – в этом мире вы можете видеть меня. Так как я в нём наличествую телесно.

Скрипнула дверца шкафа, и из него вышел тоже юноша, но намного моложе моего двойника. Сходства с Юрием не очень было заметно.

– Вас зовут Юрием? – спросил я его.

– Да, – ответил он, – также, как и вас обоих зовут Алексанрами.

Мы с юношей пожали ему руку.

– Хотите выпить? – спросил я его.

– Вино моего хозяина? – спросил он, рассмеявшись. – Не откажусь.

Я налил ему в пластмассовый стаканчик немного вина, и он его выпил.

– Как вы догадались, что встретили своего доппельгангера? – спросил он меня после того, как мы некоторое время посидели молча.

– Я даже не знаю, кем он мне является: доппельгангером или моим вторым «я», отделившимся от меня в его возрасте, – сказал я, подумав, – вопрос этот сложный. Все люди имеют своих фантомов, которых могут видеть только ясновидцы, погружённые в транс. Говорят, что местонахождение незримого для всех прочих людей призрака можно установить с помощью приборов; и если нанести ему удар ногой в бедро, то у двойника сразу появляется там синяк. Так что на физическом уровне я связан со своим фантомом телесной связью.

– Вот поэтому я и не дрался с Юрием, когда мы ссорились, – рассмеявшись, сказал его двойник, – нанести удар ему в скулу было равносильно тому же, что треснуть себя по челюсти. Когда Юрий был в расстроенных чувствах, то и моё настроение портилось. Я старался ему помогать в жизни, обладая чувством предвидения, но он меня не слушался. Тогда я ему поставил условие, чтобы он определился и решил, какой дорогой ему идти. Но он и этого не захотел

сделать. И вот только потом я чудным образом открыл перед ним все дороги, чтобы он хоть как-то чем-то заинтересовался, и он пустился во все тяжкие грехи, решил побывать и тем, и этим, что его и привело в психушку. Я этого совсем не хотел, но с его строптивым характером и упрямством ему внушить что-либо было сложно, и, тем более уж, повлиять на него. Так вот мы и ссорились друг с другом. Ведь если бы мы объединились в наших усилиях, то он давно бы уже стал сверхчеловеком и от его головы бы исходил сияющий ореол, как у святого. Этот ореол бы стал его обиталищем мысли и воли и кристаллом бы его человеческой души. Этот ореол бы соединял нас тонкой связью, и все его человеческие возможности и способности усилились бы многократно. Как не могут понять люди, что их физическое тело – это ничто, а вот их духовная составляющая, которой я и являюсь, это – всё, потому что только в связке с ним я могу воссиять до яркости нимба. В каком-то смысле я и живу в теле Юрия, но он постоянно меня изгоняет из себя. А вот когда его физическое тело умрёт, я освобожусь от его плоти полностью и сохраню самость Юрия на вечные времена. Потому что я – его энергетическая копия.

– И что же вы будете делать после смерти Юрия, – любопытно спросил я.

– Я являюсь как бы энергетическим каркасом Юрия, – пояснил он мне, – без такого энергетического каркаса не рождается ни один живой человек. Я всегда, даже рождаясь в других телах, буду нести его самость. Человеческое тело может исчезнуть, исчерпав свои жизненные ресурсы, я же, как вечное энергетическое поле, всегда буде кочевать из одного тела в другое, неся с собой одни и те же особенности психики, характера и воли, сменяя имена, национальности, места и времена. Я буду жить всегда, потому что я вечен. Сейчас я разделён с Юрием, но надеюсь, что в скором времени мы соединимся и будем всегда с ним вместе до его смерти, и для этого я приложу все свои старания. Юрий не понимает одного преимущества тесной связи со мной, а зря, потому что у меня огромный жизненный опыт и неисчерпаемые знания, так как я живу вечно и уже накопил многие совершенные знания за время предыдущих моих жизней. Если бы он хотя бы установил со мной спиритическую связь, то я помог бы решить ему многие его жизненные проблемы. Нас иногда принимают за ангелов, но люди даже не знают, кто такие ангелы. А мы и есть эти самые ангелы и личные хранители людей. Если бы к нам люди прислушивались, то не наделали бы многих глупостей.

Двойник Юрия перестал говорить, а я сидел, задумавшись, и смотрел на своего двойника-фантома Александра, думая о том, что Юрию повезло с его умным ангелом-хранителем. Вот если бы он и моего ангела обучил всем своим премудростям. Тогда бы я получил отличного помощника в своей жизни.

Мне нужно было возвращаться в общежитие, так как меня уже должна была ждать Агнесса, чтобы пойти со мной вместе в гости к Луиджи. Я посмотрел на свой фантом, юношу, который когда-то доставил меня на велосипеде домой, и улыбнувшись ему, спросил:

– Если у вас нет постоянного пристанища, то вы могли бы пожить на квартире моего друга Юрия, если, конечно, его двойник не возражает.

– Нет, что вы, как я могу возражать, – воскликнул ангел Юрия, – ведь сам Юрий предложил вам пожить на его квартире, пока он лежит в больнице. Ведь так? К тому же, мне было бы не скучно находиться здесь одному, мы бы познакомились и подружились, если вы не против.

Юноша Александр кивнул головой и улыбнулся.

– Вот и прекрасно, – сказал я, поднимаясь со стула, – а мне нужно вернуться в общежитие, так как там меня ждёт одна девушка, которую я люблю, и которая может подвергнуться опасности, так как один не очень добропорядочный господин собирается её обесчестить.

– Да, конечно, идите, – тут же откликнулся ангел Юрия, – если понадобится наша помощь, то можете обратиться к нам, и мы вам поможем.

– Как же я с вами свяжусь? – спросил я озабоченно.

– Просто, подумайте о нас, и мы тут же к вам явимся.

Я поблагодарил ангела Юрия и пожал руку своему ангелу– хранителю Александру.

Когда я вышел из квартиры Юрия, то было уже темно и горел свет фонарей, морозный воздух ударил мне в нос, и я закашлялся. Мир был таким же, как и этим утром, когда я выходил из общежития для прогулки по площади.

Я сел в трамвай и поехал по направлению к общежитию. Народу было немного, и опять я смотрел на отражения пассажиров в стёклах окон, думая о том, что их двойники и ангелы-хранители, вероятно, тоже едут с ними, отвечая за их сохранность и безопасность, а вот мой ангел-хранитель остался на квартире Юрия, чтобы набраться ума-разума.

За этот день многое перевернулось в моём сознании, я яснее стал понимать не только свой физический мир, но и духовный.

Наконец-то, я вырвался из цепких объятий опьяняющей иллюзии, и мне нужно было взглянуть на реальность трезвым и отстранённым взглядом, чтобы понять, где – действительность, а где – плод моей собственной фантазии. Ведь действительность мне только казалась обычной, из-за чего и рождались во мне стереотипы обыденности всего общепризнанного. Но эта общепризнанность и была началом моего стадного заблуждения, и это заблуждение, вероятно, не только наследовал я, но другие обычные люди переносили его из поколения в поколение. Но ведь у всех нас есть и свои собственные чаяния, и мы каждый раз ожидаем от будущего нечто такое, что полностью способно поменять нашу жизнь, сделав нас счастливыми и совершенными, благодаря нашим мыслительным способностям. Мы создаём свои идеалы, которые постепенно преобразуются в некую неотразимо-пленительную магию в нашей жизни, и мы живём этими идеалами, которые реализуются в своеобразные формы выражения наших мыслей, и становятся искусством нашей жизненной правды.

Ведь, так или иначе, вся наша жизнь заполнена отвлечёнными идеями, некими относительными принципами, выработанными нашим опытом, или обществом и законами. Наша жизнь – это нескончаемый полёт через сверкающий жизнерадостный калейдоскоп, переливающийся бесконечно меняющейся разнообразной мозаикой лиц, ситуаций и точек зрения, которые в конце нашей жизни и составляют основную и самую дорогую нашу ценность, какой бы наша жизнь не была. И я это понимал и не отвергал никакого опыта, получаемого мной в моей постоянной погоне за обретением моего присутствия в этом мире. Потому что каждый раз в моей жизни происходил какой-нибудь неожиданный случай. Он возникал внезапно из ничего, лишней раз доказывающий мне, чтоб жизнь реальна, и что в ней существует нечто подлинное. Это порождало некую мысль, хранящую в себе целостное видение мира, и ничего не повторялось в моей жизни, ибо сама моя жизнь была всегда новой и неизбывной, в которой я мог все постигать и достигать каких-то целей, но всё же что-то оставалось неуловимое, самодостаточное и безграничное в каждом мгновении бытия, и я не мог туда ни проникнуть, не понять, что же это такое, что побуждало во мне моё воображение фантазировать и рассуждать, погружаясь в мою внутреннюю рефлексию, но этим и заканчивалось. И вот наконец, мне удалось преодолеть эту границу таинственного момента и оказаться за бортом обыденной моей жизни, в этой странной стихии, которой я ещё не мог придумать названия. Что же это было? Неужели я открыл некий вход в иной мир, простирающийся над нами, более совершенный и духовный?

Только что я был за пределами объективного мира, как бы на изнанке физической действительности. Я не мог осознать ещё того, что это было: игра или правдивость. И это возвращало меня и мою мысль постоянно к глубочайшим истокам некоего сакрального акта, к чему-то непостижимому, но к которому я относился доверительно, веря в то, что эти переживания и составляют всю полноту моего бытия. Я ощущал, что я являюсь не только моим «я», присутствующим в объективной реальности, но существую также, как и тайна духа своей творческой жизни, и ещё я есть нечто вечное и не разрушаемое ни во времени, ни в пространстве, ни в самом себе.

Но я ещё не знал, кто я такой. К тому же, я был ни одним таким в этом мире. Ведь и мои друзья были такими же, как я. Взять хотя бы четверых моих друзей: Сергей, вечно устремлён-

ный в высшие сферы мироздания, и пытающийся построить на земле справедливое общество; Олег, живущий в постоянном духовном вдохновении, словно парящая в небе птица, думающая только о загадках мироздания; Андрей, старающийся разрешить все мировые парадоксы для того, чтобы вывести свою собственную истину; и, наконец, Юрий, который смог обрести своим пронзительным умом то состояние, которое позволяло ему видеть в некоем subtilном мире всё то, что, так или иначе, проецируется на нашу действительность. Именно он подтолкнул меня своими рассуждениями к потрясающему открытию, и я смог проникнуть в некую сферу моего сознания, которая напрямую связала меня со скрытым высшим миром, откуда я и черпал ранее свою духовность. В том мире я встретился со своим вторым я, с моим фантомом, о существовании которого я даже не подозревал. И ещё одно поразительное открытие – я понял, что каждый человек имеет своего фантома в себе, и этот фантом, так или иначе, влияет на его жизнь.

Пережив то, что мне пришлось пережить в этот день, я как бы внутренне изменился. Я подумал, что, вероятно, и мои товарищи меняются, но каждый из нас имеет свой путь изменения, и чтобы понять свой путь, я должен исследовать пути моих товарищей.

«Вот бы неплохо познакомиться с их ангелами хранителями и заручиться их поддержкой, – подумал я, – это бы мне сейчас очень пригодилось при встрече с Луиджи. Они бы помогли мне защитить мою девушку. Из пятерых ангелов, двое уже на моей стороне: мой ангел Александр и ангел Юрия. А так бы было у меня целое небесное войско, с которым легче было противостоять орнитантропу Луиджи с его дьявольским умом и изощрёнными знаниями». В эту минуту я представлял в своём воображении Луиджи в виде Люцифера.

Трамвай остановился недалеко от моего общежития, и я вышел. Агния ждала меня уже в холле общежития.

6. Дружба с двойниками

Я подошёл к Агнии и извинился за опоздание, объяснив, что был в больнице у Юрия. Она спросила меня:

– Как его состояние?

– Сносное, – ответил я, – но, судя по его виду, он идёт на поправку. Может быть, вскоре его выпустят, и он притупит к чтению лекций.

– Хорошо бы, – сказала она, – мне нравится слушать его лекции. Он ведёт их очень интересно.

– Интереснее, чем я? – спросил я, улыбнувшись.

– Ну, у каждого из вас свой стиль, – ответила она, смутившись, – ваши лекции мне тоже нравятся.

Мы вместе поднялись на наш этаж, и я постучался в дверь комнаты Луиджи. Когда мы поднимались по лестнице, я ей сказал:

– У меня есть одна просьба к вам. Когда мы будем уходить от него, то вы дадите мне свою руку, чтобы я чувствовал, что увожу вас от него?

– Это почему же? – удивилась она.

– Я не уверен, что вы выйдете со мной.

– Как это?! – воскликнула она, как будто испугавшись.

– Он обладает паранормальными способностями, – сказал я, – и способен влить на наше сознание, как ему захочется. Он желает оставить вас у себя на ночь. И вы можете, уснув у него прямо в комнате, остаться с ним, не сознавая того, что вы делаете; а мне он внушит, что я проводил вас домой.

– Так он, что же, гипнотизёр? – спросила она со страхом.

– Да, и как я думаю, очень сильный гипнотизёр, – ответил я, – мне уже удалось побывать под её чарами, когда мы как бы вместе совершили прогулку по ночному Риму. Поэтому я не очень ему доверяю, тем более, что тогда он сказал мне, что хотел бы переспать с вами.

– Что вы такое говорите?! – испуганно сказала она. – Если вы не наводите на меня страха, и всё, что говорите, верно, то, может быть, мы не пойдём к нему?

– Ну, почему же, – сказал я, – раз вы хотели у него побывать, то мы пойдём. Может быть, я что-то преувеличиваю, но предупредить я вас обязан, так как несу за вас ответственность, раз мы идём к нему вместе. Просто, будьте бдительны, и держитесь за меня!

– Спасибо, – сказала она.

Мы подошли к его двери, и я постучал. Дверь открыл Луиджи, но увидев меня с Агнией, удивился. Он явно не ожидал, что я буду с ней.

На столе у него стола бутылка шампанского и два бокала. А рядом с тарелками на подсвечнике горели три свечи. Он их тут же задул и включил электрический свет. По его движениям я понял, что он испытывает неловкость, но, быстро взяв себя в руки, он предложил нам пройти и сесть на два стула, стоявшие возле стены.

Не прошло и минуты, как он спросил нас непринужденным весёлым тоном:

– А не выпить ли нам?

Я дал своё согласие. Агния промолчала. Он сразу же достала из стола гранёный стакан (по-видимому, третьего бокала у него не было) и разлил вино. Мы с Агнией пили из бокалов. Луиджи на правах хозяина тут же завязал с нами беседу. Обратившись ко мне, он сказал:

– Помните, вчера мы с вами говорили на тему самоусовершенствования?

Я кивнул головой и сказал:

– Да, я хорошо помню наш разговор. Вы сказали, что «то, что познаёт человек своим опытом, всегда остаётся с ним, это и есть самоусовершенствование». И вы опровергли мой

тезис, когда я говорил, что, возможно, «человек стремится к совершенству, механически, так как идёт путём прогресса».

– Да, – рассмеялся Луиджи, – я кажется тогда сказал, что прогресс тут не причём, особенно технический, он может даже привести к оскудению духовной жизни и деградации человека.

– И всё же я верю в общественный прогресс, – сказал я, подумав, – без общественного прогресса не может быть никакого самоусовершенствования.

– При чём здесь путь прогресса? – усмехнулся Луиджи. – Путь технического прогресса, в основном, оглушает человека, делает его винтиком какой-то машины; отчего человек отучается думать, и делает всё механически, превращаясь в машину. Он уже начинает смотреть на вещи, как на заданную программу, и теряет свою индивидуальность, самостоятельность и свободу. Как раз во время технического прогресса идет не совершенствование, а деградация человека. Чтобы познать истину, нужно разрушить любую систему, отказаться от всяких программ и установок, посмотреть на мир не механически, а творчески. Конечно же, нужно знать и науку, и культуру, и традиции, чтобы создавать что-то ни на пустом месте, но смотреть на всё это нужно через призму обновления, не простого обновления, а улучшенного, усовершенствованного. Только тогда начнётся совершенствование, когда человек познаёт новое. Главное в совершенствовании – это творчество, где самообучение и самовоспитание являются важными элементами начала развития, и где возвращение к первоначалам есть необходимость и вездусущее условие самопознания. Человек, чтобы стать совершенным, пытается постичь истину, которая приходит к нему в виде мудрости или отточенной мысли. Когда в человеке происходит соитие с мудростью, то его прошлое и настоящее приходят в гармонию, традиция соединяется с развитием его творческого потенциала. Музыка не может возникнуть из ничего на голем месте, только хаос рождается так, а прозрение нового строится всегда на определённом опыте прошлого. И этот опыт, выходя за горизонт настоящего момента, открывает в настоящем то, что настоятельно заявляет о себе как некая необходимая ценность, остающаяся потом с человеком на всю жизнь. Поэтому всё идеальное и универсальное – это простой звук, если за ним не стоит ничего стоящего. В мире много всяких умных глупостей, претендующих на совершенство, но все они преходящи, а то, что остаётся с нами, имеет вросшие корни в наших сердцах. Люди стремятся быть совершенными. А что такое совершенство, как не химера, если от него никому не тепло и не холодно? Многие совершенствуются для того, чтобы выделиться среди других. Таким совершенствованием овладеть нетрудно, потому что все мы непохожи друг на друга. Быть идеальным или универсальным тоже легко, так же как иметь незаурядный ум, для этого нужно-то всего отточить своё остроумие и пользоваться им, как модной одеждой. Но такое остроумие быстро теряет свою цену. Можно знать много мудрых выражений и употреблять их по случаю. Но труднее создавать почву, на которой произрастают эти мудрые мысли. Иногда один неповторимый момент, миг бытия, стремящийся осмыслить что-то уникальное в себе, стоит целого фолианта мудрых изречений. По такой почве и нужно прокладывать свой путь, и тогда эта дорога станет путём совершенствования, где дух будет развиваться стремительно, поглощая всё мудрое и рождая полезное. Человек должен жить своими чувствами, а не заимствовать их со стороны. Только свои собственные чувства рожают мудрую мысль, когда человек доверяет себе и остаётся всегда искренен с собой. Только при такой условии можно превзойти себя и познать свою правду, живя от всего независимо и оценивая свою собственную жизнь. Отвлечённые идеи – это мираж, который ничего не даёт ни себе и никому другому. То, что познаёт человек своим опытом, всегда остаётся с ним, это и есть самоусовершенствование. Наверное, и вы понимаете так значение этого слова?

Я кивнул головой, но ничего не сказал. После его высказывания возникла неловкая пауза, и чтобы её прервать Луиджи обратился с вопросом к Агнии, чтобы как-то привлечь её к разговору:

– Вы можете задать мне любой вопрос, и я вам с радостью отвечу.

Подумав, Агния спросила его:

– Что вы думаете о проблемах будущей математики и философии?

Услышав, этот вопрос Луиджи оживился и начал говорить увлечённо:

– Будущее математики и философии связано с музыкой, потому что ничто так благотворно не влияет на эволюцию человеческого духа, как музыка, ведь человеческая мысль всегда музыкальна. А стихи и пение – это законченная форма этой гармонии. Но и в отточенной и ясной мысли всегда звучит гармония. Музыка – это слепок самой нашей жизни, и она всегда органична и состоит из конкретизирующей математики и обобщающей философии, в ней всегда присутствуют элементы инвариантности, то есть, неизменности и релятивизма, то есть, относительности. Любое развитие всего, что бы это не было, опирается на две составляющие тенденции или два принципа. Это – внешнее оправдание и внутреннее совершенство, главный принцип этих тенденция: ни в чём не должно быть демагогии, которая возникает при ощущении достижения Абсолюта, когда мысль перестаёт двигаться и, возвращаясь к себе, отдаётся лишь своей шлифовки и коллекционированию аргументов в свою пользу. Критика должна присутствовать во всём, но она не должна заниматься отрицанием ради отрицания, только при таком движении бывает движение вперёд.

– Но меня интересует не это, – прервала его рассуждения Агния, – какое будущее будет у математики и философии, как они будут развиваться, и соединятся ли вместе?

Луиджи рассмеялся и сказал:

– Всё зависит от того, на что человек обратит своё внимание и захочет ли он узнать, что такое бесконечное будущее. Есть три учения, которые к этому понятию относятся по-разному. Например, онтология увлечена изучением бесконечного бытия, гносеология занята изучением бесконечного познания, аксиология изучает истину, доброту и красоту как воплощение бесконечного. У этих учений разные подходы к изучению действительности. Одни стараются почувствовать наш мир, а другие умозреть его. С глубокой древности философы разделялись на математиков и физиков, олицетворяя собой двуединое отображение Логоса и Сенса мироздания в своём осмыслении и чувствовании. Разрабатывая свою би-валентную логику, состоящую из двух логик, мыслители руководствовались двумя оценками: «истинно» и «ложно», основанной на законе исключения третьего. На вопрос о положении тела в его естественном месте можно дать два ответа, которые определяют покой или движение. Но правомерен ли такой подход к нашей действительности, когда мы переходим к бесконечно би-валентной логике? Ведь вместо двух качественных условий «здесь» и «не здесь» возникает бесконечное множество «здесь», допускающих оценки «истинно» и «ложно». Чтобы определить логический эквивалент теории относительности, нужно вспомнить, что положение движущейся частицы определяется четырьмя координатами, и таким образом входит ещё один параметр би-валентной логики – «размерность». В квантовой механике вводится третья оценка – «неопределённость», и этой ценой исключаем третью, неопределённую оценку для другой переменной. Би-валентная логика превращается в три-валентную, а при ультрамикроскопических трансмутациях и дискретном световом конусе, где частица, меняя место, прекращает своё существование как частица данного типа, что можно назвать моно-валентной логикой. Если учесть, что наш толстый дольный физический мир имеет в проекции ещё и тонкий горний духовный мир на базе тонкой энергетике, то мы придём к логике переменной валентности, где разум неограничен рассудочной устойчивостью категорий, и где существенны свои формальные определения. И в этой новой действительности речь может идти о новых преобразованиях, трансформациях, переходах и изменениях, где происходят изменения фундаментальных представлений, открываются связи картины Вселенной с локальными образами, математики и логики. Эти изменения и образуют то, что в своё время Бор назвал безумием современной физики, а со времён Шекспира мы знаем, что в безумии может быть система, и в эту систему можно найти вхожде-

ние, всё зависит от настройки нашего сознания. В классической науке функцией рассудка было установление законов, а функцией разума – переход к иным законам. Такие переходы означают переход познания через порог бесконечности. Разум, выходящий за пределы рассудка, становится непосредственно осязаемым. Лаплас, как мы помним, говорил, что разуму труднее углубиться в самого себя, чем идти вперёд. Когда мыслитель не только объясняет новые факты с помощью установившихся законов и математической логики познания, так сказать, когда его разум идёт вперёд, но и меняет эти законы, и вот тогда его разум углубляется в себя. Когда человек углубляется в себя, то он познаёт себя.

Слушая до этого момента внимательно, и услышав эти слова, я вдруг мысленно воскликнул: «Вот этот момент истины! Я не узнал себя до тех пор, пока мне не довелось встретиться с собой в другом измерении. Тот юноша совсем не походил на меня, так как он обитал в другой среде. Находясь здесь и сейчас, я отделён от него, но каким-то образом я нашёл переход в другое измерение и встретился с ним. И хоть живём мы с ним в разных действительностях, мы связаны с ним тесной связью. Но как же я попал туда, в ту реальность? Ведь получилось у меня какое-то вхождение, которое я не заметил, поэтому вряд ли могу его повторить».

А в это время Луиджи продолжал говорить:

– Так вот, самое важное в познании мира – это не постигать его своим умом, а почувствовать его своим существом. Любая мысль, которую мы произносим, – это отголосок другого мира. Мысль, сказанная вами или кем-то другим, – это всего лишь промежуточное звено между вами и Истиной. Но чтобы войти в Истину, нужно на неё настроиться, и задействовать Сensus, а не Логос. Почему музыка действует на нас сильнее, чем любая зажигательная речь? Да потому, что люди слагают мысли из своих слов, а музыка приходит в виде звуков к нам неведомо откуда. Мы можем сочинить стихотворение, но даже композитор не способен сочинить музыку, она снисходит на него с Неба уже в полном своём законченном звучании, и принадлежать не ему, а высшему существу, которое вышло с ним на связь. Там, в некоей стихии, кто-то подарил ему эту мелодию, потому что состоялось духовное соитие между Небом и землёй, той небесной сферой, именуемой Храмом, и площадью, на которой стоит человек. И это соитие произошло именно в Театре, где сходятся все концы. Я с этого и начал мою беседу с вами, когда сказал, что философы и математики рождает музыку.

– Так значит, будущее развитие математики и философии заключено в их слиянии? – спросила Агния. – И в будущем будет наличествовать только музыка?

– Совершенно верно, – согласился Луиджи, – об этом я и говорил. В музыке, как нигде, чувствуется бесконечность, где каким-то образом сочетаются соединяющие и разделяющие понятия локального объекта и интегрального бытия. В ней присутствуют и философия и математика, где исходные понятия отображают живую противоречивую сущность бытия, а значит, они могут быть мобильными. Если всё опосредственно, если нет непосредственных абсолютов, то значит их история обладает не только прошлым, но и будущим, и развитие их протекает органично в соответствии с гармонией общего мироздания.

– Всё, что я хотела знать, я услышала, – сказала Агния и встала, – а сейчас мне нужно идти.

Она поблагодарила за угощение. Я тоже встал, намереваясь её проводить. Но Луиджи нас остановил, заметив:

– Я не сказал самого главного. Я не сказал о трёх фундаментальных инвариантных коллизиях – онтологической, гносеологической и аксиологической и соответственно о трёх фундаментальных преобразованиях, которые вытекают из итоговых парадоксов бытия, познания и ценности.

Мы с Агнией продолжали стоять и не садились, а Луиджи продолжал говорить:

– Онтологический инвариант – неотделимость понятий дискретности и непрерывности, вещества и пространства-времени, конечного, локального «здесь-теперь-существования» и бесконечного «вне-здесь-теперь-существования».

Я почувствовал, что мои ноги одеревенели, и я потерял способность произвести хотя бы одно движение. Я застыл, как соляной столб. Луиджи, тем временем, продолжал говорить:

– Это различные преобразующиеся формы одной и той же пребывающей инвариантной полярности. И здесь возникает такая констатация: «прошлого уже нет, будущего ещё нет, настоящее – нулевая по длительности грань между уже не существующим и ещё не существующим». Это и есть исходный парадокс бытия.

«Что же делать? – подумал я. – Я не могу взять за руку Агнию, чтобы вывести её из комнаты. Мне самому нужна помощь. Кажется, мне обещал помочь ангел-хранитель Юрия, да и мой ангел Александр. Как же до них добраться?»

И в тот же момент я очутился на квартире Юрия, где передо мной стояли наши с Юрием двойники.

– Что случилось? – встревожено спросил меня фантом Юрия.

– Мне кажется, что я попал в беду, то есть, нахожусь под полным влиянием воли Луиджи. Не могу пошевелить ни ногой, ни рукой. Боюсь, что я потеряю Агнию, и он сможет сделать с ней всё, что захочет.

Издали до меня доносился голос Луиджи, говорящий:

– Этот парадокс бытия пытались решить все основные философские и научные концепции. В том числе дифференциальное исчисление, стягивающее прошлое и будущее в настоящее, превращающее их в атрибуты настоящего, в том числе, квантовая механика и теория относительности. По-видимому, полярность бытия останется объектом философской мысли на предвиденное будущее.

– Так что же мне делать? – воскликнул я в расстройстве, обращаясь к двойнику Юрия.

– Попытайся крикнуть, что есть силы, – посоветовал он.

Я открыл рот, но из него не вылетело ни одного звука.

– Не помогает! – воскликнул я в отчаянии. – Я не могу кричать.

Тем временем Луиджи продолжал свои объяснения, и я отчётливо слышал его голос:

– Гносеологический инвариант – коллизия логического и эмпирического познания мира – выражение онтологической полярности постижимого эмпирически «здесь-теперь-бытия» и постижимого логически «вне здесь теперь-бытия». По-видимому, эта гносеологическая полярность сохранится, философия и впредь не сможет отделить полюсы познания – эйнштейновское «внешнее оправдание» научных теорий – их экспериментальное, эмпирическое доказательство и «внутренне совершенство» – логическое выведение научных представлений о мире из максимально общих принципов.

– Ну ещё что-нибудь подскажите, чтобы вывести меня из этого состояния! – опять вскричал я, приходя в ярость.

– Попробуйте подпрыгнуть, – посоветовал мне фантом Юрия, – тогда, может быть, ваши члены деблокируются.

Я попытался это сделать, но ни один мускул на моём теле не пошевелился.

– И наконец, – слышал я всё тот же голос Луиджи, – Аксиологическая коллизия сущего и должного, или, как говорил Пуанкаре, изъявительного и повелительного наклонений, также окажется инвариантом: истина останется неотделимой от добра и красоты. Преобразование этих ценностей сохранит и, более того, углубит их инвариантную дополнительную.

– Попробуйте упасть в обморок, – посоветовал мне мой ангел-хранитель Александр.

Я расслабился, и тут же мои ноги подкосились, и я с грохотом упал на пол.

Луиджи и Агния склонились надо мной.

– Что с вами? – спросил Луиджи.

- Лёгкое опьянение, – пробормотал я, поднимаясь.
- Может быть, присядете на стул, – предложил он учтиво.
- Нет, – сказал я поспешно, – нам надо идти.

Я взял Агнию за руку, и мы вышли в коридор. Агния молчала, и я тоже, мне было неловко перед ней за моё падение. Мы стали спускаться по лестнице, и вдруг я услышал в ушах голос ангела Юрия:

– А вы уверены в том, что уведите Агнию из гостей?

– Как это? – удивился я, громко воскликнув. – Я же держу её за руку. Она со мной? Или нет? Тогда кого же я веду?

При этом Агния никак не прореагировала на мой возглас.

– Вы ведёте её фантом, – ответил ангел Юрия, – сама Агния осталась у Луиджи.

– Не может быть! – воскликнул я, не веря своим ушам.

– Тогда поцелуйте её в губы, – последовал ответ, – если она вам не влепит пощёчину, то я – прав.

Я схватил Агнию и поцеловал её в губы, не последовало никакой реакции.

– Вот оно что! – воскликнул я возмущённо. – Значит, он меня опять очаровал, загипнотизировал, а сам остался с моей Агнией вдвоём.

Я оставил фантом Агнии на лестнице и бросился к комнате Луиджи. Ударом ноги я распахнул дверь, хотя она и была на крючке, который от удара деформировался и выскочил из петли.

Луиджи сидел на постели, а на его коленях сидела Агния с опущенными глазами.

– Что это значит?! – в гневе воскликнул я. – Вы приглашаете девушку в гости, гипнотизируете её, а затем оставляете у себя на ночь? После этого вы в два счёта вылетите из института. Завтра же я пойду к ректору и доложу ему о вашем недостойном поведении.

Луиджи убрал Агнию с колен и встал.

– Не делайте этого, – стал просить он виноватым тоном, – мне нельзя сейчас возвращаться в Италию, там у меня не всё в порядке. Извините меня. Не сдержался. Уж очень хорошая девушка. Больше такого я не повторю. Не говорите ничего ректору, пусть это останется между нами. И я вам буду очень признателен.

Не говоря не слова, я взял Агнию за руку и вывел в коридор. Только там она пришла в себя и, как бы опомнившись, спросила:

– Что произошло?

– Вы не помните? – спросил я её.

– Нет, – ответила она, – у меня в голове всё – как в тумане, вроде бы и выпили немного.

– Вы помните, как я упал? – спросил я.

– Нет, – опять ответила она, – а вы упали? Не ушиблись?

– Нет, ничего, – ответил я, – просто поскользнулся на ровном месте.

Мы спустились в фойе.

– Я вас провожу до дома, – сказал я.

– Не надо, – сказала она, – уже поздно. Вызовите мне такси, у меня деньги есть, я заплачу.

– Нет, – сказал я, – пока я не доставлю вас домой в полной сохранности, я вас не отпущу.

Я вызвал по телефону такси к общежитию, мы сели в машину и поехали к ней домой.

В машине я спросил её:

– Как вам понравилась беседа с Луиджи?

– Интересно, – ответила она, – но его взгляд на будущее математики и философии показался мне несколько странным, я бы даже сказала, по-детски наивным. Это же надо додуматься до того, чтобы соединить вместе философию, математику и музыку. Если это когда-нибудь случится, но настанет конец света, всё превратится в хаос.

Она добродушно рассмеялась. Я задал ей ещё несколько вопросов и выяснил, что она абсолютно ничего не помнит о моей стычке с Луиджи, из-за чего я пришёл к выводу, что в какое-то время она была полностью невменяемой. Я довёз её до дома и этим же такси вернулся в общежитие. Поднявшись к себе в комнату, я не стал заходить к Луиджи для выяснения отношений после всего, что случилось. Мне не хотелось его видеть. Было уже поздно. Я лёг в постель и включил радио. Передавали классическую музыку. Перед сном мне хотелось всё обдумать и проанализировать. День у меня выдался сложным. За это время столько было пережито и сделано столько открытий, что голова моя готова была взорваться.

Мне удалось защитить мою возлюбленную девушку от посягательства Луиджи, и в этом помог мне мой двойник. Значит, он не совсем безнадёжен в сравнении с фантомом Юрия, и мне можно на него полагаться. Если б я не вышел тогда из ступора, кто знает, что могло случиться с Агнией и со мной. А это значит, что дружба со своим скрытым я, с моим ангелом-хранителем, может принести мне пользу. Вот если бы объединить всех двойников моих друзей, то тогда никакой враг не страшен...

Мыли мои начинали путаться, я засыпал, музыка не мешала дремать, а наоборот, успокаивала и уводила в далёкую страну грёз. Последними моими мыслями перед сном были такие: «Как хорошо, что в мире есть музыка, где нет слов, но есть прекрасные звуки, ласкающие душу... И всё же я поцеловал Агнию, правда, не её саму, а только её фантом, но всё равно, поцелуй был сладкий...»

Утром я встал рано, все ещё спали. Сделав зарядку и умывшись, я быстро позавтракал и вышел из дома. Я давно уже привык к утренним прогулкам перед занятиями. Но выйдя из общежития, я заметил, что весь город погружён в туман, и в двух шагах от себя я ничего не видел кроме темноты. Было совсем не холодно, и даже по-осеннему тепло. «Уж не попал ли я во вчерашний город?» – подумал я. Всё пространство вокруг меня было заполнено туманом, в котором можно было заблудиться. Ночные фонари не горели, ни машин, ни пешеходов на улице не было. На душе у меня как-то стало неуютно, как будто я попал в другую Вселенную. Но я продолжал идти вперёд, потеряв все ориентиры.

Я подумал: «Вот такова наша жизнь, по которой мы бредём, как слепые котята, не видя ни ясного настоящего, ни туманного будущего, а ещё стремимся к постижению предельности вещей. Но наш путь всегда пролегает в тумане. Мы только предполагаем, какой мир простирается вокруг нас, но ясного ничего не видим. И наш путь – это только движение человеческого духа, это как бы само свидетельство, как говорил Луиджи, нашего «здесь-теперь-бытия». О каком постижении предельности вещей может идти речь, когда находишься в тумане. Но для того чтобы была хоть какая-то ясность, мы сами себе очерчиваем границы, пытаемся представить вещи хоть какими, но в очертаниях границ, произвольно устанавливая им пределы. И так во всём: в нашей речи, в нашем видении перспектив, в нашем обустройстве быта. Эти границы и есть рубежи нашего опыта, потому что если мы не будем добиваться хоть какой-то ясности и не задавать произвольную определённую, то потеряем всякую ясность, понимание и смысл. Да у нас есть какая-то действительность в рамках «здесь-теперь-бытия», но если это совсем не действительность, и мы находимся «вне-здесь-теперь-бытия», то тогда мы можем потерять центростремительный ход мысли и распадется всякая смысловая законченность, как это происходит в тумане. Потеряв ориентиры, мы потеряем себя в пространстве. А когда нет своего «я» в пространстве, то сложно ощутить своё наличие в мире. Человеку всегда нужны какие-то лекала, рельсы или хотя бы тропинки, по которым можно куда-то двигаться, даже в тумане. Всё мы стараемся записать в какие-то рамки! Но так только и можно обрести себя. Как это хорошо – обрести себя! Когда обретаешь себя, то можно обрести и друга, и если даже не друга, то хотя бы его сущность. Как только я так подумал, то тут же из тумана выступили две фигуры, и я сразу же узнал их: это были Александр и Юрий, наши с другом двойники.

– Вот как?! – воскликнул я. – Стоило мне о вас подумать, и вы уже здесь.

– Да, – ответил Александр, – вы только что сами с собой говорили о постижении предельности вещей, так вот, законченная мысль человека является одним из способов такого постижения. Сама мысль человека материальна и способна осуществляться. Словами мы творим то, что думаем, потому что в пустоте при помощи речи производится очерчивание границ и установление пределов. С помощью слова человек задаёт определённую данность, которая и осуществляется. Мысль человека как бы концентрирует в пространстве определённый ступок энергии, который, наполняясь смыслом, создаёт определённые формы и черты.

– Значит, – сказал я, – как только я подумал о вас, вы сразу же и нарисовались.

– Можно сказать и так, – рассмеявшись, сказал Юрий, – вы только что сами подумали, что центростремительный ход мыслей обладает смысловой законченностью. Мысль человека вездесуща и всепроникновенна. Она легко может из одной головы переместиться в другую. Уж мы то это знаем, являясь сами эхом человеческого сознания.

– У людей все мысли одинаковы по форме, но разные по содержанию, – заметил Александр, – все люди мыслят одинаково, но по-разному. Одинаковость заключается в том, что когда этот центростремительный импульс возникновения самой мысли концентрируемся в точке стяжания, то обычно он производится средствами синонимического параллелизма, и тогда в результате оформления самой мысли всегда привносится что-то своё неповторимое и новое, что и отличает одну мысль от другой. Правда, некоторые люди просто повторяют чужие мысли, когда не хотят мыслить самостоятельно, поэтому и рождаются крылатые выражения и афоризмы, своего рода, образцы стереотипного мышления.

– Я не люблю, когда люди говорят афоризмами, – заметил фантом Юрия, – афоризмы убивают мышление; это – ложный путь философского высказывания, он искусственно самостоятелен и устранён от реальных связей, он ничего не поясняет, а только констатирует, поэтому и лишён мышления. Крылатые фразы и выражения часто говорят по разным случаям, и не всегда понятен их смысл, потому что иногда их употребляют ни к месту. Можно сказать, что повторение чужих мыслей знаменует конец размышления, где очерчивается граница познания и ставится мысль перед бездной немислимого, а само слово укореняется в неизречённом. Когда мыслят крылатыми выражениями, то повторяют лишь неповторяемое, к тому же, ещё и считают, что то, что разворачивается перед их глазами, относится к заурядной ситуации, часто встречающейся в жизни, хотя сама жизнь как раз доказывает обратное. Такие крылатые выражения завязывают мысль в узел; и речь, пестрящая такими узлами, становится мёртвой, засушенной, как гербарий. Ведь наше мышление и наша речь должны быть всегда живыми и струящимися, наполняющими нас мудростью и свежестью впечатлений, как горные ручьи. Только мёртвое общество и общество дураков говорят крылатыми фразами и афоризмами. Когда человек привыкает говорить афоризмами, он начинает говорить механически и мыслить механически, в механическое превращается его сердце, он не способен уже ни чувствовать, ни разбираться ни в чём

Слушая их речь, я восхищался их остроумием и думал: "Вот что рождается от погружения в себя, где постоянно происходит внутренняя духовная работа". И я сказал им:

– Позвольте мне поблагодарить вас за вчерашнюю помощь. Если бы не ваша поддержка, не знаю, что бы было со мной и моей девушкой. Правда, она ещё не моя девушка, но я надеюсь, что когда-нибудь она станет моей.

Оба двойника улыбнулись, и Юрий ответил:

– Рады всегда прийти вам на помощь.

– Этот субъект остаётся в нашем городе, и ещё может много чего натворить, – продолжил я говорить, – он силён и, как я понимаю, среди нас нет никого, кто бы мог противостоять ему по силе внушения и интеллектуальным способностям. У меня есть ещё три друга. Они – мои коллеги-преподаватели, и, я думаю, у них наверняка есть такие же двойники, как вы, Я полагаю, что вы их знаете, потому что мы часто собираемся вместе и ведём философские

диспуты. Вот если бы нам всем объединиться вместе, тогда бы наш общий потенциал воли и разума превысил его, и мы бы его победили.

Я думал, что они встретят моё предложение с энтузиазмом, но вместо этого, они пожалы плечами и как-то странно и с удивлением посмотрели на меня.

– Вам не нравится моя идея? – спросил я.

– Идея неплохая, – ответил Юрий, – но от этого объединения не будет никакого толка.

– Это почему же? – удивился я.

– Ну, мы друг друга не знаем, – сказал, передёрнув плечами Юрий, – хотя и часто видимся во время наших встреч. К тому же, у нас разные интересы, и некоторые их интересы не совпадают даже с интересами их хозяев.

– Это как же? – удивился я.

– Ну, у каждого из наших хозяев есть затаённые желания и таланты, которые они не выставляют наружу, и в конце концов, их зарывают или с ними расстаются. Так вот, чтобы сохранить эти таланты, мы, их фантомы, пытаемся их сберечь и втайне от них развивать. И они об этом даже не подозревают.

– Но это же хорошо! – воскликнул я. – Вы сберегаете их драгоценности, которые им в будущем могут понадобиться, и вот когда-нибудь они с удивлением узнают, что их таланты сохранились. И они будут вам благодарны.

– Вряд ли, – заметил Александр, выразив на своём лице удивление, – вот, например, у вас есть талант футболиста, но вы же его никогда не развиваете, а в детстве вы очень хорошо играли в футбол.

– Не представляю себя сейчас с мячом, – сказал я, невольно пожав плечами, как это делал Юрий, – да и времени у меня сейчас для этого нет.

– Вот видите, – сказал Александр, – ни во всём мы можем сойтись с нашими хозяевами.

– К тому же, – заметил Юрий, – вы – только первый из них всех, кто признал своего двойника. Даже мой хозяин считает, что я не существую.

– Но в этом положитесь на меня. Я приведу им убедительные доказательства вашего существования. Сегодня же в обеденное время я поведаю им о вас. А вы могли бы сблизиться с их двойниками. Ну, пригласите их на квартиру Юрия, всё равно он пока лежит в больнице. Когда вы все вместе там соберётесь, я предложу вам свой план действия. Я уверен в успехе нашего предприятия.

В это время я услышал звонок будильника. Туман рассеялся и перед моими глазами возникла комната в общежитии, а я лежал в своей постели.

– Вот оно, значит, что! – воскликнул я разочарованно. – Всё это мне приснилось. А мне показалось, что я и в самом деле проник в их мир. Но вчера же я физически встречался с ними, и имею все подтверждения этого. Так значит, сон и явь также переплетаются, как наш и их мир.

Я быстро вскочил с постели и посмотрел на часы. Это утро я проспал из-за вчерашней усталости; нужно было срочно бежать на занятия в институт; благо что институт располагался в пяти минутах ходьбы от общежития. Я быстро оделся и умылся, схватив папку с лекциями, выскочил из общежития.

Этот день проходил, как обычно. Мельком я увидел Агнию (в её группе у меня сегодня не было урока), она поблагодарила меня за вчерашний вечер. Ближе к обеду я встретился с Луиджи, который всем своим видом показывал, что ничего не случилось, был ко мне внимателен и доброжелателен, но я поздоровался с ним холодно.

В обед мы с друзьями вчетвером собрались в студенческой столовой.

– У меня есть предложение, – сказал я, когда мы расположились с нашими тарелками за столиком.

– Какое? – спросил Олег.

– Вы, как математики и физики, очень хорошо знаете, что картина мира со временем меняется, – начал я говорить издали, подготавливая друзей к своим кардинальным выводам, – хоть когда-то наш идейный наставник и отец всех народов и говорил, что логика совпадает с теорией познания, но сейчас имеется множество мыслителей, которые опровергают этот постулат, и считают, что человеческая логика не всегда помогает познанию и пониманию новых открытий, потому что наша логика – это ловушка, из которой мы не можем выбраться. Поэтому так быстро последнее время меняется понимание картины мира.

– О чём ты хочешь сказать? – спросил меня Сергей, оборвав мою речь. – Говори прямо, не тяни кота за хвост.

– Минутку терпения, – старался успокоить я его, – иначе вы не поймёте то, что я хочу сказать, и не поверите мне. А если вы не поверите мне, то нам всем не избежать неприятностей.

Друзья успокоились и стали меня слушать.

– Так вот, – продолжил я, – в нашей истории было три, а может быть, четыре ступени понимания мира. Первая античная ступень от Демокрита до Платона и диалектики Гераклита: Демокрит вслед за Левкиппом включил в картину мира «бытие» – атомы и «небытие» – пустоту. Небытие уже тогда играло роль эвентуального бытия – это места атомов, оставленные и ещё не занятые атомами, говоря другими словами, это бытие, лишённое чувственной, актуальной компоненты, но это реальность, только оторванная от другой компоненты, как бы опустошённая. Вы меня понимаете?

– Ну и что дальше? – спросил меня Андрей.

– Платон абсолютизировал это опустошённое бытие, превращая физическое бытие в геометрическое, в то время он ещё не был знаком с торсионными полями и флуктуациями, но уже как бы предвидел возникновение теории относительности и квантовой механики. Так вот, он пространственные формы субстанции, освобождённые от воздействующего на органы чувств физического заполнения, объявил пророчески реальностью, дав им имя идеи и считая их подлинной действительностью. Гераклит, который дожил до Демокрита и Платона, подошёл ближе к живой и конкретной картине движущегося и изменяющегося бытия, считая субстанциональный энергетический огонь как бы заменой одной формы бытия на другую, в чём и видел физический процесс обновления мира. Позднее, во времена эпохи возрождения, Гассенди возвратился к «бытию» и «небытию» Демокрита. Декарт заполнил «небытие» – оно как бы отождествилось с «бытием» и исчезло в качестве самостоятельной компоненты реальности. Тело и место тела отождествились. Эвентуальное бытие данного тела стало актуальным бытием другого тела. Спиноза в своём представлении о природе вернулся к представлению о субстанции, которое включает своё обновление. В этом обновлении реализуется небытие, границы модусов. Определённость модусов состоит в их отрицании и их превращении в определённое ничто. Уже в новое время Гольбах синтезировал атомистику Гассенди с физикой Декарта и динамизмом Ньютона, откуда и тянется логическая линия к Беркли и Юму. Беркли был слишком уж заумным философом, и всё только напутал в представлении картины мира. Он абсолютизировал принципиальную постижимость бытия в конструкциях разума, где существующее и несуществующее поставил рядом. Шёл-то он правильным путём, но только вот выводы сделал некорректные. Основной фарватер познания у него следовал к трактовке того, что не существует, по его мнению, но входит в конструкцию разума в качестве эвентуального бытия, некоторых эвентуальных определений действительного, реального, материального бытия. Поэтому он стал отрицать существование этого объективного бытия, и полностью опустошил мир, превратив его в мысль о мире. Юм же, противореча Гольбаху, разорвал бытие на сенсуально постижимые элементы, а Кант их связь – пространство, время, причинность – переносит в субъективный мир и лишает природу Демокритова «небытия», которое связывало чувственно постижимые объекты и позволяло их рассматривать в движении.

– Так в чём же суть вопроса, который ты хочешь нам предложить? – спросил Олег, окончательно потерявший терпение.

– Суть вопроса в том, – сказал я спокойно, – что многие философы приближались к очень разумному осмыслению мира и пониманию главной тайны мироздания, но у них не хватало ни сил, ни терпения сделать последний шаг к открытию, который сделал я.

После таких слов мои друзья переглянулись.

– Я открыл изнаночный мир, – продолжил убедительно говорить я, – который соединяет действительность здесь-теперь бытия с другой реальностью вне-здесь-сейчас бытия, где мы также наличествуем, имея своих двойников.

Друзья посмотрели на меня широко раскрытыми глазами.

– О чём ты говоришь? – спросил меня Олег.

– Я говорю о том, где я уже побывал, и где завёл своих друзей.

– В психушке что ли? – спросил меня Сергей.

– Нет, – ответил я серьёзно, – я был в том измерении, где присутствуете и вы.

– Как это? – воскликнул Андрей.

– Там находятся ваши энергетические двойники, – сказал я, – с которыми вы можете встретиться.

– Не может быть, – сказал Олег, – я очень сомневаюсь, что где-то есть мой энергетический двойник.

И тут на моих глазах произошло чудо, я увидел за спинками стульев стоящих двойников моих друзей. Они были такого же вида и возраста, как мои друзья, и почти ничем от них не отличались. Увидев их, я удивился и подумал: «Почему же мой фантом и фантом Юрия выглядят моложе нас?»

На реакцию удивления моих друзей, я сказал им:

– Вы можете видеть их своими глазами.

– Где же это мы можем их увидеть? – спросил с иронией Олег.

– Они стоят за спинками ваших стульев.

Инстинктивно все трое друзей повернулись, а потом рассмеялись.

– Ну и подловил ты нас своей шуткой! – воскликнул Олег. – А мы купились, как простачки.

– Вы их не видите? – уже мне пришлось удивиться.

– Ну как же, видим, – ответил, смеясь, Андрей, – они стоят рядом с нами, ожидают, когда мы покончим с нашей трапезой.

Я понял, что они не верят ни одному моему слову. Тогда я воззвал к их последнему научному аргументу, сказав буквально следующее:

– Раз вы продолжаете стоять на вашей позиции, считая, что не может быть изнанки мира, то давайте вернёмся к нашей прошлой беседе, когда мы говорили о том, что одним из самых основных понятий вашей «Диалектики природы» является несводимость сложных форм движения к более простым. Сам этот тезис о несводимости сложных форм движения к простым означает, что объективный субстрат мира – это система, бесконечно сложная в целом и бесконечно сложная в каждом отображающем целом и именно поэтому бесконечно сложном элементе. Поэтому многое ещё учёным в строении мира недоступно пониманию, но иногда сами эти вещи прорываются наружу и заявляют о своём существовании самым настойчивым образом.

– Неужели это делают наши двойники? – рассмеявшись, спросил меня Олег.

– Вот вы можете не верить мне, можете осмеивать меня, но то, что в мире происходит, оно происходит помимо вашего желания или неверия. Вам просто не хватает пока знания понять это, и опыта это услышать и увидеть.

– Так, значит, помимо того, что ты их видишь, ты их ещё и слышишь? – смеясь, спросил Андрей.

– Я их слышу и даже с ними разговариваю, – подтвердил я, – и они мне высказывают свои откровенные мысли.

– Но почему же мы не слышим их сокровенные мысли? – спросил Андрей.

– Чтобы слышать их сокровенные мысли, – сказал я, – нужно выйти с ними на связь, или хотя бы признать их существование.

– Что же это за сокровенные мысли такие? – спросил Сергей.

– А вам не кажется, что в каждом из нас живёт кто-то, кто намного умнее нас, кто нам вовремя подсказывает какие-то умные решения наших сложных жизненных проблем, или указывает нам выход из сложных обстоятельств, а также подталкивает нас к каким-то открытиям. Он живёт глубоко в нас, и если мы прислушиваемся к его голосу, то он нам во всём помогает, спасает нас от бед, рождает в нас желания быть лучше и талантливее, то есть, раскрывать свои скрытые таланты, и даже можно сказать, руководит нами в жизни. И для того, чтобы его понимать, нам надо всего-то к нему прислушиваться, то есть, настраиваться на его цепь мыслей. Он совсем не нуждается в доказательствах своего существования, но он постоянно отсылает нас не к другому суждению, а к смыслу, схороненному в нём самом. И этот смысл есть некое единение с вами в смещении слов и молчании, как бы всего наличествующего и отсутствующего. Когда вы пытаетесь о чём-то помыслить, он начинает мыслить вместе с вами, предлагая вам на выбор разные планы бытия, несовместимых по значению, и как бы играя с вами, подсказывает вам нужный вариант своего решения, заставляя вас сделать верный шаг в решении чего-либо. Иногда смысл сокровенной мысли ускользает от вас, если даже вам всё мнится абсолютно ясным, но он заманивает вас к себе даже бессмыслицей, но именно эта бессмыслица и открывает вам глубокий смысл всего. Иногда вы не ведёте с ним никаких диалогов, но он говорит вам всё нужное вам, и чем меньше он тратит на вас слов, тем больше он вам говорит. Он и есть наше скрытое и сокровенное я.

– И что же, – спросил Сергей, – он живёт в нас своей скрытой жизнью?

– Может быть так оно есть, – ответил я. – нам трудно это понять, потому что он живёт в другом измерении и является нашим светом. Помните, как говорил Герман Гессе: «И в нас горит извечный свет, свет, для которого истления нет, он должен жить, а мы должны уйти». Даже когда мы умрём. Он будет продолжать жить, и возможно найдёт пристанище уже в другом теле.

– Ты говоришь очень мудро, – сказал Олег, – мы допускаем, что в нас есть наличие нашего второго я, но доказать это с научной точки зрения весьма сложно.

– А он и не требует доказательства, – ответил я, – просто он владеет всеми твоими сокровенными мыслями. Как говорят на Востоке: это благодаря ему «говоришь всю жизнь – и ничего не скажешь. За всю жизнь не произнесёшь ни слова – и всё выскажешь». Так вот, это сказано о нём. Вы можете относиться к своему двойнику, к своему второму я, как к неопределённой данности, но он хранит в себе произрастание, само-трансформацию мысли, выявляющую границы всех понятий. Это через него мы связаны и с идеями, и с некой витальной сущностью, наделяющую нас силами. Он всегда даёт нам энергетический импульс и отзывается как эхо откликом на предвечное присутствие бытия, возврата к тому, что уже есть, но неизменно предстаёт как другое. Он никогда не говорит с нами напрямую, так как оставляет нам свободу выбора, поэтому он иносказателен, в нём всегда именуется нечто такое, что вовек отсутствует, и, однако, не является самостоятельной сущностью, которую можно назвать или определить. В нас всегда есть внутренняя прерывность смысла, но он заставляет нас обращаться к некому первичному пониманию, которое не может быть выражено в понятиях, но косвенно удовлетворяется самим фактом нашего мышления и даёт нам знать о сокровенной жизни сердца Неба и Земли, потому благодаря своей вечности он связан с Высшим разумом и Высшей Субстанцией.

– Но мне вот не понятно, – сказал Сергей, – почему такое раздвоение происходит в нас, да ещё такое, что мы внутри себя как бы разделяемся на двух лиц? И если есть такие двойники, то почему мы их не замечаем, и не ощущаем их присутствия в себе или возле себя.

– Так уж устроена природа, – ответил я, – оно и понятно, ты не задумывался над тем, почему мы обладаем разным пониманием? В нас есть понимание интуитивное, не-формализуемое и понимание объективизированное, логически упорядоченное, и понимание предваряющее и понимание представленное. Все они едины и не едины, но они друг друга определяют и поддерживают. Их двуединство многое объясняет в совпадении краткости и полноты, присутствующим нашему интеллекту, который является суверенным творцом и распорядителем смысла, который постоянно вращается вокруг попытки что-то обозначить при наличии чего-то не-обозначаемого. В этом труде принимает участия наряду с нами ещё и наш двойник, и так создаётся как бы иерархия в нашем сознании из первичного и вторичного. И в этом споре мерилom всего выступает то «старое сознание», которое принадлежит нашему второму я, приводящему нас к безусловному пониманию, так как оно объёмлет все смыслы, что может зафиксировать человеческий разум. Он и создаёт своего рода предвосхищение: прежде чем сделать первый шаг, мы уже у цели; прежде чем открыть рот, мы уже всё сказали; прозрение приходит прежде, чем успеешь понять. И этой мудростью наделяет нас наш двойник, наше второе я. Но наша связь с двойником не всегда бывает обоюдной. Поэтому мудрецы говорят, что всякое непонимание есть в действительности недопонимание с нашим двойником. С ним мы в любой момент уже всё знаем, поэтому мыслить и обозначать отдельно от него – значит всего лишь проводить межи в необозримом поле посредования смысла, то есть, проводить границы внутри предельности. Это – своего рода ограничение и даже, можно сказать, неудачная интерпретация уже известного, это – всё равно что как писать белым по белому. В тесной связке со своим двойником всё диктуется законом экономии выражения: чем меньше будет сферы условного, объективного смысла, тем больше простора высвободится для смысла, как открытости бытия. Мы слишком тесно связаны со своими двойниками, поэтому и не замечаем наших внутренних помощников и руководителей, постоянно поправляющих нас.

– Но раз мы их не замечаем, – нетерпеливо прервал меня Олег, – то зачем о них говорить. Разговор какой-то пустой получается! И зачем тратить на это время, если нельзя их глубокое соединение с нами рассмотреть ни через телескоп Спинозы, ни через микроскоп Лейбница?

– Да, – поддержал его Сергей – толчём воду в ступе из пустого в порожнее.

– Ты тоже так думаешь? – спросил я Андрея.

Он покачал головой и сказал:

– Не знаю даже, что об этом подумать, но считаю всё же, что наш разговор какой-то беспредметный.

Видя всю бесполезность продолжения нашей беседа, я сказал друзьям:

– Раз так вы все думаете об этом, то тогда разрешите мне поработать с вашими двойниками, сплотить их и призвать, чтобы они повлияли на вас благотворно.

Услышав эти слова, друзья дружно рассмеялись, и Олег сказал:

– Делай с ними, что хочешь, раз они вышли с тобой на связь. Мы не возражаем, подружись с ними, а потом расскажешь нам, чего ты с ними добился.

Он встал из-за стола, остальные друзья последовали его примеру. Тогда я сказал им:

– Вы можете идти, а я останусь с вашими двойниками и познакомлюсь с ними поближе.

Друзья расхохотались, а Олег воскликнул:

– Хорошее завершение шутки!

Мои друзья ушли, а их двойники продолжать стоять возле их стульев. Я предложил им присесть, и они сели на места своих оригиналов.

В столовой в это время было много народу, так как не закончился ещё большой перерыв между занятиями. Студенты сидели вокруг за соседними столами, разговаривали друг с другом,

смеялись, делились последними новостями. Кое-кто собирался сесть на освободившиеся места за моим столиком, но я им не разрешал, ссылаясь на то, что все места заняты. Так как все были увлечены своими делами, то на меня никто не обращал внимания, и даже когда я говорил с двойниками моих друзей, и со стороны могло показаться, что я говорю сам с собой, но это не бросалось в глаза, так как многие студенты говорили по сотовым телефонам через микрофоны, не вынимая гаджетов из карманов.

Когда двойники разместились за моим столом, я сказал им:

– Вот видите, ваши боссы предпочитают вас не замечать, и препоручили вас мне, чтобы я провёл с вами объединительную беседу. А Олег даже сказал, что я могу делать с вами всё, что захочу. Но имея большое уважение к вам, я, конечно же, его слова принял за шутку. И более того, я хотел бы с вами подружиться.

– Спасибо, – сказал двойник Олега, – мой хозяин не сдержан на язык, и часто говорит весьма легкомысленно о серьёзных вещах. Мы тоже любим шутки и умеем шутить, но к своим оригиналам относим уважительно, хотя они часто ведут себя как дети. Мы, в общем-то, и сами как дети, только вот не известно кто из нас кого породил: они – нас, или мы – их.

Двойники дружно рассеялись, почти так же, как и мои друзья. Во всяком случае я не нашёл, меж ними пока никакого отличия. Мне даже показалось, что друзья вновь вернулись и расселись на свои места.

Двойник Сергея сказал мне:

– С нами встретились брат Александр и брат Юрий, и сказали, что вы хотели познакомиться с нами, встретившись на квартире Юрия, а потом сказали, что вы запланировали встречу с нашими оригиналами, и хотели на этой встрече рассказать им о нас, а также нас всех перезнакомить. Но мы-то знаем друг друга очень давно, только вот жаль, наши хозяева о нас ничего не знают. Поэтому на эту встречу мы пришли с большим интересом и с удовольствием выслушали ваши объяснение о картине мира и наличии в нём нас. Только вот жаль, что наши оригиналы не поверили ни одному вашему слову.

Я заметил, что друг друга они звали братьями, и успокоил его:

– Подождите! Москва не сразу строилась. Постепенно я постараюсь убедить их в вашем существовании, а потом, когда они созреют, представлю вас им.

– Хорошо было бы, – сказал брат Андрей, – а то мы столько для них делаем всего полезного, а они нас полностью игнорируют.

Брат Сергей добавил к его словам:

– Если бы они держались за нас крепкой хваткой, но, наверняка, добились бы в жизни больших успехов и реализовали бы себя по максимуму.

Мы разговорились, и я заметил, что хозяева и их ангелы-хранители были похожими друг на друга по характеру, привычкам и наклонностям. Общаясь с ними, я наблюдал за их речью, поведением и проявлением эмоций.

Я заметил, что брат Сергей и сам Сергей хоть и были похожи друг на друга своими особенностями, но ангел-хранитель был намного сильнее своего подопечного во всём и имел на него большое влияние. Поэтому под его воздействием сам Сергей, прислушиваясь к своему внутреннему голосу, которое ещё называют «эго», изменялся вместе со своими мыслями по пути устойчивости. Он видел смысл и радость в жизни только в учении, в неустанном усилии самосовершенствования, в выправлении себя. Но, вместе с этим, он, почему-то, думал, что имеет право совершенствоваться и своё окружение, хотя его окружение, возможно, желало совершенствоваться по своему собственному пути развития. На что ему ни раз указывал его ангел-хранитель. Получалось, как считал брат Сергей, что его хозяин пытается навязать своё виденье движения вперёд самой природе. И хотя он был вовлечён в нескончаемый процесс учения и самовоспитания, раскрывая все свои способности, всё же его мысли и усилия развития носили

всегда его личностный характер, так как он не учитывал того, что мир разнообразен, и каждая единичность развивается по своей воле.

Конечно же, и сам Сергей прилагал для самоусовершенствования много стараний. Он мне всегда казался скромным трезвенником и очень практичным, и его взор всегда был обращён к внутренней, самодостаточной, не нуждающейся в наградах работе духа. Он был проникнут верой в добрую волю человека, в единение разума и жизни, и в творчество культурного начала в человеке, которое в основе, как я полагал, как раз и являлась жизнью, пронизанной сознанием и сознательно проживаемой. Сергей верил в начальную осмысленность жизни, потому что он более всего чурался крикливых фраз и вызывающих поступков. Он не стремился блеснуть ни остроумием, ни глубиной умозрения. Он считал себя мудрецом и великим учителем, поэтому думал, что имеет право соединять неразделимо своё собственное учение и жизнь, чтобы мерой величия человека считать не его ум, не талант и даже не заслуги, а вечно живую в его жизни способность снова и снова возвращаться в мир с каждым мгновением сознательного и одухотворённого существования – единственного, делающего человека человеком.

Брат Сергей говорил мне:

– Всех нас, ангелов-хранителей и наших подопечных, ведёт по жизни музыка. Только небесные звуки помогают нам всегда интуитивно находить нужные решения, расслабляют нас или наполняют особым импульсом. Для ангела-хранителя музыка даже важнее мыслей, по сравнению с человеком, потому что именно музыка спускается на нас с небес. Это она порождает все мысли.

– Кто же вам нравится из всех великих композиторов? – спросил я его.

– Мне нравится барочная музыка, – признался он, – но из всех композиторов больше все мне приятны Бах, Глюк, Гендель и Гайдн, а Сергею нравится Гретри.

– А вам кто нравится? – спросил я Олега.

И он ответил мне:

– Я обожаю Луиджи Росси и его оперу «Орфей».

Я удивился, услышав о его предпочтении, эта опера была мало известной и исполнялась крайне редко.

– Это, кажется, первая опера, созданная в мире? – уточнил я.

– Совершенно верно! – воскликнул он. – Это – начало истинной музыки и возвышенной духовности.

– И Олегу нравится эта опера? – спросил я.

– От неё он без ума, – ответил брат Олег, – он готов её слушать в любое время дня и ночи.

Я подумал, что так случайно можно обнаружить скрытую сторону человека, которую он старается не афишировать. И ещё я подумал, что истинного Олега я знаю мало. Конечно, склад мышления у Олега был несколько другой, чем у Сергея и, как мне казалось, больше соответствовал мирозерцанию древних мудрецов, у которых органическое единство чувства и мысли всегда рождалось при помощи образного размышления, а умозрительные выводы пробуждали фантазию. Олег был всегда спокоен и самоуверен, и я думал, что его творческий потенциал с его непритязательно-возвышенными суждениями проистекал из его чистого душевного покоя и вне-субъективного сознания, которое замыкается в себе, но чутко внемлет бытию, ищет живой и интимной связи с миром. Иногда мне казалось, что Олег как бы впадает в состояние «само-помрачающегося» разума, который сознаёт свою несводимость к данным опытам или умозрения. Он имел разум, удовлетворяющий себя в акте самоопределения, и потому повинующийся властному требованию никогда не повторяться, всегда быть открытым новому. Поэтому я удивился, услышав, что Олег увлекается самой старинной оперой из репертуара Европы. Он вдруг представал передо мной как бы в новом свете, как бы видоизменяя свой образ. И в этом я видел его постоянно изменяющуюся сущность, которая следовала своим собственным путям трансформации посредством своей обострённой интуиции.

Я сидел с двойниками моих друзей и тихо радовался возможности проникнуть в их души. Такая возможность не всегда предоставляется человеку – узнать своих друзей так же хорошо, как знаешь самого себя.

Больше всего мне хотелось расспросить брата Андрея о его хозяине, потому что мне казалось, что из всех друзей ближе по духу после Юрия является он. Мне даже казалось, что мы с ним чем-то похожи.

Андрей так же, как и я, считал, что истина находится вне всяких противопоставлений, в том числе вне оппозиции истинного и ложного. Это давало ему возможность также, как и мне, мгновенного и внезапного прозрения, и истина открывалась нам без всякого подготовительного периода, неожиданно и вся целиком. Он и раньше говорил мне, что можно говорить об истине и не знать её, но можно знать её и не говорить о ней. И это считал он врождённым прозрением, полагая, что всякие словопрения о правде бесплодны. Его даже мне иногда было трудно понять, так как он говорил быстро и как бы несвязно, потому что его мыслительный процесс опережал процесс его говорения. Такое же иногда случалось и со мной, когда мысль убегала вперёд, а слова отставали. Поэтому у него, также, как и у меня, речи иногда казались безумными, полными парадоксов и шокировали откровенной бессмыслицей. И даже мне, чтобы его понять, приходилось напрягать мой ум, чтобы поспевать за его невербальными мыслями. Цель и назначение этого напряжения, как я полагал, было не понимать сообщаемые вещи или суть чего-то, а выявлять границы мысли нашим пониманием. Необходимо было самому изменяться и подстраиваться под него, чтобы понять его. Ведь границы невозможно было преодолеть, не изменив своего способа существования. Его мышление можно было бы назвать ещё некой первозданной субстанцией, которая пробивалась изнутри его, пытаясь выбиться из абсолютной неопределённости его бытия, чтобы расширить безграничное поле его опыта в своей сопричастности с мирозданием. Поэтому слова только мешали ему постичь истину, так как они были всего лишь стихией чистой игры, где неопределённость человеческого существования испытывается непосредственностью бытия «мира в целом». Это была уже не игра, а нечто похожее на сражение, где каждое мгновение решается вопрос жизни и смерти, где нет выбора между бытием и небытием, где, в сущности, ничего не разыгрывается и никто не играет, где творится то, что и должно твориться. Это было как нахождение подлинного истока жизни и существования, как вхождение в истинное творчество.

Поэтому из всех композиторов Андрей любил больше всех Бетховена, но ему также нравилась музыка Берлиоза, Вагнера, Сен-Санса, Штрауса и Клода Дебюсси.

Он был часто порывист в чувствах и непредсказуем. Поэтому говорить иногда с Андреем было очень сложно, так как он часто говорил отрывисто, и диалоги с ним походили на ломанный след лыжного слалома по крутой горе, где каждое выказывание заставляло собеседника врасплох, как камень, вдруг возникший на дороге, и требовало произвольной, лишь интуицией подсказываемой точности ответа. И каждый новый поворот в этом причудливом лабиринте фрагментов истины напоминал о том, что жить – значит рисковать: каждое слова и каждая мысль вставала перед нами как решающее испытание, именно «застава», через которую невозможно пробиться и нельзя не пробиться.

Вообще-то, умение сказать, как можно короче, и выразительнее, то есть, «сказать, как отрезать» ценится высоко среди ясно мыслящих людей. Тот, кто говорит «одним словом», сообщает слову выразительность жеста. Так я считал и полагал ещё, что уплотнять речь – значит превращать речь в плоть. Я всегда задумывался над тем, каков же механизм языка и мысли, которая скрыта в нашей телесной практике, как некое волшебство, чреватое интеллектуальными образами, при помощи которого интеллект способен создавать свою собственную сферу знания и выражения. Тело занимается сокрытием в себе важных органов и поглощением всего, что поддерживает его жизненные физические силы, а телесная интуиция предваряет рацио-

нальное мышление, и миссия мудреца – оберегать единство бытия, то есть, изначальный ещё ничейный опыт целостности сущего до дуализма, вносимого в мир субъективным сознанием.

Мне казалось всегда, что я хорошо знаю Андрея. Во всяком случае, я так думал. Но из разговора с двойниками, я понял, что совсем не знаю моих друзей. И с ними со всеми придётся мне знакомиться заново.

Пока я разговаривал с двойниками моих друзей, студенческая столовая опустела, началась третья пара занятий. Мне тоже нужно было идти на урок, но я ещё до конца всё для себя не выяснил, что же представляли собой все эти двойники. Мне пришёл на память рассказ Германа Гессе «Прибежище», где он говорил о том, что мечтает найти убежище. И эта мечта, как было там написано, принесло ему понимание: «Как и всякое понимание, оно явилось в облике хорошо знакомом, я его уже ни раз встречал. Это было изречение, случайно прочитанное мной в одной книге, старая фраза, которую я давно знал и помнил наизусть. Но теперь оно звучало по-новому, оно звучало во мне. «Царство Божие внутри нас».

В этом высказывании Гессе, как мне кажется, обрёл равновесие и гармонию с миром. Он проник глубоко сам в себя и открыл внутри себя новую обитель, которая принадлежала только ему. Вероятно, в этот момент он и слился со своим внутренним двойником. Он так и писал: «Я опять получил что-то, чему могу следовать, чем руководствуюсь, чему отдаю свою кровь. Это – не желание и не мечта, это – цель. Цель эта – снова прибежище. Но не пещера и не корабль. Я ищу и жажду прибежища внутри самого себя, ищу пространства или точки, куда не достигает мир, где я один дома, оно надёжнее гор и пещер, надёжней и укромней, чем гроб и могильная яма. Вот моя цель, туда ничто не может проникнуть, ибо это слито со мной».

"Так вот, значит, что собой представляет этот двойник. Он живёт в своём убежище. И как говорил великий писатель: «О глубокое прибежище! Ты не доступно никаким бурям, тебя не опалит огонь, тебя не разрушит никакая война. Маленькая каморка в глубине собственного существа..., маленькая колыбель, к тебе устремляюсь я».

Значит, там живут наши двойники, но так как мы туда не заглядываем, в эти маленькие каморки, отдаваясь в наш судорожный век разным своим делам, то оно, это наше внутренне я, отделилось от нас, и стало жить своей независимой жизнью. И для того, чтобы обрести целостность, мы должны слиться с ним, стать одним целым с нашим внутренним двойником, потому что он умнее и добрее нас, он владеет всеми нужными знаниями. Он и есть наша Вселенная.

"О, Боже! Как сложно устроен мир! – подумал я. – У каждого из нас есть своё представление о мире. Представление о мире как о системе, представление об общих границах картины мира и о неклассической связи бытия системы и бытия включённых в неё элементов позволяет прийти к некоторому новому понятию бесконечности. У каждого из нас есть своя вселенная, и нет у нас общей Вселенной, так как мир настолько разнообразен, что в чём-то одном всегда скрыт миллион чего-то другого". Поэтому мне очень захотелось знать, что же нас всех так разъединило.

Прозвучал звонок. Мне нужно было идти в аудиторию. Я простился с двойниками и вышел из столовой. Поднимаясь по лестнице для встречи со студентами, где я должен был прочитать лекцию о панлогизме, я подумал с огорчением: «Нас всех разъединило то, что все мы стали умными. И вина за всё это лежит на древнегреческих философах. А началось всё с того, что древнегреческая мысль включила структуру мира в определение бытия. Под какими бы иррациональными псевдонимами не скрывалась структура мира, какие бы не протяжённые, сверхмировые сущности не претендовали на функцию мирового разума, какова бы не была интерпретация Анаксагорова Нуса, в основной фарватер науки вошла проблема протяжённого разума мира, его пространственной структуры. Древние греки придумали свой разумный мир, произвольно структурировали его своим меркам, а мы сейчас должны расплачиваться за их заумность, не находя в себе мужества признать, что всё, что когда-то мыслилось, было сущим вздором. И мир вовсе не конструирован человеческим разумом, а живёт по своим законам и

правилам. Конечно же, человек что-то привносит в него от себя, но всё, что он привносит в него, – это тоже вздор и чудачества наших двойников, томящихся от безделья в наших скрытых прибежищах внутри нас. И как бы мы не старались понять мир, мы его никогда не поймём. Ведь что такое человек? И что такое Вселенная и Вечность? Это Эйнштейн со своей теорией относительности произвольно сделал временные интервалы неотделимыми от пространственных, и наоборот. Большой глупости не могло случиться в философской мысли. Но какой теория была красивой! Она, ещё в более явной и осязаемой форме, чем классическая наука, решила и волновавшую Декарта проблему действительного бытия сенсуально постижимого мира, и лежащую в основе пессимизма Паскаля аннигиляцию (превращение в ничто) краткого человеческого «здесь и теперь» перед лицом объемлющего его бесконечного пространства и бесконечного времени.

Но может быть эта бесконечность времени и пространства существует только внутри нас, в нашем воображении и в нашей душе?! Это вы внутри себя создаём этот пространственно-временной мир, конструируем его и заполняем взаимодействующими бесконечными по сложности системами, отображёнными только в нашем сознании и, полагая, что они существуют в мировых точках. Но наше «здесь и теперь» исключает и опустошённое пространство, и опустошённое время и аннигилирующие при своём разделении пространственные точки и временные моменты. Наш разум и мир – это разные вещи. Наш разум есть и существует, а вот мира, как мне кажется, нет и без нашего разума и сознания быть не может. Стоит нам закрыть глаза или заснуть, и весь мир тут же исчезает. Так что же нас разъединяет с миром и самим собой?»

Я подошёл к аудитории и вдруг увидел стоящего у двери фантома Юрия. В коридоре больше никого не было. Занятия уже начались, и мои студенты ждали в аудитории моей лекции.

– Вы что здесь делаете? – спросил я его.

– Жду вас. – ответил он.

– Зачем вы меня ждете?

– Хочу вам сказать, что двойники ваших друзей отказались собираться вместе на квартире Юрия.

– Почему? – спросил я его.

– Потому что, им не нравится сама идея встречаться с кем-то за спиной своих хозяев. И они, быть может, правы, потому что, поймите меня правильно, мы все очень привязаны к нашим подопечным, составляем их внутренне нутро, и показывать его посторонним без разрешения на то наших господ, не совсем корректно. Я сам вышел к вам и разоткровенничался только лишь потому, что находился в ссоре с моим хозяином.

– Да, я это уже понял, – сказал я, – я и сам недавно подумал об этом, что лезть кому-то в душу без ведома её владельца на то – не совсем правильно. Я сам бы не хотел, чтобы моё эго делилось с кем-то моими секретами без моего ведома и разрешения. Но мои друзья позволили мне общаться с их двойниками, и те, вроде бы, были не против сойтись со мной поближе. Мы уже кое о чём с ними переговорили, но времени не было углубить наши отношения. А где мой фантом Александр?

– Он – в вас, – сказал двойник Юрия, – вы же обнаружили его местонахождения.

– Так значит, я с ним соединился! – радостно воскликнул я. – И сейчас мы вместе с ним составляем единое целое.

– Да, – ответил он, – пока это так, но это не значит, что он постоянно будет пребывать в вас, как только вы с ним придёте к несогласию или конфликту, он тут же покинет вас и пустится в своё путешествие.

– А вы не хотите примириться со своим хозяином? – спросил я его.

– Нет, – ответил он, – пока он проявляет строптивость и остаётся в психушке, мне с ним не по пути.

«Вот оно что, – подумал я, – значит, эго Юрия намного разумнее, чем он сам. Но ведь сам Юрий намного умнее всех нас, его друзей. Представляю, какой потенциал может скрываться в его эго!»

Я всегда немного завидовал способностям Юрия решать трудные задачи, а его проникновенный ум всегда восхищал меня. Юрий был неким знаменем новой эпохи, обладающим совершенными чистыми речениями, в которых всегда чувствовалось вызревание некоего нового смысла становления человека и его небывалого по своей значимости природного синтеза мысли. Несомненно, Юрий вобрал в себя всё, что можно было вобрать, и прошёл через всё, через что можно было пройти. Поэтому он и попал в психушку. Он стал как бы неким «монахом в миру», синкретизировав в себе все современные культурные достижения человечества и освободив себя от всех религиозных идеалов и догм. Он всё принял, как есть, ничего не критикуя, ни от чего не отказываясь, потому что был согласен со всем, что бы перед ним ни открылось, и что бы ему не предлагали. Он, как мудрец, примирился со всем миром, и с его гениальной прозорливостью, и с его безумием. Можно сказать, что он познал совершенную Истину.

Мы часто в свободное время общались с Юрием, так как были всегда близкими друзьями, и мне казалось, что я его хорошо понимаю.

Он полагал, что всё, что создаётся человечеством, имеет право на существование и осуществление. Любые источники духовности ценны сами по себе и находятся в естественной связи между собой, так как в каждом из этих источников есть своя истина, но человек должен быть внутренне свободен от любых источников духовности, так как он сам внутри себя имеет свой собственный источник, который и питает его жизнь. Только благодаря своему собственному источнику духовности он может стать хозяином своей судьбы.

Он говорил: «Можно примеривать любые одежды, но самая лучшая наша одежда – это наша собственная кожа. Человеку не нужно искать истину, потому что он сам со своим сознанием является последней инстанцией в определении Истины, он сам способен судить себя, и все доктрины ничего не значат по сравнению с его способностями и жадой Истины, так как все доктрины преходящи, а его совесть и сознание постоянны. Вся человеческая жизнь соткана из чудесных моментов и мгновений, эти мгновения и моменты есть та Истина, которая наполняет его жизнь, и опыт его бодрствующего сознания, внимающего потоку жизни и удостоверяющего своё бытие и наличие в реальности и создаёт ту данность, которая не может быть ничем ограничена. Из чего же рождается истина как ни из нашего собственного сознания?! Именно в нём и происходит единение единичного и единого. Быть с Истиной – это как быть сообщённым с действительностью, с которой мы связаны всегда нерасторжимой связью, и которая неотделима от каждого конкретного момента времени. И эта сообщительность соотносит нас каждое мгновение с чем-то «вечно другим» и так оправдывает присутствие в нас Желания – этого вестника бесконечного в человеческой душе. Самое долговечное в человеке – не обязательно самое универсальное. Долговечна не абстрактная истина, а искренность чувства, не данная человеку как случайный подарок судьбы, а бесконечно долго предвосхищаемая, приготовляемая, и потому неизбежная».

Юрий говорил мне, что истина – это то, что душа принимает как истинность.

Так что же такое Истина, как не то, что остаётся с нами, что может быть даже иллюзией, но это мы и считаем Истиной. Оно может быть совсем не очевидно, но пребывает в рамках нашего наличного сознания, оно доступно нам, понятно и понято. Истина – это знание того, что остаётся в нас, оно может быть даже незнанием, а всего лишь предчувствием или смутной догадкой. Мы с чем-то соединяемся, сообщаемся с тем, что было раньше, что уже оформилось, возможно, что уже и исчезло, но некая завершённость всё же осталась, несмотря на время и пространство, и оно наличествует как уже высшее, потому что требует постижения безграничного поля опыта. Истина даётся прежде всего, а познаётся после всего. Истина – это связь

времён, где прошлое смыкается с будущим. Это нескончаемый путь сердца, а перлы мудрости – вехи, его отмечающие. В любых знаниях существует самопознание, и ещё в них есть нечто «совсем другое», что не имеет к нам никакого отношения. Это «другое» существует и будет существовать с нами или без нас вечно. Это – недостижимая, неразгаданная древняя тайна, и она всегда была в прошлом, как наносной слой знаний, и вряд ли станет нашим настоящим, потому что, обретая самые совершенные знания, мы так или иначе теряем то, что из них выпадает по причине нашего вечного несовершенства, несмотря на наше влечение приобщённости к всеединству жизни через понимание нашего отличия от неё. В этом и заложен смысл обретения эстетического опыта как меры этического и художественного совершенства, как средства обучения и воспитания.

Истина сообщительности и есть тот закон творческой жизни, который нас постоянно совершенствует. И даже в своих лекциях, я каждый раз, читая их, прибегал к творчеству, старался не повторяться, а постоянно двигаться к новому, свежему, только что мной открытому.

Я протиснулся с двойником Юрия, вошёл в аудиторию, где было всего девять человек, и начал читать свою лекцию.

7. Вхождение в новый мир

Моя лекция была о панлогизме, тема, сама по себе, выглядела не совсем понятной, так как содержала в своём толковании много противоречий. Но я отважно принялся за её объяснение. Я сказал:

– Прежде чем понять, зачем нам нужна физика и математика, нужно познакомиться с философией. Декарт открыл нам все прелести метода, Спиноза представил нам систему в её единстве, Лейбниц показал нам систему в её многообразии. При Канте же система перестала быть системой знаний о мире; она взяла на себя функцию представления о самой себе, о методах познания мира, о его априорности и его границах. Но вот пришёл Гегель, злой гений, и произвёл революцию в соотношении метода и системы. Он не субъективировал эту систему, а напротив, объективировал её: метод познания, его логика и само мышление стали абсолютным духом – объективным демиургом действительности, для которого действительный протяжённый мир превратился в инобытие. С тех пор это заблуждение так и осталось в нашем сознании, и живёт там по сей день.

Девять пар глаз внимательно наблюдали за мной и внимали моим словам.

– Для Гегеля, как и в Библии, «вначале было слово». Самое бессодержательное, самое словесное слово. Это слово – бытие. С него начинается логический анализ, который для Гегеля совпадает с реальным мировым процессом. Бытие стало всего лишь исходным звеном в логической цепи. Простое чистое бытие, лишённое всяких предметных суждений, как и в понятии ничто! Логика стала богом Панлогизмом, а бытие – всего лишь придатком к ней. Как логика рассудит, так, то и будет. И если что-то не поддаётся логике, то такого не может существовать априори. Бытие для Гегеля стало абстракцией, возникшей на основе конкретного, но которое устраняет это конкретное, поэтому опосредование как бы уничтожает самое себя, конкретное исчезает, опосредование абстракции исчезает, абстракция становится бессодержательной. В результате получается понятие, от которого идёт ряд других понятий, но само оно, начиная этот ряд, как бы существует и как бы не существует. Такое начало и открывает дорогу панлогизму: реальный процесс не может происходить иначе, как в виде логического процесса, причём начало последнего – это абсолютное начало, порвавшее свои связи с конкретным. Не правда ли, получается абсурд!

Некоторые студенты в знак согласия кивнули мне головами.

– Тогда стали и все науки, представляющие логику, абсурдными, не правда ли? – задал я провокационный вопрос.

Студенты застыли в ожидании, никак не отреагировав. Я держал паузу. И тогда один очкастый студент, сидящий в первом ряду, спросил меня:

– Так что же, физику и математику тоже можно считать ложными науками?

– Совершенно верно, – ответил я, – физика и математика – это самые ложные науки, не представляющие собой ничего, кроме заблуждений. Помимо того, что они не объясняют картины мира, ни даже не могут нам дать определение сущностного бытия.

– Так зачем же нам их изучать? – спросил этот студент.

– Не знаю, – сказал я, разведя руками, – может быть, ради праздного удовольствия, а может быть, просто, вас заняться другим нечем.

После такого заявления, студенты смотрели на меня как-то странно, и я подумал: «И так ко мне на лекции ходит мало народу. А после этого заявления их будет ещё меньше. Может быть, зря я им всё это говорю»?

Но я всё же продолжал говорить:

– Гегель так и сказал: «Бытие есть чистая неопределённость и пустота. В нём нечего созерцать, если здесь может идти речь о созерцании, или, иначе говоря, оно есть только само

это чистое, пустое созерцание. В нём столько же мало есть нечто такого, что можно было бы мыслить, или, иначе говоря, оно равным образом есть лишь это пустое мышление. Бытие неопределённое, непосредственное, есть на деле ничто и не более и не менее, чем не ничто».

И тут я вдруг подумал: «А может быть, Гегель был прав? Просто мы его понимаем как-то не так, как надо. Может быть, и, в самом деле, бытие – это ничто, мираж, который нам кажется. И это бытие порождает наше внутренне эго, живущее по законам логики и творчества. Ведь у нас есть воображение, так сказать, творческое начало, которое может нам представить всё, что угодно, если наш разум склонен к логике и абстракции, то всё, что нас окружает, является продуктом нашего воображения и творческих логических умо-построений, которые начали творить не мы, а ещё древние греки? Мы просто привыкли к тому, что нам «втюхивали» в наше сознание наши предки ещё несколько тысяч лет тому назад. И мир совсем не такой, какой он представлен нашей наукой. Просто, сейчас у нас начинают открываться глаза. Так что, это бытие, представляемое нам мудрецами, это – ничто. И Гегель тысячу раз был прав, говоря об этом. Но что же такое действительность, и в каком соотношении она находится с бытием?»

Я всматривался в глаза студентов, пытаюсь понять, могу ли я поделиться с ним своими сомнениями по поводу общепризнанных истин, которые совсем не являются истинами. Но я сомневался, смогут ли они принять мои объяснения и стать на мою сторону.

«Но как же исчез мой двойник? Как он вошёл в меня и поместился во мне?» – опять подумал я.

Пауза несколько затягивалась, и мне нужно было что-нибудь говорить.

– Что такое пустота? – спросил я их.

Они молчали.

– Пустота, – сказал я, – это «чистое ничто», по мнению Гегеля, или «чистое небытие», и оно становится в неклассической ретроспекции весьма прозрачным и позволяет увидеть скрытое за ним конкретное и содержательное понятие. Со времён Демокрита, который говорил о небытие, «ничто» всегда сохранилось в качестве такого содержательного понятия. У Гегеля чистое «ничто» считается началом логической цепи, затем сменяется содержательным понятием «определённого ничто», как он говорил «ничто некоторого определённого нечто». Но что же такое «ничто» и «Нечто»?

Студенты продолжали молчать и внимательно слушать меня. И я подумал: «Может быть, эта маленькая каморка в глубине нашего существа, о которой говорил Гессе, это убежище духа, и есть это пресловутое «ничто», в котором и живёт наш двойник Нечто, который постоянно влияет на нашу жизнь. Это – когда в пустом пространстве живёт пустота, но эта пустота деятельна и активна, как огонь, который по своей сути тоже пуст, но он, несмотря на свою пустоту, всё же наличествует. Так же и мой двойник, брат Александр, хочет вырваться из пустоты – вырывается, хочет вернуться в эту пустоту – исчезает. Но пустота тоже не является мёртвой, и это подтверждается наукой.

В это время я говорил:

– Квантовая механика описывает события, происходящие при температуре абсолютного нуля. Она создала яркий образ определённого ничто, а современная физика привела к представлению о вакууме поля. Взаимодействие частицы с вакуумом придаёт ей дополнительную энергию, откуда эта энергия берётся – физика объяснить не может. А это значит, что энергия вакуума, этого «ничто», не может равняться нулю.

"Значит, мой двойник Нечто, – думал я, – хоть и является полным нулём, потому что его как бы нет в физическом мире, но всё же он обладает какой-то энергией и силой. Сам по себе нуль, при полном отсутствии протяжённости, всё же является бесконечно малой величиной, что бы там ни говорили, так как обладает стягивающей в нуль функцией. Ведь исчезнуть в физическом мире можно только через определённые врата, поэтому этот нуль и является этими вратами, через который происходит переход к пределу, то есть, исчезновению определённого

нечто, где всё же остаётся определённое ничто, как сама функция, стягивающаяся в нуль. В моём случае «вне-здесь-сейчас бытие» стягивается в «здесь-сейчас бытие», а потом исчезает, возвращаясь к себе. Забавно! Значит и мне можно войти за ним в эту дверь, а потом выйти? Но всё же не понятно, что такое ничто? Может быть это эфир? Но нет, Эйнштейн устранил эфир из числа физических понятий. Но что же он оставил? Ах, да, он оставил ничто – четырёхмерный незаполненный континуум, он не был чистым ничто и обладал множеством предикатов, тем, что в суждении высказывается о предмете суждения. Это особенно ярко показала его теория относительности. У Гегеля категория ничто стоит рядом с категорией становление. Гегель чистое ничто и чистое бытие называет пустыми абстракциями. Но становление выводится из них как чисто логическая операция. Бытие переходит в ничто в силу своей тождественности с ним, но в ничто бытие остаётся у себя, а это означает, что бытие, становясь ничем, остаётся бытием. Новым бытием, а это и есть становление".

"Вот как удачно всё объяснено по поводу моего двойника! Когда мой двойник вернулся в меня, то есть, в свою каморку «ничто», то он сразу же стал мной, и если мне когда-то придётся исчезнуть из этого мира, то я стану им, и буду пребывать в его пространстве, называемом "здесь у нас ничто". Значит, в этом «ничто» я всегда буду Нечто. Но от этого гегелевского «пребывания бытия в ничто, где бытие остаётся у себя» у меня остаётся какое-то двойственное чувство. Может быть, так и должно быть, ведь, наверное, так устроен мир. Гегель в своей логике чем-то похож на Эйнштейна с его критериями внешнего оправдания и внутреннего совершенства. Но, как бы там ни было, становление, по Гегелю, обладает двумя компонентами: становление как переход в бытие, и становление как исчезновение и прихождение, если исходить из бытия. Становление приводит к чему-то ставшему, что обладает наличным бытием. А это значит, что в каждом случае и со мной и моим двойником произошло становление, но мы произвели его, обретая каждый свои собственные свойства. Ведь как говорил Гегель: «Безудержное движение не может удержаться в абстрактной подвижности, и поэтому становление оказывается «чем-то исчезающим, подобно огню». Мы не можем длиться вечно, но можем постоянно меняться с двойниками местами и поэтому всегда оставаться в какой-то реальности, постоянно переходя из одного в другое». Ведь мы, как энергетические субстанции, взяли не из пустого места, а пришли же в этот мир откуда-то".

В тот момент я поймал себя на том, что то, что я думаю, произношу вслух. Студенты с интересом меня слушали. Как видно, в какой-то момент я потерял контроль над собой и озвучил свои мысли.

– Скажите, – спросил меня студент в очках из первого ряда, – а чем отличается бытие от существования?

– Гегель, – сказал я, – понятие наличного бытия дополняет наличием сущности и существования. Сущность – это пребывающее, сохраняющееся, не изменяющееся в потоке сменяющихся друг друга элементов бытия, которые возникают в качестве наличного бытия. Проникая в сущность, разум формулирует законы бытия и вводит неизменяемые величины, неизменность которых гарантирует всеобщность закона. Таковы законы сохранения. Но Гегель говорит: «сущность должна являться». Иными словами, обоснование явления не должно препятствовать его тождественности самому себе, его автономии, её относительной непосредственности.

«Как в случае со мной, – подумал я, – где моё эго проявилось само по себе в виде моего двойника, в то время, как я продолжал оставаться самим собой, дав ему возможность превратиться в сущность и обрести свою автономию».

– Явление существует, – продолжал говорить я уже студентам, – потому что оно не сводится к своему основанию, своему опосредствованию; будучи опосредствованно, обладая сущностью, оно в то же время обладает непосредственностью, из чего и складывается внутреннее совершенство и внешнее оправдание, из чего и рождается действительность, так как существование

не противостоит сущности, а возникающая между ними связь приводит к единству, ведь действительность есть ставшее непосредственным единство сущности и существования.

– Можно сказать, что существование выражается через сущность? – спросил меня студент с первого ряда.

– Можно и так сказать, – согласился я с ним, – но не нужно забывать, что в синтез сущности и существования, как понятия реального, конкретного бытия, входит критерий противоречия.

– Как это? – спросил тот же студент. – Ведь бытием обладает непротиворечивый объект.

– Вот именно, – сказал я, – бытием обладает противоречивый объект. Если бытием обладали только непротиворечивы объекты, то в мире не было бы движения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.